

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

На правах рукописи

Карнышева Ольга Александровна

ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТИ И САМОСОЗНАНИЯ (СИБИРСКИЙ ФРОНТИР)

19.00.01 – Общая психология, психология личности,
история психологии

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психол. наук, профессор
Залевский Генрих Владиславович

Иркутск - 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ	16
1.1. Сущность национального (этнического) самосознания ...	17
1.2. Общее содержание этнической идентичности личности, её уровневые варианты и связь с национальным самосознанием	26
1.3. Моноэтническая и биэтническая идентичность как индикаторы особенностей национального самосознания личности.....	39
Выводы по первой главе	53
ГЛАВА 2. РЕСУРСНАЯ МОДЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ: СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ	56
2.1. Основные подходы в анализе взаимосвязи национального самосознания и этнической идентичности личности.....	56
2.2. Патриотические и националистические установки, самоуважение как основа взаимосвязи ценностно-ориентационных ресурсов и ресурсов самовыражения личности.....	72
2.3. Рефлексивные и коммуникативные ресурсы личности в их влиянии на становление этнического самосознания и отношения к «другим»	88
Выводы по второй главе.....	103
ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПОНДЕНТОВ ИЗ СИБИРСКОГО РЕГИОНА)	106
3.1. Методология и основы организации исследования.....	106

3.2. Эмпирический анализ проблем национального самосознания и становления позитивной этнической идентичности у сибирской молодежи.....	113
3.2.1. Изучение особенностей типов этнической идентичности на примерах «моноэтнических» и «биэтнических» респондентов	113
3.2.2. Изучение уровней и содержания патриотических ориентаций как особенностей проявления национального самосознания ...	123
3.2.3. Повышение самооценки личности и развитие ее межкультурной компетентности как основа реализации модели позитивной этнической идентичности	131
Выводы по третьей главе	148
Заключение	153
Список литературы	158
Приложения.....	174
Приложение 1. Методика «Типы этнической идентичности личности» Г.У.Солдатовой	174
Приложение 2. Методика «Изучение самооценки личности с помощью процедуры ранжирования» Будасси С.А.	178
Приложение 3. Опросник МОАС (методика оценки альтернативных суждений) «Проблемы этнической идентичности личности».....	180

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Проблема понимания, функционирования, развития этнических самосознания и идентичности личности до сих пор является одной из актуальнейших не только в России, но и во всем мире. В современной общественной ситуации, в условиях нарастания интенсивности межнациональных коммуникаций, развития средств массовой информации и роста миграционных процессов, общество является крайне разнородным в этнокультурном отношении и характеризуется культурной «мозаичностью». Это приводит с одной стороны к формированию поликультурной социальной среды, а с другой стороны, в тоже время отмечается увеличение количества обращений к традиционным этнокультурным ценностям, поиску этнического образа самоидентификации.

Сегодня нередко человек остается один на один с быстро меняющейся действительностью, и ему очень важно разобраться, кто он такой, и на какие ценности ему ориентироваться. Этнические сообщества помогают ему, с одной стороны, четче определиться с целостностью мира, а с другой стороны, выстроить целостность своего «Я». Это делает актуальным разностороннее рассмотрение проблемы этнического самосознания и этнической идентичности личности. Еще А.Маслоу [92] говорил о самоидентичности как «*sin qua non*» («непременном условии») человеческой природы и любой философии или науки, изучающей человеческую природу. В то же время все многочисленнее становятся примеры, когда в силу конъюнктурных причин люди декларируют изменения в своей этнической идентичности, одновременно не допуская серьезной трансформации этнического самосознания. Этничность порой становится «разменной монетой», которой пользуются в зависимости от того, что на нее можно «купить». «Стадиальная» концепция развития этниче-

ской идентичности, предложенная зарубежными учеными, предполагает наличие и непроверенной и реализованной стадий. Для нашей диссертации больше характерно обращение к ресурсам реализации национального самосознания и этнической идентичности.

Актуализация этнического самосознания в современном мире объясняется двумя моделями – «моделью фильтра» и «моделью буфера» [89]. В рамках «модели фильтра» возрастание роли этничности в настоящее время объясняется тем, что сложность современной информационной ситуации значительно опережает возможности людей адекватно реагировать на эту ситуацию, в результате чего возникает острая потребность в "информационных фильтрах", в частности, в обращении человека к этническим ценностям, представляющимися вечными и незыблемыми в бурном потоке времени.

С точки зрения «модели буфера» система этнокультурных представлений (верований, убеждений) в настоящее время рассматривается в качестве буфера или преграды на пути стрессов, защищает человека от травмирующего осознания неизбежности смерти, оптимизирует процессы, связанные с личностной самореализацией, задавая четкую систему ценностных и смысловых ориентиров [89]. Таким образом, по меткому выражению психолога Стефаненко Т.Г. [145], в условиях острой социальной нестабильности этнос для личности часто выступает в качестве «аварийной группы поддержки».

Исследование этнического самосознания в российской психологии всегда было так или иначе связано с изучением культурного его многообразия (Вяткин Б.А., Хотинец В.Ю., Трусков В.П., Стефаненко Т.Г., Синкевич З.В., Мухина В.С., Лебедева Н.М., Дробижина Л.М. и др.). Рассматривались особенности этнического самосознания представителей разных народов, в различных социальных условиях. Многие российские исследования посвящены

проблемам этнической идентичности (Лебедева Н.М., Солдатова Г.У., Стефаненко Т.Г., Белинская Е.П. и др.), а также особенностям становления этнической идентичности в условиях поликультурной среды в различных регионах страны [см. 78, 138, 144, 145 и др.]. Известный тест Г.У. Солдатовой «Типы этнической идентичности» дифференцирует данный феномен по условной «пятивариантной» шкале: от этнической индифферентности (космополитизм) до национального фанатизма [см.138].

Вместе с тем, далеко не всегда четко устанавливается соотносительность понятий этническое (национальное) самосознание и этническая идентичность. Некоторые ученые рассматривают этническую самоидентификацию и этническое самосознание как однопорядковые, но не тождественные понятия. Этническая самоидентификация есть чувство принадлежности к той или иной этнической общности по определенным параметрам этногенеза. А этническое самосознание является результатом широкой идентификации, которая включает в себя этническую и другие формы актуальной идентификации, соответствующие существующим объектам полиморфной социокультурной среды, воплощающим в себе собственные этнические значения. Тем самым этническая самоидентификация является фактором формирования представления о себе как об этническом субъекте, одним из уровней становления этнического самосознания.

В современной науке всё более весомыми и значимыми становятся концепции, которые строятся на основе междисциплинарного анализа исследуемых проблем. В данной диссертационной работе сделана попытка использовать элементы такого анализа. Доктор психологических наук, академик РАН, А.Л. Журавлев, в своей методологической статье «Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии» среди множества реальных и перспективных направлений междисциплинарных научных от-

раслей называет, в частности, наличие трех уровней: внутри-психологический, который может быть представлен на двух уровнях: внутриотраслевом и межотраслевом, и внешне-психологический. Внешне-психологический уровень междисциплинарности подразумевает исследования, пограничные с другими науками, например, появление социально-экономической психофизиологии и т.д. При этом, по словам автора «психология не только успешно функционирует на границах с другими науками, но и отдельные ее отрасли полностью "внедрились" в ряд наук, реально став их структурными составляющими и специальностями» [42, с.19, 21].

Постановка проблемы исследования. Основными противоречиями, которые, так или иначе, необходимо, на наш взгляд, рассмотреть в диссертационной работе, выступают следующие:

- между самооценкой собственной этнической идентичности на уровне своей национальности (бурят, якут и др.) и страны в целом (россиянин);
- между оценками собственной этнической принадлежности, содержания и характеристик национального самосознания у индивидов с моно- и би-этнической идентичностью;
- между множеством разноуровневых этнических групп, в которые вписан современный человек, с которыми он может себя идентифицировать и которые влияют на становление его этнического самосознания;
- между желательными для сообщества ценностями и нормами, и реально воспринятыми личностью ценностями в их влиянии на процесс формирования этнического самосознания личности;
- между оценкой роли наследственных и социальных факторов влияния семьи на формирование этнического самосознания личности и её идентичность;
- между индивидуальной и общественной патриотическими ориента-

циями личности в их влиянии на процесс формирования этнического самосознания.

Данные противоречия выливаются *в проблему* поиска оптимальных и для сообществ, и для каждой личности внешних и внутренних условий формирования ее этнического самосознания и его компонентов.

Объектом исследования является взаимосвязь этнического самосознания и этнической идентичности личности.

Предметом исследования являются ресурсы этнического самосознания и этнической идентичности личности и их связь с этнопсихологическими особенностями сообществ, в которых живет и функционирует индивид (в частности, молодежь Сибири).

Цель исследования – определить особенности основных ресурсов реализации позитивной этнической идентичности личности в их связи с характеристиками национального самосознания.

Реализация поставленной цели осуществлялась в процессе последовательного решения следующих **задач**:

1. Рассмотреть варианты соотношения содержания, структуры и уровней национального самосознания и этнической идентичности личности в зависимости от референтности сообществ, в которые включен индивид.

2. Охарактеризовать моно- и биэтнические особенности национального самосознания личности как формы реализации (проявления) её этнической идентичности.

3. Обосновать ресурсную модель национального самосознания и этнической идентичности личности на основе взаимозависимых и взаимопроникнутых параметров структуры личности и референтных этнических групп.

4. Провести эмпирическую проверку взаимосвязи структурных компонентов этнического самосознания и этнопсихологической идентичности лич-

ности, а также возможностей их оптимизации.

Теоретико-методологической основой работы являются:

- Основные положения культурно-исторической концепции Л.С.Выготского;
- Междисциплинарный подход как на внутри-психологическом, так и внешне-психологическом уровне исследований (А.Л.Журавлев);
- Субъектно-деятельностный подход к анализу ресурсов личности (Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев, М. Коул и др.) и ее идентичности (А.В.Серый);
- Целостно-ценностная парадигма Г.В.Залевского (биопсихосоциально-этическая модель как интегрированный подход к изучению природы человека, включающий идеи системной детерминации и его структурно-уровневой организации);
- Деятельностный анализ изоморфизма ресурсов личности, семьи и этноса (А.Д.Карнышев).

Гипотезой выступило предположение о том, что, хотя взаимосвязь национального самосознания и этнической идентичности личности обусловлена их тождественными (пересекающими) характеристиками, в то же время у каждой из них есть специфические свойства и функции, зависящие как от особенностей и ресурсов человека конкретной национальности, так и от уровня развития и референтности этнических сообществ, в которые включен индивид.

Основная гипотеза может быть детализирована следующими допущениями:

Допущение 1. Моноэтническая идентичность и биэтническая идентичность и их преимущественно генетическая или социокультурная детерминация по-разному воспринимаются самими «носителями» и окружающими их людьми, в связи с чем становятся детерминантами понимания и оценки осо-

бенностей национального самосознания: представители моноэтнических семей более категоричны в его оценках.

Допущение 2. Патриотические и националистические установки являются близкими по содержанию проявлениями ценностно-ориентационных ресурсов национального самосознания личности, но характер самобытности и уровневые варианты этнических сообществ влияют на изменение их оценок до противоположных.

Допущение 3. «Уровневая» этническая идентичность личности связана с особенностями её рефлексивных ресурсов и самооценки, может носить оттенки не только общенационального (страна) и этнического (малая народность), но и территориального (город - село) своеобразия.

Допущение 4. Поскольку коммуникативные ресурсы национального самосознания определяются не только установлениями «своего» этноса, но и имплицитно включают в себя оценку со стороны «других» этнических групп, межкультурная компетентность является важнейшей особенностью позитивной этнической идентичности личности.

Методы исследования. Для реализации цели исследования и решения поставленных задач был сформирован методический комплекс, включающий в себя совокупность разнообразных **методов**:

1) теоретические – изучение и анализ научной литературы по проблеме этнического самосознания, и особенно, этнической идентичности личности, а так же влиянии на их становление этнопсихологических характеристик различных сообществ;

2) эмпирические - использовались с целью диагностики основных компонентов этнического самосознания личности, а так же для оценки влияния этнопсихологических характеристик сообществ на его формирование. В частности использовались: анкетирование по авторской анкете, методика

Г.У.Солдатовой «Типы этнической идентичности», методика исследования самооценки личности С.А.Будасси; личностный дифференциал; модифицированный опросник «Кто Я»; опросник МОАС; анализ сочинений старшеклассников; метод ранжирования уровней социальной идентичности личности.

3) статистические – методы математической статистики - которые использовались для количественной обработки полученных данных, определения уровня значимости и надежности выявленных корреляционных связей. Математическая обработка данных проводилась с помощью статистического пакета SPSS, версия 21.0.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается: в разработке модели этнопсихологической идентичности личности, построенной на основе изоморфной связи параметров личности и социума; в систематизации подходов к роли в процессе формирования этнического самосознания личности социума и его этнопсихологических характеристик; в выявлении уровневого значения для человека окружающих его сообществ и связанных с ним оценками патриотических чувств личности, а также соотношения личностных и общественных интересов в патриотизме как высшем уровне идентификации человека с социумом.

Надежность и достоверность результатов исследования обеспечивалась методологической обоснованностью исходных положений, применением комплекса взаимодополняющих психодиагностических методик, соответствующих цели, задачам и гипотезам исследования, достаточным объемом выборки и её репрезентативностью, корректным применением методов математической статистики и содержательным анализом выявленных фактов.

Практическая значимость исследования:

- предложенная модель изоморфных ресурсов национального самосоз-

нения и этнической идентичности личности и сообщества (ресурсная модель самосознания и идентичности) выступает основой для разработки и реализации специальных программ и тренингов по развитию этнического самосознания и формированию позитивной этнической идентичности личности;

- разработанный и апробированный опросник «Методика оценки альтернативных суждений» используется для диагностики готовности представителей разных этносов к межэтническому сотрудничеству;

- основные выводы, полученные в нашем исследовании, используются при реализации образовательных программ по психологическим дисциплинам на различных отделениях Педагогического института Иркутского государственного университета; а так же в организации и проведении практико-ориентированных семинаров, круглых столов, тренингов по формированию позитивной этнической идентичности у молодежи, повышению у нее уровня патриотизма и развитию навыков эффективного межэтнического общения.

Отдельные идеи и результаты диссертационного исследования обсуждались на научно-методических и научно-практических конференциях: «Этнопсихология и практическая психология формирования межкультурной компетентности» (Иркутск, 2013 г.), «Поликультурное образование как основа межнационального согласия» (Иркутск, 2013 г.), «Психолого-экономические и этнокультурные ресурсы улучшения межнациональных отношений в российских регионах» (Иркутск, 2014 г.), «Модернизация образования и векторы развития современного поколения» (Москва-Шадринск, 2016 г.), «Социальная и экономическая психология» (Москва, Институт психологии РАН, 2018 г.), «Опыты экономического патриотизма во Франции и в России» (Париж, 2018 г.), «Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа «малой родины» (Иркутск, 2019).

Материалы диссертационной работы апробированы при написании учебных и учебно-методических пособий, рабочих программ дисциплин по практико-ориентированным и лекционным курсам. Основные положения исследования изложены в разделах монографий, учебно-методических пособиях для студентов педагогического и психолого-педагогического направления обучения, статьях, тезисах, научных докладах общим объемом более 17 п.л.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что:

- уточнены особенности взаимосвязи национального самосознания и этнической идентичности личности на примерах индивидов с моно- и биэтнической идентичностью, определены личностные ресурсы данной взаимосвязи;
- впервые теоретически рассмотрено взаимовлияние изоморфных этнопсихологических параметров личности и социума на становление национального самосознания и этнической идентичности;
- разработана ресурсная модель национального самосознания и этнической идентичности личности;
- впервые выявлены особенности позиций и ресурсов у представителей биэтнической идентичности на примере этнофоров из числа сибирской молодежи;
- показаны особенности взаимосвязи феноменов «идентичность» и «патриотизм», их уровни и критерии оценки;
- выделены особенности соотношения категорий «самобытность» и «этническая смешанность» на основе анализа разных вариантов их проявления.

Положения, выносимые на защиту:

1. Взаимосвязь национального самосознания и этнической идентичности личности обусловлена их тождественными («пересекающими») характе-

ристиками, в то же время у каждого из данных феноменов есть специфические свойства и функции, зависящие как от особенностей и ресурсов личности, так и от уровня развития и референтности этнических сообществ, в которые включен индивид. Дифференцированные результаты осознания становятся основой определенной иерархии этнических идентичностей, причём особую роль играют установки по отношению к первичному этносу и стране в целом. Уровни осознанной идентификации с территориальными, региональными и, порою, локальными сообществами во многих случаях связаны с феноменами «лояльности», «приверженности», «преданности» и «патриотизма», в которых могут своеобразно сочетаться интересы личности и сообщества. При избыточной переоценке значимости этнической группы (феномен «группового мышления») патриотические установки личности могут трансформироваться в националистические.

2. Основой ресурсной модели национального самосознания и идентичности выступает тождество параметров структуры личности и этнической группы, что можно определить в качестве их изоморфизма. Отличаясь методологией междисциплинарного анализа, такой подход в то же время дает возможность увидеть взаимосвязанные и взаимопроникнутые характеристики личности и сообществ, в которых она живет и действует или стремится войти. Отправной точкой такого анализа в психологии личности может выступать структура деятельности. Особо значимы следующие ресурсы: психогенетические свойства, ценностно-ориентационные и рефлексивные ресурсы, ресурсы этнического самовыражения и коммуникации.

3. Существенные особенности национального самосознания связаны с моноэтнической и биэтнической идентичностью, которые, в свою очередь, являются показателями этнической смешанности / не смешанности семьи и уровня самобытности этноса. Причем смешанность может вести как к утрате

этнической идентичности личности в структуре этнического самосознания (маргинализм), так и к появлению в конкретных этнических сообществах новых специфичных видов идентификации или к размыванию характеристик национального самосознания личности. В научно-практическом плане данные параметры значимы и допускают эмпирическую проверку на основе конкретных исследований.

4. Для становления позитивной этнической идентичности личности решающую роль играют возможности этнического самовыражения в своём сообществе (но эти ресурсы трудно проверить эмпирически). Поэтому особое внимание необходимо обращать к формированию её устойчивой положительной самооценки и межкультурной коммуникативной компетентности в общении с представителями своей и других национальностей. Это особые личностные ресурсы, поскольку, они влияют на когнитивный и поведенческий компоненты этнического самосознания, на объективное сопоставление своих характеристик в процессе идентификации, на уровень уверенности личности в контактах и успешности в них. Помимо этого самооценка личности тесно связана с её этнической самооценкой и чувством национального достоинства.

Объем, структура диссертационной работы – диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложений. Общий объем работы составляет 182 страницы. Список использованной литературы включает 196 источников (из них 178 на русском языке и 18 на иностранных языках). В работе используются результаты авторских исследований по тематике диссертационной работы, проведенных в 2012-2019 годах. Так же в текст диссертации включены некоторые данные, полученные лично автором при участии в исследованиях по грантам РГНФ и РФФИ.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Реализация стремления человека принадлежать группе часто находит свое полное выражение в одной из самых традиционных групп – этносе. В психологии этнос определяется как устойчивая в своём существовании группа людей, осознающих себя её членами. Реально человека, как члена этнического сообщества методологически трудно отделять от самого сообщества. Г. Шпет в книге «Введение в этническую психологию» писал: «сам индивид – коллективен, и по составу, и как продукт коллективного воздействия» [168, с. 9]. Но в научных исследованиях осуществляется градация этнического на основе признаков, воспринимаемых как этнодифференцирующие (признаки, по которым свой этнос отличается от других) и этноинтегрирующие (признаки, на основании которых определяется принадлежность к одному этносу). В качестве этнодифференцирующих и этноинтегрирующих характеристик могут выступить самые разные признаки: язык, ценности и нормы, историческая память, религия, представления о родной земле, миф об общих предках, национальный характер, народное и профессиональное искусство. При этом этнодифференцирующие и этноинтегрирующие признаки отражают чаще всего элементы духовной культуры, и это отражение может быть более или менее адекватным, более или менее искажённым, и даже ложным. Иными словами, этническая общность – это, прежде всего, общность представлений о каких-либо признаках, а не сама по себе культурная отличительность [89].

Сам факт существования этнического самосознания возможен только благодаря его обусловленности этнокультурной средой. Возникновение, функционирование и развитие этнического «Я-образа» мыслимо только через

ознакомление индивида с этническим многообразием мира, осознанием этнической специфики «других». Это хорошо подчеркивают слова С.Л. Рубинштейна: «Не существует Я вне отношений к ТЫ, и не существует самосознания вне осознания другого человека как самостоятельного субъекта» [121, с.636].

1.1. Сущность национального (этнического) самосознания

При использовании в диссертационной работе терминов целесообразно уточнить сущность понятий «этническое» и «национальное» применительно к определению ими других понятий «самосознание» и «идентичность». Здесь существует ряд проблемных вопросов. Во-первых, в исследованиях большинства зарубежных ученых применяется термин этническая идентичность, а второй термин отсутствует. Так, в американской психологической энциклопедии в комментарии по этнической группе говорится, что входящие в её состав члены «разделяют, или считают что разделяют, представление о своей отличной идентичности как группы. Эта воспринимаемая идентичность может основываться на общих религиозных верованиях, цвете кожи, национальном происхождении или других критериях» [118, с. 1035]. В отечественной психологии положение иное. Н. Лебедева, фиксируя показанную выше точку зрения зарубежных ученых, всё же отмечает позицию отечественных психологов: «этническое самосознание – часть этнического сознания, отражающая восприятие и представление индивидов о себе как представителях определенной этнической общности» [78, с.33-34]. Во-вторых, отчасти проблемным можно считать использование терминов «этнический» и «национальный». Опять-таки есть различия в терминологических подходах: «Преимущественно в западной этнологии нация рассматривается как совокуп-

ность граждан государства, как народ, организованный в государство» [178, с. 289]. В то же время есть мнения, что рассматриваемые отличаются по своему масштабу: «понятие этническое самосознание может выражать собой как самосознание отдельной группы этноса (например, восточные и западные буряты), так и нации в целом (русские, украинцы, буряты), и в этом случае оно будет называться национальным самосознанием» [52, с. 36]. На наш взгляд, эти различия могут быть существенными, если речь идет об этнических сообществах разного уровня. С точки зрения отдельного представителя этноса (этнофора) оба термина обычно синонимичны по своему содержанию, и мы в диссертации придерживаемся такого мнения.

В отечественной психологии существуют различные точки зрения по поводу определения термина «этническое самосознание». Причем впервые термин появляется и начинает наполняться психологическим содержанием в русле советской этнографии. В этнологической науке, начиная с 1950-х гг., прочно утвердилось определение этнического самосознания, прежде всего как осознания людьми своей принадлежности к определенной этнической общности.

Отечественные ученые-этнографы относят этническое самосознание к числу этнических признаков, то есть признаков, по которым определяется принадлежность индивида к той или иной этнической общности, и даже ставят его в ряду этих признаков на первое место. Аргументируют они это тем, что появление у человека нового этнического самосознания фактически означает его принадлежность уже к другому этносу [см.66; 163]. Помимо этого ими развивалась идея о сохранении и развитии этнического самосознания членов этноса как главном условии сохранения самого этноса. Ю.В.Бромлей определял этническое самосознание как непереносимое условие функционирования этноса [22]. Он же выделял такие элементы в его структуре, как нацио-

нальная идентификация; представления о типичных чертах своей общности, ее свойствах как целого - автостереотипы; представления об общности исторического прошлого народа; о территориальной общности ("родной земле"); о государственной общности при определенных конкретно-исторических условиях. Самостоятельным элементом является осознанное отношение к материальным и духовным ценностям нации, ее достижениям, ориентациям на них [там же, с. 97].

В дальнейшем эти положения получили свое развитие в психологии. Все психологические определения этнического самосознания можно разделить на определенные группы [110, 148]. Первая рассматривает этническое самосознание как результат, некую сформированную данность [см. к примеру, Лебедева Н.М., Налчаджян К.А., Хабибуллина И.З. и др.]. Наиболее ярко такой подход подчеркивается, например, И.З. Хабибулиной, которая представляет этническое самосознание как некий набор структурных элементов, «всё, что относится к образу «мы», то есть этнические автостереотипы, представления о языке, культуре, происхождении и историческом прошлом своего народа. Такой подход не раскрывает сущности этнического самосознания, поскольку оставляет за скобками ряд центральных для понимания его психологической природы моментов: процесс его развития, системный характер, роль субъекта в формировании структурных компонентов этнического самосознания. Нужно отметить, что некоторые определения этнического самосознания этой группой ученых несколько проблематичны по содержательной полноте, большей частью в них упоминаются лишь отдельные характеристики или структурные компоненты этнического самосознания [110].

Вторая группа исследований рассматривает этническое самосознание и как результат, и как «процесс осмысления людьми своей принадлежности к определенной этнической общности» [76, с.118] или её «осознания» [112].

Этническое самосознание и этническая самоидентификация при таких подходах рассматриваются как однопорядковые, но не тождественные понятия. Этническая самоидентификация может быть не только чувством возможной принадлежности к той или иной этнической общности по определенным этнодифференцирующим параметрам, но и реальным намерением влиться в какую-то национальную группу. Но здесь возникает необходимость признать значимость группы. И. М. Кондаков в своём психологическом словаре даёт определение референтности: «приписывание индивидом важности определенным социальным группам или их членам, связанное с его стремлением принадлежать, реально или виртуально, к данным группам, т.е. с отрефлексированной или неотрефлексированной идентификацией его с данной группой» [с. 496]. Таким образом, референтность есть условие этнической идентичности: человек может совершенно не идентифицировать себя с группой, в которую вовлечен, если она для него неавторитетна [см., например, 1, с. 174]. Или же человек перед другими проявляет лицемерие: не случайно существуют понятия «ложная идентичность», «декларируемая идентичность» и т.п.

Истинное этническое же самосознание преодолевает такого рода двойственность; оно является результатом более широкой, реальной идентификации личности, которая включает в себя не только этническую, но и другие формы актуальной идентификации: территориальную, культурную, языковую, религиозную, обрядовую, расовую, антропологическую, психологическую и др. Человек при этом осознает субъективную, социально-психологическую привязанность к объективно существующим компонентам этнической реальности, определяет свое место в этническом мире, формирует представление о себе как об этническом субъекте.

Еще одна группа исследовательских позиций (Левкович В.П., Панкова Н.Г, Хотинец В.Ю.), объединяющим основанием которой является то, что в

определении сущности этнического самосознания делается акцент не только на причислении индивидом себя к определенной этнической общности и ее отделении от других, не только на формировании в сознании человека совокупности представлений и оценок своего этноса, но и на осознании личностью своего места в этнической общности как ее представителя, осознании своей уникальности как этнофора – представителя этой общности [см. 82; 163].

То, что этническое самосознание несводимо к этнической идентичности и является самостоятельным феноменом, включающим в себя другие, доказывает наличие его идеологических форм, таких как национализм, шовинизм, патриотизм, а также форм его частичного или полного отрицания: интернационализм, космополитизм и др. Причем названные формы существуют не только в общих вариантах, изучаемых в науке, но и в житейской практике в виде своих индивидуальных адептов, представителей: националист, шовинист, интернационалист, космополит и т. п. Причем, с давних времён, например, слово космополит, имеет разные личностные интерпретации – и позитивные и негативные: «человек, дорожащий всеобщими интересами человечества более чем выгодами своей родины, разделяющий радости и печали всех народов, гражданин вселенной; в отрицательном смысле, человек, не знающий родной страны, для которого отечество там, где ему лично хорошо («ubi bene, ibi patria») [101, т. IV, с. 2335].

Развитие этнического самосознания, расширение представлений личности об этнической картине мира и своем месте в нем, изменение оценки группового членства становится возможным благодаря свойству рефлексивности. Содержание этнического самосознания изменяется именно посредством механизма рефлексии, когда одни новые представления усваиваются личностью, а другие – отбрасываются [110].

Избирательность предполагает субъективность в построении представлений о чертах «своей» и «чужой» этнической группы. Эта характеристика тесно связана с иной – относительной истинностью содержания этнического самосознания. Она предполагает, что носитель этнического самосознания располагает «приблизительно адекватным, неполным, содержащим заблуждения знанием» об этническом мире. Содержание этнического самосознания не точно. Оно основано на объективной реальности, но не тождественно ей. Нередко в содержании данного феномена могут появляться представления о не существующих в реальности чертах своей или иной этнических групп [167; 110].

Этническому самосознанию присуща эгоцентричность, которая подразумевает восприятие и оценку «своей» и «чужих» этнических групп сквозь призму своей этнической культуры, в рамках ее усвоенных норм, ценностей, стереотипов. Как сказал Э.Уилсон: «Важнейшая составляющая человеческой природы – то, что люди чувствуют настоятельную потребность влиться в группу, после чего начинают считать ее лучше других» [154, с.338]. Это же подметила и Н.М.Лебедева, которая высказала точку зрения, что такое предпочтение собственной этнической группы является естественным социально-психологическим механизмом, обеспечивающим на индивидуальном уровне необходимое личности самоуважение, а на групповом уровне – сохранение этнической культуры и передачу ее последующим поколениям [78, с.35-36]. Эти две мысли подтверждают уже высказанную нами оценку значения референтности для национального самосознания, но более детально данный вопрос мы рассмотрим ниже.

Помимо системных качеств сущность этнического самосознания как психологического феномена отражена в его функциональных качествах, «раскрывающихся в динамическом процессе взаимодействия организма со

средой». Как пишет Б.Ф. Ломов, «функций, «адресованных в никуда», просто не существует. Они относятся к системам, в которые объект включен, и реализуются в этих системах» [88, с.61]. Например, К. Петрова классифицирует все функции этнического самосознания на две подгруппы [см. 110]. Первая подгруппа включает функции, реализующиеся в системе «этническое самосознание – личность». К ним относятся повышение личностью своей ценности, сохранение благополучия и психического здоровья личности. Благодаря этническому самосознанию происходит удовлетворение человеческой потребности в тождественности, и, тем самым, сохранение психического здоровья и благополучия личности. Кроме того, по мнению Г. У. Солдатовой, через принадлежность к этнической группе происходит повышение личностью своей ценности. Заметим тот факт, что неповторимость и уникальность начинают занимать всё более и более высокое место в обществе. И этническая принадлежность человека, в особенности, если он является представителем этнического меньшинства, является способом обратить на себя внимание, выделиться на фоне окружающих людей через этничность [138].

Вторую подгруппу составляют функции, реализующиеся в системе «этническое самосознание – социальная среда». Сюда следует отнести непосредственно такую функцию этнического самосознания, как определение этнической принадлежности. Большинство исследователей-психологов, а также этнографов и социологов солидарны во мнении, что именно этническое самосознание личности, то каким образом она определяет и осознает свою этническую принадлежность, – а не иные признаки (национальная принадлежность родителей, территориальное и культурное происхождение, антропологические признаки, языковые, религиозные и др. особенности) – является главным определителем этничности. Точным выражением этой точки зрения, стали слова этнографа В.И. Козлова о том, что среди других этнических

признаков этническое самосознание стоит на первом месте, так как появление у индивида нового этнического самосознания, как правило, означает его принадлежность уже к другому этносу [см. 66].

Скорее всего, не следует сбрасывать со счета еще одну функцию исследуемого феномена, которая проявляется в том, что с помощью этнических стереотипов, онтогенетически ранних образований самосознания: этническое самосознание выполняет задачу ориентации человека в сложной и многообразной этнической картине мира, осуществляет поиск в ней места и роли этнофора. Нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что представители социальных наук «возлагают» на идентификацию значительное число функций, среди которых и такая, как приписывание себе индивидом, сознательно или неосознанно, характеристик другого человека или группы. Этот «приём» может использоваться и для интернализации индивидом характеристик какого-то человека, группы, взятых за образец, и в качестве «защитного механизма», когда идентификация с опасным или угрожающим индивидуумом создает у человека видимость собственной силы, снижая чувство ранимости» [118, с.259, 217].

Кроме того, сама этническая принадлежность, по словам Г.У. Солдатовой, является одним из средств приспособления, ориентировки и достижения социальных целей в современном сложном мире [138]. Этническое самосознание не только ориентирует человека в мире, но и, организуя в его сознании многообразие этнических представлений и оценок, осуществляет функцию экономии личностью жизненного времени и сил на построение поведенческих моделей в ситуациях межэтнического общения и иных жизненных ситуациях. Через анализ функциональных параметров этнического самосознания мы видим, что развитие этнического самосознания обеспечивает личности поддержку и ориентацию в мире, сохраняя тем самым ее психологиче-

ское благополучие.

Таким образом, на основе методологических принципов системного подхода к проблеме психологии самосознания выделяют структуру этнического самосознания, представленную следующими компонентами [113]:

- 1) осознание особенностей этнической культуры своей этнической общности;
- 2) осознание психологических особенностей своей этнической общности;
- 3) осознание тождественности со своей этнической общностью;
- 4) осознание собственных этнопсихологических особенностей;
- 5) осознание себя субъектом своей этнической общности;
- 6) социально-нравственная самооценка этничности.

Исследователи Б.Вяткин, В.Хотинец установили, что формирование и развитие этнического самосознания является определяющим фактором образа жизни человека (стиля жизнедеятельности, стиля общения, стиля активности и т.д.), оптимизации совместной деятельности людей, их межличностных отношений, условием гармонизации человеческой индивидуальности. Стало быть, социально-нормативное (ценностное) отношение к носителям этничности своего и других этносов есть качественное своеобразие проявления этнического самосознания в форме позитивной этнической самоидентификации, способствующей единству и целостности общности, оптимизации межэтнических отношений [160].

Негативная форма выражения этнической принадлежности в самосознании, вызванная преуменьшением оценки своего этноса при противопоставлении его другим этническим образованиям, проявляется в большей степени в поли- или иноэтнической среде. Например, "этнонегативизм" как осознание своей общности при негативном эмоционально-оценочном отношении к ней

представляет собой один из видов негативной этнической самоидентификации. При этом не нарушается социально-психологическая связь человека со своим этносом. Индивид осознает себя в качестве его представителя. Речь идет о переживании негативных чувств, связанных с этнической принадлежностью в результате ущемленности, униженности этнофоров.

1.2. Общее содержание этнической идентичности личности, её уровневые варианты и связь с национальным самосознанием

Чтобы обеспечить общий подход к проблеме, стоит остановиться на трактовке понятия «идентичность» в словарях иностранных слов. В большинстве из них термин «идентичный» поясняется через латинское «*identicus*» – тождественный, а идентичность представлена как свойство идентичного. Приведены также понятия «идентификация» - «отождествление, установление идентичности». В современных естественных и социальных науках понятия «идентичность» и «идентификация» занимают все более и более значимое место, являясь преимущественно междисциплинарными. Одним из свидетельств этого являются позиции двух известных в мире нейробиологов, авторов популярных концепций автопоэзиса (само-производства) Ф. Варелы и У. Матураны. Задавшись целью найти ключевое свойство всяких живых систем, они в ходе теоретической и экспериментальной работы предположили, что «сущность жизни заключается в способности живой системы поддерживать свою идентичность» [136, с. 380]. В целом с ними солидарны и О. Баксанский и Д. Лавринов: «Идентичность – это внутренняя тождественность и непрерывность бытия каждого человека» [7, с. 52].

О значении субъективного мнения человека при установлении своей принадлежности к этносу в отличие от научной дифференциации народов говорили уже основатели этнопсихологии Лацарус и Штейнталь во второй половине 19-го века: «Расу и племя исследователь определяет и для человека объективно; народ определяет себе человек субъективно, он причисляет себя к нему» [цит. по 168, с. 35]. Однако, первое использование термина этническая идентичность приписывают американскому социологу Д.Рисману и относят к 1953 г. Однако косвенные описания этнической идентичности обнаруживаются в антропологической и социологической литературе начала XX в. В советской и отечественной психологической литературе, включая соответствующие словари, ранее чаще встречалось понятие «идентификация». Хотя термины «идентичность половая», «идентичность психосоциальная», «идентичность социальная» всё же в некоторых источниках пояснялись [см. 68, 122].

У рассматриваемых нами понятий кроме общих аспектов есть и психологический, касающийся восприятия индивидом своей групповой принадлежности. «В самом упрощенном виде этническая или культурная идентификация включает осознание, категоризацию или самоидентификацию индивида как члена этнокультурной группы. Однако идентификация имеет и другой аспект, поскольку она связана с самоутверждением, гордостью и позитивной оценкой группы, к которой принадлежит индивид, предполагая, кроме того, определенный характер поведения, свойственный данной этнокультурной группе, определенные ценностные и традиционные ориентации» [118, с 662].

Не смотря на большой объем работ по анализу идентичности и идентификации в последние годы, до сих пор наблюдается ряд проблем и противоречий в данном вопросе. Профессор А.Серый в одной из своих работ пишет: «Во-первых, до сих пор существует рассогласованность исследовательских позиций

в понимании и описании идентичности как процесса, либо как результата становления личности. Во-вторых, наблюдается достаточная противоречивость в трактовке соотношения видов и статусов идентичности (личностная, социальная, этническая, профессиональная, супружеская, гендерная и т.д.). Наиболее распространенной и общепризнанной в психологии является идея о существовании двух аспектов идентичности – социальной, ориентированной на социальное окружение, и личностной, ориентированной на уникальность человека» [135, с.238]. Стоит согласиться с таким мнением. Понятия типа «корпоративная» и/или «родственная» идентичность (см. например, Г.Хакен, К.Майнцер и др.) показывают, что в первую очередь происходит идентификация человека с группами, в которые он по тем или иным причинам включен. Но это составляет лишь незначительную часть процесса идентификации. Нередка идентификация человека с местностью, в которой он проживает: я – москвич, я – сибиряк и т. д. Приведенные аргументы и высказывание известного российского психолога актуализирует наше исследование.

Вернемся к самому термину. Первоначально идентичность изучалась Э. Эриксонем и рассматривалась им как «чувство самотождественности, осознание личностью своей принадлежности к той или иной социально-личностной позиции в рамках социальных ролей и эго состояний» [170, с. 206]. По мнению автора, она оформляется в качестве психологического конструкта в подростковом возрасте и от ее качественных характеристик зависит функциональность личности во взрослой самостоятельной жизни. Идентичность обуславливает способность индивида к ассимиляции личностного и социального опыта и поддержанию собственной цельности и субъектности в изменяющемся внешнем мире.

При этом Э. Эриксон подчеркивал необходимость интеграции разных позиций в анализе данного понятия. «Я могу попытаться более явно предста-

вить суть идентичности, только рассмотрев её с разных точек зрения. С одной стороны, её можно отнести к сознательному ощущению *личной идентичности*, с другой – это бессознательное стремление к *целостности личного характера*, с третьей – это критерий для процесса *синтеза эго*. И наконец, *внутренняя солидарность* с групповыми идеалами и групповой идентичностью» [там же]. Для рассматриваемой нами концепции все аспекты важны, но особо следует выделить последний, *поскольку солидарность с другими предполагает единство ценностей конкретной личности с группой, слияние ее интересов с общественными интересами*. Истинная солидарность возможна только при признании личностью референтности сообщества, в котором она находится, или в который хочет войти.

Рассматривая в динамике процессы, формирующие идентичность отдельного человека и группы, необходимо находить в них какие-то общие черты на разных временных этапах. Э. Морен пишет: «Жизнь каждого человека или каждого коллектива должна поддерживаться в результате непрерывной циркуляции между *его прошлым*, где он, ощущая связь с предшественниками, удостоверяет свою идентичность, *его настоящим*, где он заявляет о своих потребностях, и *будущим*, куда он проецирует свои стремления и направляет усилия» [97, с. 291-292]. Это высказывание предполагает рассмотрение возрастных этапов идентификации и некоторых конкретных проявлений идентичности у детей, подростков, молодежи.

Чтобы лучше понять этническую идентичность, надо обратиться к понятию самоидентичность, поскольку в любом случае последняя тесно связана и соотнесена с глубинными основами личности. Определяя понятие «экзистенциализм» А. Маслоу писал: «в нём я вижу, прежде всего, абсолютную приоритетность концепции самоидентичности и опыта самоидентичности

как *sin qua non* («непременное условие») человеческой природы и любой философии или науки, изучающей человеческую природу» [92, с. 62].

В американской психологической энциклопедии есть две статьи, характеризующие некоторые параметры процесса формирования идентичности. В содержании этих статей для нас особо значимы два момента. Во-первых, в структуре статусов идентичности Д. Марсия выделил: «самоопределившихся», «предопределенных», «неопределенных» и «взявших отсрочку». Во-вторых, кратко охарактеризована личная идентичность, понимаемая как чувство тождественности или преемственности. Среди её статусов выделены: достижение идентичности, диффузия идентичности, предрешенность идентичности и, наконец, статус моратория – удел тех, кто находится в продолжающемся кризисе, который ещё не предоставил им возможность принять твердое решение. Существенной так же мы считаем позицию: «Некоторые выбирают негативную идентичность – отказ от прежней идентификации, независимо от того, касается ли она расы, половой роли, религии или социально-экономического положения» [118, с. 967].

Проблема этнической идентичности долгое время находилась на периферии психологического знания. Интерес к ней возрос в последние годы в связи с активными процессами миграции населения, а так же в связи с проблемой формирования патриотизма у современного человека. В современной, отечественной психологии при изучении этнической идентичности делается акцент на тех изменениях, которые происходят в ней в эпоху коренных социальных преобразований (Лебедева Н.М., Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У., Рыжова С.В., Павленко В.Н., Корж Н.Н., Ионин Л.Г., Сикевич З.В. и др.). В частности, современные ученые говорят о кризисе идентичности у русских в ближнем зарубежье, который проявляется в утрате связи между позитивной этнической идентичностью и эт-

нической толерантностью, лежащей в основе сбалансированной и непротиворечивой социальной идентичности [см. 78]. В связи с вышесказанным особую роль играет изучение этнического самосознания, а так же разработка путей формирования позитивной этнической идентичности.

В современном этнопсихологическом словаре, этническая идентичность определяется как эмоционально-когнитивный процесс объединения субъектом себя с другими представителями одной с ним этнической группы, а также его позитивное ценностное отношение к истории, культуре, национальным традициям и обычаям своего народа, к его идеалам, чувствам и интересам, фольклору и языку, территории проживания этноса и его государственности [75, с.301].

Для нашей диссертационной работы наиболее значимой является проблема соотнесенности этнического самосознания и этнической идентичности личности. И здесь много точек зрения. Согласно Дж. Финни, этническая идентичность - это динамический многомерный конструкт, касающийся осознания себя как члена этнической группы, текущее и переменчивое понимание себя, конструируемое и модифицируемое осознание своей этничности. Он отмечает, что данный конструкт включает в себя этнические чувства, знания, установки и поведенческие реакции. В. Ю. Хотинец рассматривает этническую идентичность как наиболее зрелый уровень этнического самосознания или как форму его конечного, наиболее развитого состояния. Она также использует формулировку, что этническая идентичность – ядерный компонент этнического самосознания [161].

Т. Г. Стефаненко определяет этническую идентичность как результат когнитивно-эмоционального процесса самоопределения индивида в социальном пространстве относительно многих этносов, как осознание, восприятие, понимание, оценивание и переживание своей принадлежности к этносу. Так,

например, она этническое самосознание трактует «в первую очередь, как результат когнитивно-эмоционального процесса осознания человеком себя как представителя конкретного этноса, определенную степень отождествления себя с ним и обособления от других этносов» [145, с.210]. Но к такому подходу имеются определенные претензии в том, что он часто не отражает сложности имеющихся взаимосвязей. А. Сухарев в монографии «Этнофункциональная парадигма в психологии» приводит мнение ученых, что подобное простое самоопределение «я - русский», «я - немец» и прочее является довольно произвольным «навешиванием ярлыков» [148, с. 51]. Здесь лучше будут выглядеть концепции, рассматривающие уровни идентификаций. Например, это можно увидеть в модели стадийного формирования этнической идентичности, которую создали зарубежные ученые. Е. Белинская и Т. Стефаненко приводят пример таких стадий: 1) непроверенная идентичность; 2) поиски этнической идентичности; 3) реализованная этническая идентичность. Естественно, наиболее значимой является третья стадия, для которой «характерно ясное, четкое и устойчивое ощущение незыблемости своих этнических особенностей, привязанности к этнической культуре и этнической общности. Это стадия реализованного этнического «Я», разрешившего противоречия своего роста» [11, с. 88-89]. Реализованная этническая идентичность, естественно, может строиться лишь на сформированном этническом самосознании.

В. Н. Павленко, принимая точку зрения Т. Г. Стефаненко, подчеркивает, что этническая идентичность — это не только осознание и переживание своего членства в общности, но и реальное «проживание» в качестве члена этнической группы, т.е. в соответствии с принятым в данной группе, образом жизни. То есть этническая идентичность, по мнению данного автора, включает в себя еще и поведенческую составляющую. В свою очередь, Н.М. Ле-

бедева соглашается с Т.Г. Стефаненко и В.Н. Павленко в том, что этническая идентичность шире понятия этническое самосознание по двум причинам. Во-первых, этническая идентичность представляет не просто знание о своей этнической общности (когнитивно-мотивационное ядро), но и эмоциональное отношение к этому знанию. Во-вторых, этническая идентичность всегда имплицитно включает в себя отраженное отношение со стороны этноконтактных групп [78, с.286].

Г.У.Солдатова указывает, что этническая идентичность и этническое самосознание выступают как пересекающиеся понятия. «С одной стороны этническая идентичность уже. Это когнитивно-мотивационное ядро этнического самосознания. С другой стороны — шире, так как содержит в себе также слой бессознательного» [138, с.271]. Еще одной особенностью этнической идентичности, по мнению Г.У.Солдатовой, является мифологичность, так как «ее главная опора – идея или миф об общих: культуре, происхождении, истории» [138, с.48].

Некоторые исследователи считают, что наиболее отчетливо человек осознает свою этническую идентичность в процессе межнационального общения, в поликультурной среде. Этнодифференцирующими признаками при этом являются родной язык, культура, религия, историческая память, национальный характер, эмоционально-ценностные отношения. Эволюционное развитие человечества постепенно сформировало осознание народами общности происхождения, понятия о родине, предках, культурных различиях, религиозных взглядах и т.д. Этнические ценности – это установки (идеи, понятия, смыслы), которые не зависят от конкретного человека, а определяются культурой и разделяются всеми людьми, принадлежащими к данному культурному полю» [146, с.28-30].

Позитивная этническая идентичность с одной стороны способствует успешной социализации человека, а с другой – именно в процессе социализации общество как бы «приписывает» ребенка к определенному этносу. В результате чего у большинства людей не возникает проблема выбора этнической принадлежности. Одну из интересных оценок взаимосвязи национального самосознания и этнической идентичности дает автор книги «Белое самосознание» Д. Тэйлор. Важно то, что в название книги он добавил достаточно веский подзаголовок «расовая идентичность в XXI веке». В своей книге он стремится увязать рассматриваемое понятие с психологической комфортностью человека, для чего приводит следующий довод: «наличие положительного чувства к своей этнической группе обеспечивает дополнительный рост позитивности в повседневной жизни людей» [153, с.179].

Таким образом, взаимосвязь этнического самосознания с этнической идентичностью занимает большое место в становлении личности и выполняет ряд необходимых функций:

- ориентирует в окружающем мире, предоставляя доказательную информацию о научно-практическом фундаменте идентичности;
- обосновывает общие жизненные ценности, подкрепляя ими процесс идентификации;
- защищает самооценку и достоинство, обеспечивая психологическое и физическое здоровье, психологическую комфортность;
- ориентирует на конкретные виды деятельности, через которые индивид реально укрепляет свою идентичность.

Показывая позитив взаимосвязи этнического самосознания и идентичности, стоит признать, что любые проблемные и кризисные ситуации могут актуализировать значение этнического самосознания. Опираясь на идею Э. Эриксона о том, что кризисы общества есть особый поворотный пункт в раз-

витии личности, при котором создаются элементы новой идентичности, Г. У. Солдатова отмечает, что это также поворот к поискам новой идентичности и для целых этнических групп. Трансформации этнического самосознания начинаются с его ядра — этнической идентичности. Автором предлагается рассматривать три вида ее трансформации: а) этническая идентичность *может «размываться», что выражается в неопределенности этнической принадлежности*; б) отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию; в) этническая идентичность может гиперболизироваться и в контексте межэтнических отношений принимать дискриминационные формы [см. 137].

В последние годы, на наш взгляд, социально-экономические причины стимулируют не столько трансформацию самосознания по Г.Солдатовой, сколько появление окказиональной – рожденной по случаю, идентичности. Об этом, к примеру, говорит то, что множество граждан на Всероссийской переписи 2010 года указали свою национальность, как «сибиряк», «помор», «казак» и т.п. или то, что некоторые жители сибирских и дальневосточных мест разных национальностей приписывают себя к представителям коренных малочисленных народов Севера. Причинами таких фактов чаще всего выступают:

- ✓ льготы, установленные федеральным законодательством представителям малых народов Севера (МНС) в социальном обеспечении, экономической деятельности и природопользовании;
- ✓ стремление человека подключиться к авторитетной на данный момент время этнической группе, продемонстрировав тем самым свою политическую активность;
- ✓ желание возродить, по мнению человека, официально забытую этническую группу.

В то же время рассматриваемая взаимосвязь нередко обуславливается ситуационными причинами в связи с изменением обстановки, развитием инновационных тенденций, необходимостью принятия оперативных решений и т.п. Мы вновь подчеркиваем тезис о том, что возможно расхождений между феноменами этническое самосознание и этническая идентичность, и что идентичность может быть «автоматической», неосознаваемой, а может требовать серьёзного подключения сознания. Приведем некоторые значимые для личности проблемные ситуации:

- необходимо провести четкую грань между патриотической идентичностью и проявлениями национализма;
- появляется расхождением между реальной и декларируемой идентичностью по разным причинам (выгода, компромисс и т.п.);
- надо отреагировать на стремление и давление политиков подчеркивать значение наднациональной ориентации (советские люди, россияне);
- возникает неодинаковое понимание сути самоназвания этнической группы (чалдоны, гураны);
- происходит постепенная утрата позитивного восприятия своего этноса;
- усиливается осознание субъективной сложности этнической идентификации у «смешанных» людей:

«мать – бурятка, папа – грек,
а я – русский человек...»

Важно понимать, что во многих вариантах «окказиональной» идентичности никакого «размывания» этнического самосознания не происходит, личность хорошо понимает, ради чего она принимает «измененную» идентичность, оценивает все плюсы и минусы данного изменения и, чаще всего, свою «конъюнктурность» всячески оправдывает.

Нужно отметить, что в последнее время ученые отдельно выделяют амбивалентную, невыраженную, а иногда «сдвоенную» или даже «строенную» идентичность. Данный тип идентичности распространён в этнически смешанной среде и обусловлен трудностями процесса идентификации детей из этнически смешанных семей. И хотя этническая идентичность начинает формироваться в дошкольном возрасте, но это не статичное (хотя, как правило, этнический статус остается неизменным на протяжении всей жизни человека), а динамичное образование. Жизненные обстоятельства, например межэтнический брак, вынужденная миграция и т.п. - могут приводить к переосмыслению человеком в любом возрасте своей этнической принадлежности, а также к трансформации этнической идентичности [138, с. 345]. Отсутствие опыта межэтнического общения обуславливает меньший интерес к собственной этничности. У индивидов, живущих в условиях сильно отличающихся по своим этническим признакам культуры, этническая идентичность наиболее ярко выражена, а у индивидов, живущих среди группы близкой в культурном отношении, осознание собственной этничности не становится жизненно важной проблемой.

Заканчивая этот теоретический параграф необходимо констатировать важное методологическое обстоятельство. При изучении представителей разных национальностей в России неизбежны многочисленность вариантов взаимосвязи национального самосознания и этнической идентичности, поскольку всякий раз будут затрагиваться и самобытность конкретных народов, и специфические варианты их смешанности, и уникальность национальных самооценок, и своеобразие их контактов в многонациональных сообществах.

Попытаемся взглянуть на данное явление, используя известную кривую Гаусса, отражающую нормальное распределение, в нашем случае мотивов межкультурного общения (см. рис.1). Поясняя рисунок, остановимся на сле-

дующих моментах. Левая сторона кривой (1) может и должна показывать глубоко корыстные, прагматические мотивы общения и взаимодействия. В реальных ситуациях это, к примеру, запросы, претензии и капризы туриста, находящегося в чужой стране и требующего для себя всяческих благ без каких-либо стремлений познавать и признавать элементы «другой» культуры. Аналогичные мотивы характерны для многих индивидов, пользующихся чужой продукцией, но совершенно не интересующимися особенностями ее производителей.



Рис.1. Возможное распределение мотивов межэтнических контактов

Противоположная сторона кривой (3), наоборот, может отражать бескорыстное желание человека вникать в самую суть культуры «чужестранцев», познавать специфику их традиций, обычаев, особенности внутреннего мира людей и т.п. Делается это не из формальности или стремления понравиться, а для самосовершенствования, для расширения своего кругозора и обогащения своего внутреннего мира. «Другие» в такой ситуации воспринимаются, прежде всего, как потенциалы для собственного роста и развития, и исходя из этого выстраивается общение с ними.

Мотивы, расположенные по обе стороны «пика» (2) в той или иной мере отражают интересы, запросы, потребности людей в чем-то сориентированные на «крайние точки», но имеющие свою специфику. А сам пик является некой «золотой серединой» и именно на него приходится основная часть выборки.

1.3. Моноэтническая и биэтническая идентичность как индикаторы особенностей национального самосознания личности

Говоря о проблематике этнических самосознания и идентичности личности, особенно реализации последней, никак нельзя не затронуть вопрос смешанности семейных браков, т. е. наличия в семье и в роду супругов разных национальностей и влияния данных обстоятельств на формирование личности и её самосознания. В научных классификациях на основе модели двух измерений этнической идентичности показаны четыре основных типа: «моноэтническая идентичность, совпадающая с официальной принадлежностью»; моноэтническая идентичность с чужой этнической группой; «биэтническая идентичность» - идентификация с двумя группами; маргинальна этническая идентичность [78, с.291]. В житейской практике национальных контактов в Сибири в отношении биэтнической идентичности существуют термины «метисы», «полукровки», «карымы» и т. п.

В русле диссертационного исследования проблематика «смешанности» актуальна, поскольку: а) соединение представителей разных этносов – это с психологической точки зрения, прежде всего, не только генетическая «интеграция», но и взаимодействие разных культурных установок и ценностей, специфических социальных ориентаций в национальном самосознании, и по-

следствия этого процесса зачастую сложны, особенно в определении индивидуальной собственной идентичности; б) проблема не только в том, на какие этнические приоритеты и традиции будут ориентироваться супруги, не менее значимо то, к чему они сами, а также родители родителей и их родственники будут приучать подрастающее поколение, какие способности и навыки им передавать, и в какой мере это будет влиять на уровень идентификации с конкретной национальностью; в) в связи с первыми двумя обстоятельствами важно понимание степени влияния межэтнических браков на характер межнациональных отношений.

Брачное и внебрачное смешение никогда не уходило из поля зрения ученых и практиков всего мира. Так, исследователи из США М.Пенн и К.Залесн фиксируют, что «ни одна тема в американской истории не считалась более значащей, более дискутируемой или более глубокой, чем расовые отношения» [108]. Они же приводят примечательные факты: «Сегодня в Америке более 3 миллионов браков межрасовые. А если учитывать, что 83 процента американцев одобряют межрасовое супружество, эта тенденция представляет собой глубокую перемену в отношениях людей и их толерантности. В Америке распространенными типами межрасовых браков считается белый мужчина, женатый на азиатке (14%) и брак, в котором чернокожий мужчина женат на белой женщине» [108, с. 104, 105]. Еще в большей степени приведенные тенденции затрагивают молодежь. Молодые люди не только «воспитаны на понятиях «многообразия» и «культурный плюрализм», молодое поколение – самое разнородное поколение в истории. Вероятно, в результате этого более 90 процентов молодых людей одобряют межрасовые отношения по сравнению с 50 процентами старшего поколения» [там же, с. 106].

Люди разных национальностей поступают по определенным схемам, которые сочетают в себе общечеловеческие и конкретные этнические аспекты. Между тем, даже представители интеграционного знания видят своеобразие реакций и внутренних черт людей смешанного типа. Дж.Берри с коллегами отмечают некоторые современные тенденции: «по мере увеличения числа межкультурных браков, в мире все больше внимания уделяется воспитанию детей в условиях слияния двух культур, а также уникальным проблемам и стратегиям адаптации детей, принадлежащих двум культурам» [14, с. 189]. Признавая уникальное своеобразие «смешанных» Э.Морен в то же время стремится показать его позитив для личности: «Каждый человек может и должен в планетарную эру культивировать свою множественную индивидуальность, которая дает возможность интегрировать в себе своеобразие разного рода: семейное, региональное, этническое, национальное, религиозное и философское, континентальное и земное. Что касается метиса, он сам может обнаружить в корнях своей поли-индивидуальности семейную биполярность, этническую, национальную и даже континентальную биполярность, позволяющую ему развивать сложную, всецело человеческую индивидуальность» [97, с.292].

Выдающийся американский генетик-эволюционист Р. Левонтин отмечает наличие смешений во все исторические времена. Ученый верно подмечает, что антропологи уже и не пытаются больше называть и определять расы и подрасы, потому что они понимают, что нет «чистых человеческих групп», которые существовали бы с момента творения как отдельные единицы. Самой поразительной чертой общей истории человечества является беспрепятственная и широкая миграция и, следовательно, смешение групп из различных регионов. Массовая миграция не представляет собой нечто новое, возникшее благодаря развитию воздушного и морского транспорта, она была экономи-

ческой необходимостью во все времена. «Британцы, преисполненные столь высокого мнения о своей расе, являются в действительности смешением народности «бикер» бронзового века, индоевропейских кельтов I-го тысячелетия до новой эры, англов, саксов, ютов и пиктов I-го тысячелетия н.э. и, наконец, викингов и их правнуков – норманнов» [83, с.137].

Рассматривая в диссертации проблему взаимосвязи национального самосознания и этнической идентичности в условиях «смешанности» имеет немало объективных и субъективных нюансов. В частности, представители социальных наук приводят различные данные о том, что люди, обладающие смешанными расовыми и этническими характеристиками, нередко не могут отождествить себя с конкретной национальностью, сформулировать четко свои этнические установки, в межличностных контактах бывают непринятыми ни в одной из «коренных» этнических групп, чувствуют себя в той и другой группе некомфортно. Более того, проблема в том, что они чаще испытывают разные психологические отклонения. Дж.Тэйлор, автор книги «Белое самосознание», приводит факты, когда дети смешанной (бело-черной) расы имеют больше проблем со здоровьем, более склонны к депрессиям и суициду, отмечает, что и представители смешанных рас в Азии имеют сходные симптомы. «Изучение бело-азиатских детей показало, что они в два раза чаще, чем монорасовые дети (34% против 17%) страдают от психологических расстройств, таких как тревожность, депрессия или наркотическая зависимость» [153, с.178].

Подобных широких исследований смешанных индивидов и их детей в азиатской России не проводилось, но житейские наблюдения показывают, что они испытывают схожие с зарубежными метисами проблемы. Так, исследования по факторам этнической и гражданской идентификации, проведенные Д.В.Ушаковым [155] среди представителей алтайского населения: рус-

ских, алтайцев, казахов и этнически смешанных лиц, показали интересные закономерности. Так, «смешанные» поставили на пятое место по значимости следующий из десяти факторов: «как меня воспринимают представители других народов». У представителей других названных этносов данный фактор находится на девятом месте, что характеризует их заметно меньшую озабоченность тем, как их воспринимают другие. Это своеобразный показатель уверенности в значимости своего этноса, чего часто, по понятным причинам, не хватает смешанным. Здесь стоит вспомнить и факты из прошлого. В Сибири, особенно в районах Прибайкалья и Забайкалья есть деревни с названием, несущем в себе бурятский корень «карым» («харим») - чужой. Это слово в далекие времена использовалось в отношении смешанных индивидов, «помесей» русских и представителей монгольских и бурятских родов. Этих людей буряты зачастую отселяли, чураясь их смешанности. Такие обычаи, по видимому, оставили свои отпечатки и в психологии современных людей. Трудности с определением своей идентичности ощущает и современная молодежь. Приведем некоторые высказывания из сочинений старшеклассников, имеющих родственников среди представителей других национальностей:

- *«Я русская, но мне рассказывала бабушка по отцу, что ее бабушка была наполовину буряткой. А прадедушка был украинцем. А по маминей линии в роду были чалдоны – ветвь, родственная тафаларам. Помимо этого я имею и знакомых других национальностей – это евреи, немцы, украинцы, татары, азербайджанцы, грузина и буряты. Мало того, что я их знаю, так же нужно знать об их культуре, традициях и характере».*

- *«По национальному происхождению я отношусь к славянам. Во мне смешалась кровь двух наций: белорусов и украинцев. Но так как я проживаю в Российской Федерации, то я русская. Упрямство, настойчивость и взрыв-*

ной характер я унаследовала от украинцев. Отходчивость, незлопамятность и добродушие – от белорусов. И общие черты этих народностей, которые слились во мне – это усидчивость, трудолюбие, наблюдательность и непримиримость к несправедливости».

Анализируя приведенные отрывки из сочинений, можно заметить, что старшеклассники, имеющие близких родственников или друзей других национальностей, с которыми они могут поддерживать непосредственные отношения, имеют более позитивно окрашенные гетеростереотипы представителей этих национальностей или их отношение к ним меняется в положительную сторону.

Невозможно обойти вниманием и исследовательскую направленность рассматриваемой проблемы. Вопрос в том, что может служить «фигурой» и «фоном» рассматриваемых феноменов. Зависимость идентичности личности и от генетических, и от средовых факторов, на наш взгляд, «рельефней» смотрится не столько на мононациональном фоне, сколько на примере «смешанных» индивидов. Дело в том, что люди разных национальностей поступают по определенным схемам, которые сочетают в себе общечеловеческие и конкретные этнические аспекты. Между тем, даже представители интеграционного знания видят своеобразие реакций и внутренних черт людей, имеющих родителей разных национальностей. То, что в таких случаях происходит «смещение» генов считается общеизвестным, но специфичность позиций и поведения при «смешении культур» трудно определить. Д.Мацумото приводит данные исследования, в котором бикультурные индивиды придавали даже большее значение традиционным ценностям, связанным с их родной культурой, чем монокультурные индивиды, которые жили в культурах, являющихся для них родными [93, с.70]. В эмпирической части диссертации

будут показаны конкретные данные некоторых особенностей самосознания биэтнических индивидов.

Рассматривая особенности формирования идентичности личности в «смешанном» и «несмешанном» вариантах, как отдельно, так и в составе семьи и других групп, сделаем попытку кратко рассмотреть характеристики чаще всего противоположной биэтничности черты - самобытности, причем эту характеристику можно рассматривать как в приложении к человеку, так и различным сообществам. Самобытность представляет собой способность отдельных индивидов и этнических групп сохранять свои уникальные характеристики в изменяющихся условиях внешней среды, и соответственно возможность общностей передавать эти характеристики своим членам. Этнокультурными и психологическими константами самобытности могут быть:

- специфические черты внешних (биологических и физических) характеристик;
- менталитет, как особое мировосприятие и верования, своеобразный склад ума, уникальные установки национального самосознания;
- оригинальные привычки действовать в определенных ситуациях, особенно в традиционных видах деятельности, бытовом поведении, реализации индивидуальных потребностей, выполнении обрядов и ритуалов в религиозной практике;
- установившиеся критерии национального достоинства, самооценок и самоуважения, отношения к представителям «своего» и «других» народов;
- особенности культуры внутри- и межнационального общения, этническая идеоматика (своеобразные речевые выражения, словосочетания) [см. 55].

Целесообразно также говорить о факторах, которые способствуют сохранению самобытности конкретного этноса и его представителей. К ним

можно отнести:

- генетически запрограммированные особенности внешности и психофизиологических реакций;
- неизменность окружающей природной среды;
- сформированная этническая ригидность человека и социума;
- стабильность социально-экономической ситуации в обществе и международных отношениях;
- отсутствие обстоятельств, приводящих к необходимости резкого снижения этнической самооценки;
- неизменность отношения к данной нации со стороны представителей других референтных этнических групп [там же].

Размывание самобытности представляет собой процесс утраты представителями этноса склонности к национальной самоидентификации, приверженности национальным ценностям и ориентирам, постепенный или даже резкий отход от стремления внешне проявлять свою несхожесть с представителями других этносов. Достигнув «критической массы» подобных метаморфоз у отдельных членов национальной группы (прежде всего ее элиты) размывость самобытности становится общей характеристикой. Данному состоянию отдельного человека и этнической группы способствуют:

- тенденции глобализма и космополитизма в международных отношениях, приводящие к унификации потребностей и характеристик;
- перемена мест проживания, когда человек или (и) этническая группа переходят в иную среду окружения, как природного, так и социального характера;
- процессы межэтнического смешения, если они сопровождаются явной утратой ценностей и традиций «смешивающихся» групп;
- необходимость адаптации личности к изменениям социально-

политической обстановки в обществе и его региональных структурах, инновационные механизмы социализации к такого рода явлениям;

- пренебрежение представителей этноса к своим патриархальным ценностям и традициям якобы из-за их архаичности и устаревания, сопровождающееся склонностью к заимствованию новых.

Названные «константы» самобытности, факторы, их укрепляющие и размывающие, неадекватно проявляются в разных обществах в связи с их особенностями. Мы рассмотрим их на примере русского этноса. Так, по мнению И.Семененко, наиболее значимыми элементами позитивной национальной самоидентификации у русского человека сегодня являются:

- территория («русская земля»);
- природные богатства («кладовая мира»);
- язык;
- религиозные традиции и обычаи (последние лежат также в основе этнической самоидентификации);
- духовное наследие и высшие достижения культуры;
- славные вехи российской истории, в первую очередь победа в Великой Отечественной войне;
- общие представления о национальном характере (открытость, гостеприимство, нестяжательство и др.) [133, с. 45].

Чтобы более детально понять «устойчивую часть» характеристик самобытности этноса, целесообразно привести отдельные позиции Г.В.Залевского о ригидности. Согласно его определению ригидность, как общепсихологическое понятие, представляет собой одну из фиксированных форм поведения. В определенной мере можно утверждать, что ригидность по Г.Залевскому можно рассматривать как одну из форм просоциального поведения на уровне индивидуальных и групповых систем [см. 45]. Психиатры так же используют

понятие ригидность, применяя два его толкования: в физиологии – как состояние сильного мышечного напряжения, а в теории личности как черту, характеризующуюся когнитивной, перцептивной и/или социальной инертностью, инвариантностью или негибкостью [40, с.548]. В современных исследованиях подчеркивается взаимосвязь изменяющихся характеристик личности с ранее сложившимися свойствами: «На самом деле пластичность вносит свой вклад и в ригидность человека, и в его гибкость, в зависимости от того, как она развивается» [35, с. 495].

Приведенные точки зрения позволяют автору диссертации использовать понятие «ригидность» не только в личностном плане, но и расширить его до понятия «этническая ригидность». Любая государственная идентичность «моложе» этнической идентичности, поэтому нормы этноса зафиксированы в подсознании и сознании отдельного человека жестче. При всех возможных негативных последствиях, всё же данное обстоятельство часто позволяет сохранять этническую самобытность, уникальность этноса. Вместе с тем, стоит оговориться, что Г.Залевский считает, что ригидность – это избыточная устойчивость индивидуальной и групповой системы. В связи с этим самобытность сохраняется только на то время, пока используются некоторые другие ресурсы для сохранения этой самой самобытности; если этого нет – то любая система разваливается.

Ориентация диссертационного исследования на сибирский регион предполагает анализ некоторых последствий этнических смешений на примерах и русского и аборигенных народов. Причем, в большинстве исследований, проведенных в азиатских регионах России, процент признания индивидами своей смешанности, так сказать, у русскоязычного населения Сибири составляет от 40 до 60, и в большей степени касается так называемых «старожилов» [см. 52]. Общности, которые в русской традиции именуется ста-

рожильческими, имеют аналоги как по всем регионам, в разных частях света. Однако не существует единой терминологии для обозначения таких групп. На арктическом Севере для их обозначения наряду с названием «старожилы» используются (или использовались) и другие: «метисы» (Metis) - в северной Канаде, «поселенцы» (Settlers) – на Ламбрадоре, а также «креолы» (Creoles) – во времена существования Русской Америки. В других частях света «креолы», «метисы» (Mestizo) и другие подобные наименования использовались в отношении смешанных групп, появившихся в результате колониальной экспансии. В связи с распространенностью феномена в теоретической части работы целесообразно показать обобщенные специфические характеристики смешанности.

В первую очередь смешение формирует бикультурность своих «носителей». Такие люди с детства погружаются и имеют возможность близко наблюдать особенности жизни, быта, традиций представителей как минимум двух культур. Тем самым, они становятся для них привычными и понятными.

Во-вторых, если говорить о Сибири, то здесь смешанность часто осуществляется с местными аборигенами (бурятами, тувинцами, эвенками и др.). А это люди, которые чувствуют свою принадлежность к своей земле, чьи предки веками жили на данной территории, и потому они по праву считают эту землю исконно родной. А, следовательно, с психологической точки зрения они к ней более привязаны, у них сформировались веками существующие специфические для данной местности формы природопользования, трудовой деятельности человека. Возможно, с этим и связана их большая патриотичность, приверженность родному краю.

В-третьих, в процессе такого совместного проживания с представителями разных культур, у личности формируется готовность к межнациональным контактам, к межнациональному общению, что впоследствии окажет по-

зитивное влияние на адаптацию человека в многонациональном обществе.

Проблему смешанности в азиатских регионах Сибири принято представлять самыми разными точками зрения. С одной стороны, смешанность среди аборигенов была обычным явлением. Генетическое взаимодействие здесь дополнялось другими соответствующими реалиями. Есть множество свидетельств о том, что представители монгольских (буряты), тюрских (якуты) и тунгусо-маньчжурских (эвенки) народов находили не только общие слова и выражения в языке, но и отдаленные родственные связи. Скорее всего, были подключены к этому процессу и механизмы ассимиляции.

С другой стороны, некоторые ученые утверждают, что межнациональные брачные и внебрачные контакты, особенно с русскими пришельцами, были как бы исключением. Об этом, к примеру, говорит появление в ряде бурятских регионов поселений с этнонимом харим («отчужденный»), в которые переселялись и в некоторых случаях «изгонялись» люди, допустившие смешанные связи. Такого рода факты побуждают сделать обобщения негативных и позитивных последствий «смешения».

Исходя из рассмотренных выше примеров и фактов, к негативным характеристикам биэтнической идентичности можно отнести:

- трудности с этнической идентификацией у индивидов из «смешанных» семей;
- в чем-то раздвоенные установки национального самосознания;
- возможности разлада с другими членами сообщества при определении значимости культурных установок;
- неустойчивая база для формирования позитивной самооценки и самоуважения и т. п.

Позитивное значение биэтничности в силу его значимости в диссертационной работе для характеристик сибирских сообществ покажем на приме-

ре представителей смешанных, аборигенно-русских групп. Здесь стоит отметить следующие моменты.

Во-первых, целесообразно показать позитивность процессов взаимовлияния и смешанности, не только для личности, но и для социально-экономического развития народов и некоторых этнических групп. Здесь свою роль играли, прежде всего, обмен продуктами и «технологиями» хозяйственной деятельности, культурными ценностями. Элементы сотрудничества укрепляли в сознании взаимодействующих лиц привязанность к общей земле, уважение к традициям друг друга.

Во-вторых, смешанность представителей аборигенных – русских групп усиливала их адаптационные возможности, прежде всего конкретных индивидов, сохраняла общий азиатский генетический фонд и тем самым способствовала стабилизации некоторых групп аборигенов в качестве самостоятельных этносов (при соответствующей идентификации).

В-третьих, смешиваясь между собой, аборигены все же стремятся сохранить и сохраняют свои традиционные черты через следование самобытным ритуалам, обычаям, праздничным мероприятиям и другим актам. «Сибирский мультикультурализм» ярко проявляется, к примеру, на таких национальных торжествах, как фестиваль «Алтаргана», который попеременно проводится в разных регионах (в т.ч. в Монголии), праздник Сурхарбан и т.п. Атмосфера подобных мероприятий пропитана любовью к родному для всех краю.

И, наконец, в-четвертых, аборигены усвоили немало черт и характеристик русского народа, стереотипов его культуры, не теряя своей самобытности. В то же время немало привычек и алгоритмов жизни русских в чем-то заимствованы из быта народов-соседей, причем порой в такой степени, что теперь уже трудно отграничить «свое» от «чужого» во всех национальных

группах. И именно это общее выступает основой «сибирской идентичности», которую ни в коей мере нельзя противопоставить общей российской идентичности.

В научном плане мы не можем сбросить со счетов такие общие позитивные явления смешанности, как более быстрое овладение «биэтническими» индивидами плюралистической идеологией и глобалистическими ценностями [см. 93, с.310], ускоренная ориентация в интегрируемых культурных установках и т.п.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Сегодня проблема этнического самосознания интересует научное общество по ряду причин. Этнические сообщества помогают личности, с одной стороны, четче определиться с целостностью мира, особенно в эпоху коренных изменений и преобладания поликультурного общества. С другой стороны, они помогают человеку выстроить целостность собственного «Я». Это делает актуальным разностороннее рассмотрение проблемы этнического самосознания и этнической идентичности личности. Как говорил А.Маслоу, рассматривая феномен самоидентичности, она является «непременным условием» человеческой природы и любой философии или науки, изучающей человеческую природу.

В научных исследованиях существует несколько позиций анализа этнического самосознания. Этническое самосознание понимается, во-первых, как некая сформированная данность; во-вторых, как процесс определения людьми своей принадлежности к этнической общности, и, в-третьих, как не только отнесение индивидом себя к определенной этнической общности при одновременном отделении от других, но и как осознание личностью своего места, своей роли в данном этносе.

Есть мнения, что этническое самосознание выполняет задачу ориентации человека в сложной и многообразной этнической картине мира, осуществляет поиск в ней места и роли этнофора. Нам ближе позиции, утверждающие, что этническое самосознание является, с одной стороны, отражением системы взглядов, ценностей, традиций значимого для индивида этнического сообщества, а с другой стороны, оно выступает результатом широкой идентификации личности, которое включает в себя этническую и другие формы актуальной идентификации, включая территориальную, религиозную,

расовую, антропологическую и др.

Общий смысл идентичности хорошо отражают два высказывания: «сущность жизни заключается в способности живой системы поддерживать свою идентичность» и «идентичность – это внутренняя тождественность и непрерывность бытия каждого человека». Существует стадийная концепция развития идентичности личности, которую поддерживают зарубежные и отечественные ученые: 1) непроверенная идентичность; 2) поиски этнической идентичности; 3) реализованная этническая идентичность. В нашей диссертации акцент делается на третью стадию, поскольку она более определенно может представить конкретные проявления взаимосвязи национального самосознания и этнической идентичности.

Взаимосвязь этнического самосознания с этнической идентичностью занимает большое место в становлении личности и выполняет ряд необходимых функций:

- ориентирует в окружающем мире, предоставляя доказательную информацию о научно-практическом фундаменте идентичности и её особенностей, сводит на нет негатив однозначных самоопределений «я - русский», «я - немец», которые порой оцениваются как довольно произвольные «навешивания ярлыков»;
- обосновывает общие жизненные ценности, подкрепляя ими процесс идентификации;
- защищает самооценку и достоинство личности, обеспечивая ее психологическое и физическое здоровье, психологическую комфортность;
- ориентирует на конкретные виды деятельности, через которые личность реально укрепляет свою идентичность.

Общий подход к соотношению компонентов этнического самосознания и этнической идентичности можно, на наш взгляд, показать на кривой нор-

мального распределения (кривая Гаусса), где суть проявляется в «золотой середине». Вместе с тем, невозможно однозначно дифференцировать явления этнического самосознания, поскольку, с одной стороны, существуют такие феномены, как моноэтническая и биэтническая идентичность выступающие индикаторами особенностей национального самосознания личности, с другой стороны, на осознание людьми своей этнической принадлежности значительное влияние оказывает тот факт, живут ли они в полиэтнической или моноэтнической среде.

При этом этническая идентичность - это не статичное, а динамичное образование. Жизненные обстоятельства, например межэтнический брак, необходимость миграции в инокультурную среду и др. могут приводить к переосмыслению человеком в любом возрасте своей этнической принадлежности, а также к трансформации этнического самосознания. Этническая идентичность всегда имплицитно включает в себя отраженное отношение со стороны этноконтактных групп. Особенности этнической идентичности и уровень национального достоинства личности влияют на степень межкультурной коммуникативной компетентности личности. Этот момент будет аккумулироваться в позициях личности: с одной стороны, в зависимости от уровня оценок своего этноса; с другой – от индивидуальной самооценки человека. Именно две этих установки влияют на проявление патриотических или националистических ориентаций в межличностных и межэтнических контактах.

ГЛАВА 2. РЕСУРСНАЯ МОДЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ: СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Как уже говорилось в первой главе, модель стадийного формирования этнической идентичности создали зарубежные ученые: 1) непроверенная идентичность; 2) поиски этнической идентичности; 3) реализованная этническая идентичность [11]. Эта модель связана, прежде всего, с этапами формирования идентичности. Кроме того, на основе идентификации человека с двумя группами – своей и доминантной – предложена модель двух измерений этнической идентичности, в которую включены 4 её типа: 1. моноэтническая идентичность, совпадающая с официальной этнопринадлежностью; 2. этническая гиперидентичность с этноцентристскими стереотипами; 3. моноэтническая идентичность с чужой этнической группой, имеющей более высокий статус; 4. Биэтническая идентичность, как осознание своего сходства с двумя группами и компетентности в двух культурах [11, с. 101-103]. В нашей модели мы предполагали охарактеризовать те параметры национального самосознания личности и группы, которые связаны с этнической идентичностью и которые позволяют рассматривать содержательные особенности этнической идентичности личности в их связи с характеристиками сообщества.

2.1. Основные подходы в анализе взаимосвязи национального самосознания и этнической идентичности личности

Поиск параметров, которые объединяют человека и сообщество, всегда был характерен для научных исследований, в том числе этнических. Г.Шпет

уже в 1920-х годах в книге «Введение в этническую психологию» высказывал соответствующее положение: «сам индивид - коллективен, и по составу, и как продукт коллективного воздействия» [168, с. 9]. Современные ученые-психологи выделяют субъективно-символический аспект этничности, который «проявляется как этническая идентичность, заключающаяся в соотношении человеком некоторых составляющих своей Я-концепции с рядом характеристик группы, к которой он себя причисляет» [148, с. 27-28]. А. Сухарев в работе «Этнофункциональная парадигма в психологии» отмечает: «Этничность человека в процессе своего становления формируется не только под воздействием культурных и антропогенных факторов. Она является результирующей процесса этногенеза и обуславливается в своём развитии, помимо социокультурных параметров, еще и параметрами климато-географическими и морфофункциональными (расово-биологическими) и в итоге описывается как система соответствующих признаков» [148, с.31-32]

В параграфе 1.2. мы показали часто используемую в психологических дисциплинах «установочную» модель этнической идентичности, включающую в себя когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты. В данной главе мы попытаемся обосновать модель идентичности личности и общества несколько на иной основе. В связи с этим в начале второй главы целесообразно рассмотреть соотношение основных понятий разрабатываемой нами модели, которые даны в иностранных словарях. Во-первых, в большинстве из них латинское слово «*identicus*» означает «тождественный», а идентичность представлена как свойство идентичного. Приводятся также пояснения понятия идентификация - отождествление, установление идентичности. Второе часто используемое в главе слово «изоморфизм» имеет в иностранных словарях несколько интерпретаций, причем основная из них касается наличия взаимоднозначного отображения двух совокупностей, со-

храняющего их структурные свойства. Исток слова в греческом языке, где *isos* – равный, одинаковый, а *morphe* – форма. Таким образом, в сути двух слов – идентичность и изоморфизм – есть отдаленное «родство», если опираться на их пояснения терминами тождественный и одинаковый. Можно сказать, что проявляются разные уровни схожести, соотносительности – одна на уровне явления в целом, другая больше на уровне структурных элементов. Определенное «подталкивание» к «схожести» осуществляют внешние обстоятельства, поэтому некоторые исследователи описывают изоморфизм «как ограничивающий процесс, который вынуждает единицу популяции походить на другие единицы, существующие в условиях той же среды» [34, с.168].

Американская психологическая энциклопедия включила в свое содержание достаточно емкую статью М.Вертгеймера «Изоморфизм» с перечислением сопутствующих понятию противоречий. Главное из противоречий охарактеризовала теоретик гештальт-психологии М.Хэнли: «Я не знаю второго такого понятия в психологии, которое было бы более превратно понято и более искажено, чем понятие изоморфизм» [118, с.234]. Одним из значимых противоречий выступает то, что по канонам гештальт-психологии рассматриваются эмерджентные (целостные) характеристики систем, а в анализе параметров личности и социума важны их структурные особенности. Но здесь нельзя не принять во внимание обстоятельство, что междисциплинарное значение изоморфизма «подразумевало ориентацию на части, совершенно чуждую концепции гештальта» [118, с. 234]. На ряде противоречий мы еще остановимся, но всё же примем для реализации последний довод.

В таком случае в подходе к пониманию сути изоморфизма можно использовать мысль В.Е.Ключко и Э.В.Галажинского о примере взаимодействия двух сложных систем: «Чтобы взаимодействие вообще стало возможным,

необходимо такое соответствие противостоящих сторон (систем), когда каждая из них видит в другом «свое иное», пусть еще и не ставшее подлинно своим, но, не присвоив которое, то есть, не включив в собственную систему, под сомнением оказывается «возможность устойчивого существования системы» [62, с.4]. В другой, в определенной мере междисциплинарной, работе В.Ключко уже на примере рассматриваемых нами феноменов говорит об особенностях взаимодействия: «На стыке психологии и социологии стало формироваться представление о ментальной сфере личности и группы, которая репрезентируется как циклическая система взаимных рефлексий, представлений, «отзеркаливаний» по поводу друг друга, друг о друге и о себе» [63, с. 108]. Суть «своего иного» или «отзеркаливания» - это, скорее всего, наличие сходных элементов у двух систем разных уровней.

С другой стороны, во взаимодействующих изоморфных параметрах двух систем, в их «своем ином», в «отзеркаливании» друг друга или стремлении походить на других необходимо видеть некие «первокирпичики», позволяющие говорить об истоках их сходных характеристик. Любые взаимодействующие системы должны находить друг в друге идентичные элементы. Ими могут быть побудительные потенциалы личности и группы, ролевые (профессиональные) ресурсы, самооценка и оценочные стереотипы сообщества и человека. В данном ключе можно сказать, что идентичность личности с какой-то социальной системой представляет собой признание человеком наличия «своего иного» или/и элементов схожести у себя с группой.

Авторы, участвующие в различных психологических исследованиях, выделяют: 1) принудительный изоморфизм, 2) подражательный изоморфизм, 3) нормативный изоморфизм. Особо для установления этнопсихологического содержания идентичности значим подражательный изоморфизм, связанный с реакциями на неопределенность: чем более незнакома ситуация, тем скорее

человек выстраивает своё поведение как «типичный» член определенного социума. Понятно, что чем ближе возраст человека к детскому, тем чаще встречаются подражательные реакции по образцу поведения взрослых, и уровень достижения этого образца становится основным критерием идентичности. Нельзя отрицать повышения подражательности в поведении человека в незнакомых сообществах. Важен и нормативный изоморфизм, при котором эталоном для идентичности становятся, профессиональные, т.е. деятельностные предписания [см. 34, с.170].

Сутью изоморфического подхода к рассмотрению параметров идентичности личности и социума является использование такого алгоритма анализа данных категорий, который (анализ) позволяет через призму их структуры взглянуть на структуру других психологических феноменов (например, этнической группы). Это также позволяет объяснить их взаимозависимость, взаимообусловленность и взаимопроникнутость, рассмотреть в едином контексте их содержательное или (и) формальное подобие. Изоморфизм в данном случае характеризует не отдельные элементы, а способ их сочетания и отношения между ними. Именно такой изоморфизм приводит к эмерджентности [см., например, 17].

В изоморфическом подходе одним из вариантов может быть опора на формальную структуру деятельности. Со времен Гегеля данная реальность интерпретируется как субстанция, включающая в качестве своих компонентов цель, средство и результат. А. Леонтьев придерживался идеи о том, что все происходящее во внутреннем мире человека своими корнями уходит в его деятельность, которая и обеспечивает ему сугубо человеческий характер существования [85, с. 239-241]. Последователь деятельностного подхода - американский психолог М.Коул, отмечал: «...многие из не согласных с утверждениями общей психологии об универсальных принципах поведения,

полагали, что психологический анализ должен начинаться с анализа повседневной деятельности людей, а не с установления абстрактных принципов для проверки их в экспериментах» [70, с.47].

Сегодня даже зарубежные нейропсихологи признают влияние значение ведущей этнической деятельности для развития разных параметров личности, включая её нейронные структуры. Современный исследователь пластичности мозга Р.Дойдж показывает роль характерных деятельностей в формировании культурных особенностей сообществ. «Во всех культурах её представители, как правило, занимаются определенным общим видом деятельности, характерным для данной культуры... Характерные виды деятельности требуют обучения и культурного опыта и формируют новый, особым образом запрограммированный мозг» [35, с. 457].

Деятельностная концепция личности значима для нашего исследования, поскольку показывает ориентиры её прямого и косвенного влияния на процессы идентификации:

- развитие иерархии деятельностей в глобализирующемся мире – это увеличение и усложнение социальных контактов, значит, появление более «весомых аргументов для своей идентификации»;
- значимость совместных деятельностей зачастую узнается и проявляется через «масштабы» взаимодействия: чем деятельность значимей, тем больше межличностных контактов, в ходе которых устанавливается (подтверждается) этническая идентичность;
- мотивы действующего социума зачастую становятся мотивами личности, и это становится важнейшим критерием идентичности.

А.В.Серый в контексте ценностно-смысловой парадигмы определяет «идентификацию личности как постоянно воспроизводимый процесс смыслового взаимообусловливания трех основных сфер самоосуществления че-

ловека – деятельности, социального окружения и его внутреннего мира (личностного потенциала развития)» [135, с.239]. Это подчеркивание значения деятельности для процесса идентификации еще раз показывает значимость деятельностного подхода в анализе рассматриваемой нами проблемы.

Свой подход к изоморфизму структурных параметров ряда психологических феноменов мы проводим во многих наших публикациях [см. 56; 57; 60, 61]. Порой данный подход вызывает неприятие, поскольку в гештальт-психологии приоритет отдается «целостным «образам». Но в изоморфизме, как междисциплинарном феномене такой анализ вполне закономерен: «термин, задолго до заимствования его гештальт-психологами, использовался в таких областях, как химия, кристаллография и математика, в значении, которое подразумевало ориентацию на части, совершенно чуждую концепции гештальта» [118, с.234].

Согласно прозвучавшему выше положению «единица популяции вынуждена походить на другие такие же единицы, существующие в условиях той же среды» существует явное и/или скрытое (подсознательное) стремление сибирского индивида к выражению своей этнорегиональной идентичности (ЭРИ). ЭРИ является индигенной характеристикой как личности, так и этнической группы. Индигенность – своего рода самобытность, определенная степень уникальности человека и группы, сформировавшиеся в особых условиях. И она не может не зависеть от особенностей внешних условий. Например, детализируя эту закономерность, Р.Линн так пишет о характерных чертах жителей Сибири: «Именно в ответ на холодные зимы у аборигенов Восточной Азии развились такие приспособительные особенности, как уплощенный нос для предотвращения обморожения, короткие ноги и широкое туловище для сохранения тепла, слой подкожного жира, который придает коже желтоватый оттенок, редкие волосы на лице у мужчин (поскольку густая бо-

рода замерзла бы и привела к обморожению) и эпикантус, смягчающий ослепляющее действие света, отраженного от снега и льда. Суровые зимы должны были обеспечить жесткий отбор по интеллекту...» [186, с.252].

Для поиска изоморфных параметров личности и социума на основе структуры деятельности важным является понимание соотношения индивидуальной и совместной деятельности. Анализируя этот вопрос, Б. Ф. Ломов вслед за А. Н. Леонтьевым не находит в них принципиальных различий: «истинная совместная деятельность не прибавляется к индивидуальной, а замещает её. По своей структуре совместная деятельность аналогична индивидуальной, отличие заключается в том, что в своих звеньях она распределена между двумя и более субъектами» [88, с. 41]. Субъекты действуют сообща, осуществляя одну деятельность, и в то же время реализуют согласованные функции.

Цель использования деятельностного анализа изоморфных параметров личности и этноса в нашей диссертации состоит в поиске тех их параметров, которые не только тождественны, но и показывают реальную взаимосвязь между национальным самосознанием и этнической идентичностью личности. И категория «деятельность» подходит к такому анализу и потому, что она отражает важнейший принцип отечественной психологии «единство сознания и деятельности». Еще одной базовой основой и особенностью нашего анализа является ресурсный подход к выделению и обозначению параметров взаимосвязи национального самосознания и личностной идентичности. Выше мы уже показали на основе разных исследований значение категории «позитивная этническая идентичность». Но установив данную категорию, исследователи не соотнесли её с конкретными личностными параметрами. В нашем исследовании позитив национального самосознания связан с положительной трактовкой понятия «ресурс»: «Ресурс - французское слово, производное от

латинского «восстанавливаться», «возрождаться». Обозначает: 1) запасы, источники чего-нибудь; 2) средства, к которым обращаются в необходимом случае». Ресурсы важны, прежде всего, в производительной активности человека, но надо признать, что поиск потенциалов успешности индивидуальной и совместной деятельности в отечественной психологии осуществлялся спорадически. В 2015 году в издательстве ИП РАН вышла интересная работа В.А.Толочек «Стили деятельности: ресурсный подход» [см. 151], в которой не только осуществлено теоретико-методологическое обоснование такого подхода, но и эмпирически проверены его возможности. В.А.Толочек пишет о двух «парадоксах» в отечественной психологии: первый - недостаточное внимание ученых к теме *психологических структур*, и второй парадокс – «недооценка проблемы *ресурсов*» в совместной деятельности [151, с. 86; курсив автора цитаты].

В последнее время этот термин все чаще встречается в психологической литературе. Так В.Е.Клочко и Э.В.Галажинский использовали понятия «человеческий ресурс» и «личностный ресурс, определяющий инновационный потенциал человека». Инновационный потенциал (ИП) понимается ими «как личностный ресурс, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве базального основания для инициации инновационного поведения». По мнению исследователей ИП включает в себя: 1. личные качества, такие как толерантность к неопределенности и т.п.; 2. компетенции; 3. витальность (особенности ценностно-смысловой организации жизненного мира и т.д.) [62, с. 3-5]. О.М.Краснорядцева, анализируя готовность к инициативному поведению молодежи, говорит об «отсутствии в ней (готовности) однозначной зависимости между ресурсными и собственно поведенческо-деятельностными составляющими» [72, с. 83].

Обращение к терминологии ресурсного подхода наблюдалось в кол-

лективных работах по изучению коммуникативной компетентности, в которых участвовала автор диссертации, начиная с 2012 года [см. 120]. Он же ложится в основу нашего диссертационного исследования, поскольку более углубленно отражает содержание рассматриваемых вопросов. Для использования понятия «ресурсы» в анализируемой нами проблематике есть ряд существенных причин.

Во-первых, наличие ресурсов позволяет получить представление о перспективах развития личности и/или сообщества. Чем более значительно у человека или группы число не только реальных, но и потенциальных ресурсов, тем более благополучным видится их будущее.

Во-вторых, прикладное содержание понятия «ресурс» предполагает выявление его «веса», «ценности», подвергающихся измерению, и это измерение помогает выявить объективную значимость ресурсов не только для личности, но и для конкретных сфер жизнедеятельности человека.

В-третьих, потенциалы любой действующей социальной группы состоят из ресурсов каждой отдельной, входящей в нее, личности, плюс эффект возникших при сотрудничестве эмерджентных (целостных) качеств и свойств. Отсюда при адекватной организации ресурсы личности – это ресурсы группы, и наоборот.

Таким образом, используя здесь и далее понятие ресурсы, мы имеем в виду те нейрофизиологические, биогенетические и психосоциальные параметры личности, которые могут использоваться в качестве источников, средств и способов становления самосознания человека и последующей детерминации его поведения. Основным отличием понятия «ресурс» от терминов «характеристики», «черты», «качества», «свойства» личности является только то, что «ресурс» несет в себе позитивное содержание, способствующее развитию и самоактуализации человека, тогда как остальные понятия

могут нести в себе как позитивный, так и негативный оттенок.

Изоморфный анализ личностных потенциалов и параметров социума на основе структуры деятельности (цель – мотивы – средства и способы – результат и его оценка) уже не раз осуществлялся и в индивидуальных и в совместных работах диссертанта [см. 56, 57, 60, 61 и др.]. Поэтому в представленной вниманию читателя модели мы пока показываем лишь общие векторы и характеристики взаимосвязи изоморфных подструктур личности и этноса, оставляя конкретный комментарий для последующего изложения. Причем, в созданной нами модели стоит подчеркнуть связь всех подструктур личности, с одной стороны, с конкретными параметрами этнического сообщества, а с другой стороны, как с «внешней», так и с «внутренней» природой человека. Данный подход позволяет четко представлять те конкретные характеристики личности, над которыми «надо работать», чтобы способствовать становлению её позитивного национального самосознания и этнической идентичности. Условная модель изоморфных ресурсов самосознания и идентичности личности представлена на рис.2 (см.)

Воспринимаемые параметры этноса

Параметры и ресурсы личности

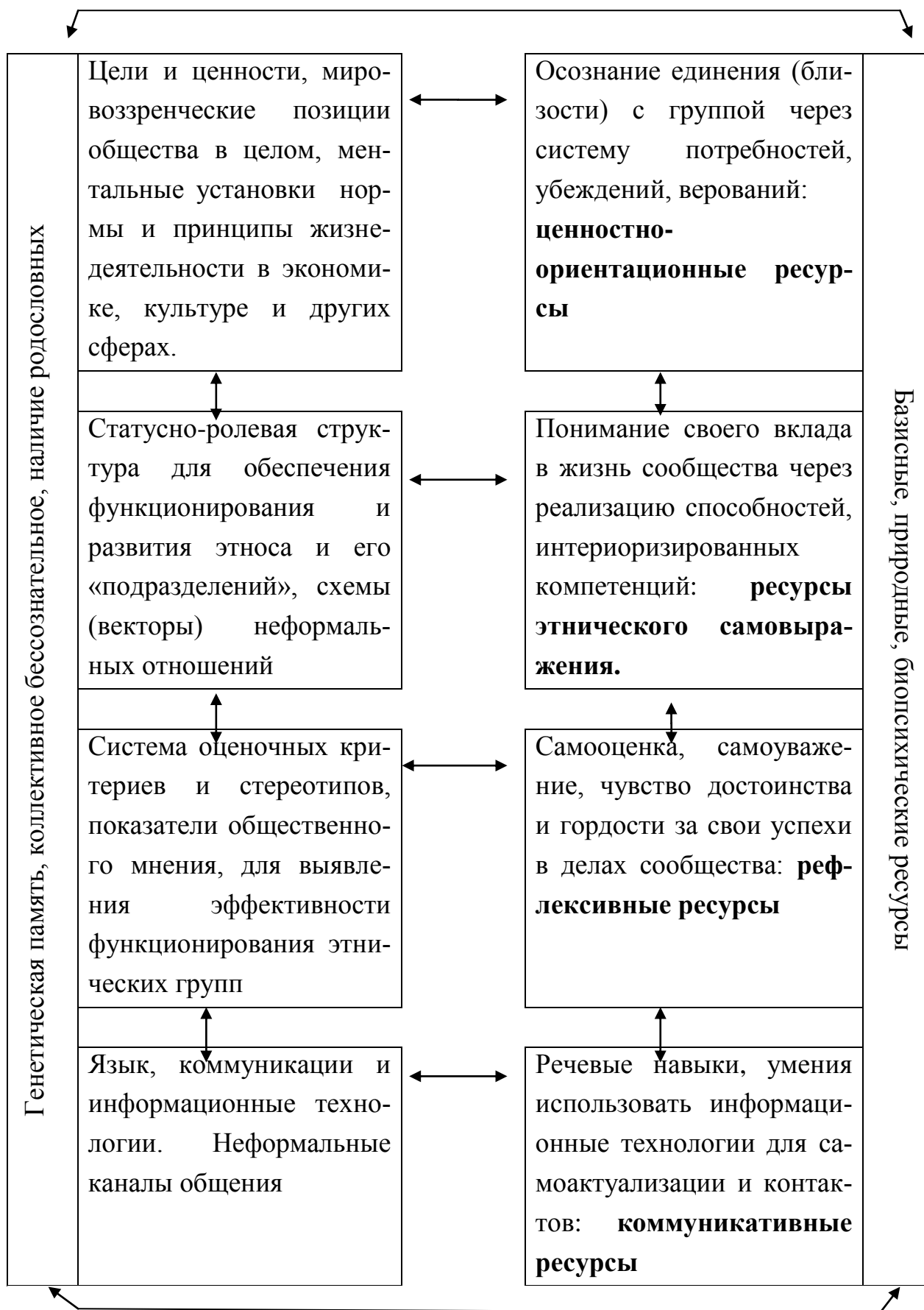


Рис.2 Модель ресурсов этнических самосознания и идентичности личности

На рисунке стрелками схематично показано взаимодействие психогенетических и нейропсихологических образований личности и этноса, которые взаимосвязаны со всеми другими параметрами обоих феноменов. Комментарии к данным фактам есть в предыдущем изложении и будут представлены в последующих параграфах. Но, показывая данное обстоятельство, нужно отметить, что в понимании природной сути этнических феноменов в некоторых областях отечественной науки наблюдаются значимые противоречия. Так, современные ученые из МГУ пишут о соответствующей проблеме: «вполне отчетливо различаемая антитеза в подходах к пониманию сущности этнического – это антитеза «биологическое (природное) – социокультурное» [172, с. 95]. Подвергая критическому осмыслению ряд положений известного этнографа Л.Гумилева, они приходят к однозначному выводу: попытки биологической трактовки явлений этничности входят в неразрешимое противоречие с прочно устоявшимся пониманием человека как, прежде всего, существа социального, носителя культуры (а не просто одной из разновидностей органической жизни). В дальнейшем авторы монографии вновь повторяют свой вывод другими словами: «сегодня наиболее перспективной – как в плане фактических данных, так и в плане теоретического их осмысления – выглядит концепция, исходящая из признания этнического всецело культурным феноменом» [172, с. 96–97].

Между тем, в зарубежной литературе акцент часто переносится именно на генетический фактор, причем такой подход расширяется в последние годы. В нашей стране они порою проявляются в психогенетических исследованиях. Например, общеизвестная точка зрения о том, что азиаты (монголы, китайцы, японцы) более интровертированы, чем многие представители западных сообществ. Или же истина о том, что этнофоры некоторых восточных национальностей отличаются правосторонней асимметрией мозга, основан-

ная, в том числе, на определенных психофизиологических исследованиях, поясняет образный характер восприятия ими окружающего мира. Можно признать дискуссионность положения, высказанного К.Купером в книге «Индивидуальные различия»: «некоторые расовые группы выполняют тесты способностей менее успешно по сравнению с другими» [77, с.478], хотя существуют другие однозначные оценки такого рода корреляций. Р.Линн приводит убедительные факты и утверждает наличие сильной генетической детерминации более высокого IQ аборигенов Восточной Азии по сравнению с европейцами [86, с.160]. Известный отечественный методолог в области этнопсихологии Е.Н.Резников признает: «в принципе существует и генетический уровень этнопсихологических характеристик народов» [125, с.121]. А.В.Сухарев в анализе работ разных авторов по данному вопросу более конкретен: «К расово-биологическим или биолого-морфологическим признакам, которые могут служить для фиксации различий между определенными этносами, помимо чисто расовой, категориальной дифференциации, относятся такие признаки, как группы крови, пальцевые узоры, цветовая слепота, цвет кожи, форма черепа, физиологические особенности и многое другое» [с. 28].

Мы придерживаемся взгляда, что к необходимости психогенетической трактовки этничности подводят две значимые проблемы – вопрос об идентичности личности и о смешанности представителей разнородных в этническом плане семей. Биологические основы идентичности трудно не замечать и в человеческих сообществах. Это вытекает из общих закономерностей, о которых хорошо сказал Уилсон: «С психологической точки зрения современные группы – аналоги исторических и доисторических племен. Это значит, что они уходят корнями к коллективам предшественников людей. Связующий группу инстинкт – биологический продукт группового отбора. Человеку нужно племя. Это дает ему дополнительную возможность самоидентифика-

ции и социальный статус в хаотичном мире» [154, с.72].

Биопсихические (природные) ресурсы идентификации личности и социума имеют древнюю основу, существующую на генном уровне. Это общая генетическая память народов и этнических групп. Некоторые исследователи считают, что акцент часто переносится именно на генетическую зависимость в силу нескольких причин:

- в современном глобализирующемся поликультурном обществе очень много «идеологий», «образцов» и моделей поведения, и сложно сделать обоснованный и соответствующий внешним обстоятельствам выбор для своей идентичности, особенно, если не следуешь этническим или другим социокультурным традициям;

- общество, прежде всего западное, сделало «знаменем» права и свободы личности, ее автономные ресурсы и не особо стремится поддержать её выбор идентичности на основе социальных требований по принципу: ответственность перед социумом приоритетна;

- успехи биологии и нейропсихологии позволяют находить все более и более тонкие механизмы влияния генов и естественных мозговых структур на индивидуальные характеристики и социальное поведение человека, и эти новации становятся базой все более оригинальных подходов [53, с. 164];

- в нашей стране, где значение биологических факторов для развития человека долгое время принижалось, суть генетического подхода всё чаще используют популярные передачи телевидения, публикации СМИ и интернета по ДНК.

К.Купер внимательно отслеживает исследования, в которых сравнивается влияние среды и генов на различные формы поведения человека и его личностные характеристики. Так он приводит результаты исследования близнецов, проведенного Стивенсоном, по изучению степени генетической

детерминации просоциального поведения (эмпатии, поддерживающего поведения и альтруизма), асоциального поведения (агрессии, деструктивного поведения) и социальности. Стивенсоном было установлено, что асоциальное поведение имеет сравнительно небольшую генетическую составляющую (0,24 в противоположность просоциальному поведению и социальности: 0,54 и 0,67 соответственно). Причем Стивенсон выявил, что асоциальное поведение – это единственный вид поведения, для которого влияние среды оказалось существенным [77, с.224].

У данного факта есть глубинная обоснованность. Дело в том, что средовые факторы «вмешиваются» там, где человек идет против генетической предназначенности и зафиксированных в условных рефлексах алгоритмов поведения. Но всё же, поиск генетических связей свойственен людям из поколения в поколение, чтобы чувствовать свою межпоколенную идентичность. Об этом хорошо сказал М.Вебер: «Если бы мы были в состоянии спустя несколько тысячелетий подняться из могилы, перед лицом будущих поколений, мы занялись бы поиском отдаленных следов нашей собственной сущности. Даже наши высочайшие и предельные земные идеалы переменчивы и преходящи. Мы можем стремиться не навязывать их будущему. Но мы можем стремиться и к тому, чтобы люди будущего узнали в нашем поведении поведение их собственных пращуров. Мы хотим быть предками будущих поколений благодаря нашей работе и нашей сущности» [25, с. 143]. Биосоциальная сущность этнического, как можно вывести из тезиса М.Вебера, состоит в признании межпоколенных связей, что стремятся осознать и предки и потомки. Это еще один дополнительный аргумент в пользу биопсихической взаимосвязи человека и этноса и их конкретных параметров, таких как национальное самосознание и этническая идентичность.

2.2. Патриотические и националистические установки, самоуважение как основа взаимосвязи ценностно-ориентационных ресурсов и ресурсов самовыражения личности

В психологии каждого человека национальное самосознание, как считают некоторые исследователи, проявляется, по крайней мере, в трех интегративных и взаимозависимых феноменах: а) взаимосвязь целей (к чему стремимся) и мотивов (ради чего), б) мировоззренческие установки и их совокупность как часть менталитета, в) этнические стереотипы (см. 52). Названные компоненты национального самосознания проявляются чаще всего не только на личностном уровне. Они сохраняются в письменных и устных источниках этноса, как своего рода эталоны, образцы, примеры, на которые «желательно» (а, нередко, и обязательно) должны ориентироваться личности. Человек по отношению этнической группы обычно не может уйти от общих закономерностей, о которых хорошо сказал К. Левин: «Большинство социальных целей можно охарактеризовать как желание принадлежать или не принадлежать к определенной группе. ... Принадлежать или не принадлежать группе эквивалентно занятию позиции вне или внутри этой группы. Эта позиция определяет права и обязанности индивида и является решающей для мировоззрения индивида» [81, с. 275].

Современное глобализирующееся общество усложняет ценностные категории взаимосвязи индивида и групп. Не случайно в последнее время начинают появляться попытки комплексного подхода к изучению различных мировоззренческих категорий. К примеру, Г.В.Залевский предлагает за основу брать целостно-ценностный подход в контексте позитивной антропологической психологии. В рамках такого подхода человек понимается как целостное образование – биопсихосоциоэтическое. Причем «решающим фак-

тором в этой интегрированной целостной организации, является именно но-этическая / духовная составляющая» [46, с.105]. В современном мире остро чувствуется утрата духовности: «Из всех возможных кризисов духовный является самым опасным. Именно высокая духовность будет самым большим дефицитом в XXI веке» [178, с.293]. Отсюда становится ясным, что одна из важнейших проблем сегодняшнего дня является формирование в каждом национальном самосознании духовных основ отношения к своему народу и к межнациональным контактам. Выше мы уже приводили анализ структурных характеристик национального самосознания, предложенных разными исследователями. Мы же в данной главе придерживаемся следующих позиций по тем субъективным реалиям, которые входят в его состав:

а) общие мировоззренческие позиции, верования и ценности, отражающие философские и социальные взгляды этноса и его представителей на проблемы природы и общества, а также на иерархию потребностей национальных сообществ, прав и свобод людей разных национальностей; детерминант межкультурной коммуникации;

б) система более – менее устойчивых мотивов, установок и стереотипов, показывающих отношение индивида к реалиям национальных систем хозяйствования и бизнеса, а также к лицам других национальностей, отражающих желания и стремления взаимодействовать с ними, видеть в этом пользу для себя;

в) окказиональные (по случаю возникающие) установки, связанные с ожидаемым и не ожидаемым изменением значимых для индивида обстоятельств, с житейскими повседневными ситуациями встреч со своими и «чужими» этническими представителями [см. 53].

В первую очередь необходимо иметь в виду, что признание личностью этнических убеждений и верований, уровень идентификации личности с

группой зависят от ценностно-ориентационных образований последней. Уже в 30-е годы 20-го века экспериментально был проверен эффект влияния группы на личность в зависимости от её ценностей. Приведена констатация, что одно из самых эффективных средств, используемых на современном этапе для обеспечения принятия новых ценностей это «создание того, что принято называть «ин-группой», то есть группой, к которой данный человек ощущает свою принадлежность. Человек принимает новую систему убеждений и ценностей вследствие принятия принадлежности к группе» [81, с.194]. В другой работе Левин говорит о том, что человеческие «потребности может создавать принадлежность группе и преданность её целям» [80, с. 317]. В современных исследованиях весьма близкие мысли приводит Нобелевский лауреат по экономике Д.Акерлоф, используя интересную констатацию: «В эксперименте, в котором варьируются особенности членства в группе, было обнаружено, что принадлежность к группе влияет, когда она является ярко выраженной, и не имеет значения, если принадлежность к группе не выражена ярко» [1, с. 174].

В целом, показывая взаимосвязь ценностно-ориентационного единства и группы и мотивации личности и их влияние на становление национального самосознания и этнической идентичности, целесообразно конкретизировать данный процесс перечнем побуждений, так или иначе стимулирующих стремление личности войти в состав этнической группы, стать его активным участником. К ним можно отнести:

- потребность в отнесении себя к какой-то устойчивой общности, имеющей четкие позиции и убеждения;
- поиск референтной (значимой) группы, членам которой человек подражает, оценками которых дорожит;
- возможность выражения субъективных переживаний представителям

«своего» этноса, которыми он далеко не всегда делится в полиэтнической среде;

- вероятность в силу своих этнопсихологических характеристик стать выразителем национальных интересов, «душой общества», «символом нации» и т.п.

Это, по-видимому, лишь минимум субъективных связей, которые психологически увязывают воедино личность и этническую группу, делают их взаимосвязь и взаимоотношения более стабильными и органичными. Сообщества (на первых этапах жизни - семья) предъявляют, а нередко и навязывают личности ценности и нормы, побуждают принимать общественные интересы, по которым человек живет, и эти смысловые образования нередко связаны с целями деятельности. Конкретно — это социальные ориентиры, имеющие свое выражение в правилах деятельности, принципах поведения, моральных и этических нормах общения и т.д. Если личность признаёт эти нормы и интересы, стремится к их внутреннему освоению, это самым непосредственным образом отражается на структуре ее мотивов: происходит ценностно-ориентационное объединение личности и сообщества. Ценности группы интериоризируются и становятся ценностями самой личности, а значит, важными для неё ресурсами. И, наоборот, непризнание групповых норм и ценностей может полностью отторгнуть личность от сообщества, лишить её ресурсов идентичности с ним.

В этом отношении интересны работы Ари Круглански – психолога, заслуженного профессора Мэрилендского университета США. Круглански предложил теорию «когнитивного укрытия», которое он приравнивает к нашей внутренней потребности ощущать определенность и последовательность окружающего нас мира. Это направление исследований неизбежно приводит его к изучению групп, и в частности, к изучению

крайних форм патриотизма и национализма. «Существует тесная связь между потребностью в укрытии и отождествлением с группой, включая патриотизм, — говорит ученый. — Когда мы не уверены в себе, мы ищем определенности, и такую определенность дает групповая идеология, говорящая нам, кто мы есть. Мы члены группы, и мы принимаем групповую идеологию». Неудачи, утверждает он, порождают потребность в укрытии, так как неудача угрожает самооценке и представлению о собственной личности. Когда человек ощущает дискриминацию, это порождает неуверенность в себе и потребность в «признании групповой идеологии» [см. 122].

Национальное самосознание в своей динамике, с одной стороны, стремится отразить лучшие черты народа, с другой стороны, вносить свой вклад в их формирование. А. Круглански говорит о патриотизме, понимая его и как отождествление с группой и как признание групповой идеологии. Как бы развивая эту мысль, профессор МГУ Н. Ярощук пишет: «Одно из достоинств современного человека – это его национальный патриотизм, который означает преданность своей нации, стремление стать активным субъектом национального развития, сотворцом духовных ценностей и национальной культуры» [178, с. 296]. В последнее время усилилось внимание к патриотизму со стороны психологов [см. 41; 56; 114; 116; 132]. Член корреспондент РАН А. Журавлев и профессор А. Юревича, в статье «Патриотизм как объект изучения психологической науки» рассматривают патриотизм как многосоставное понятие и явление. Основными слагаемыми ядра понятия, по их мнению, выступают: 1) чувство любви к родине; 2) готовность приносить личные интересы в жертву общественным; 3) соответствующее поведение; 4) идентификация со своей страной, её историей и народом [41]. На наш взгляд, именно обращенность к категориям «поведение», «жертвенность», а также «идентификация со страной», и её социальными и территориальными «субъекта-

ми» характерна в реальной жизни для патриотизма – феномена, который становится всё более актуальным в современных отношениях между людьми разных национальностей. Напомним, что Г.Солдатова, говоря о вариантах позитивной идентичности, упоминает распространённость «естественного патриотизма». К близким относятся и мысли В.Е.Семенова: «идентичность, прежде всего, в своей национально-гражданской ипостаси, связана с феноменом патриотизма» и что «патриотизм выступает как ценностно-ментальная идентичность» [132, с.117]. Для целостной личности патриотизм естественно сочетает совокупность высших ценностей и стремление к самосовершенствованию с интересами общества, в котором она живет, развивается, трудится. Отсюда, высший уровень взаимосвязи национального самосознания и этнической идентичности личности вполне закономерно можно представить в феномене патриотизма.

В 2009 г. была защищена диссертация А.Потемкина «Национально-психологические особенности проявления патриотизма личности», в которой проанализированы патриотические аспекты национального самосознания. Ученый показал свидетельства о том, что патриотизм зародился в древности в форме привязанности к родным местам, к привычному укладу жизни, к окружающим людям. Как базовое свойство личности патриотизм проявляется во всех аспектах деятельности индивида – в общении, учебе, труде, а так и во всех типах отношений личности с окружающей действительностью. Но всё же его сердцевиной выступает преданность человека своему народу [см. 114].

Признание наличия разных объектов патриотизма – от корпорации и малой родины до страны в целом - предполагает наличие неодинакового отношения к ним. Эта неодинаковость проявляется в динамике от низших до высших уровней. Причем значимые уровни, особенно этнической идентич-

ности, имеют конкретные наименования. Если кратко продолжить мысль об уровнях отношения к «объектам» идентичности, то вполне можно рассмотреть такие понятия, как «лояльность» – благожелательно-нейтральное отношение к кому-чему-нибудь ; приверженность (-нный) – преданный кому-чему-нибудь, целиком отдающийся чему-нибудь; преданность (-нный) – исполненный любви и верности к кому-чему-нибудь. В иерархической системе таких понятий естественно воспринимается и патриотизм и его «единица» – патриот – человек, преданный интересам какого-нибудь дела, горячо любящий что-нибудь. В научно-практическом плане уровневые этнокультурные и организационные варианты патриотизма значимы с той позиции, что так можно с помощью математических методов оценить разные пропорции патриотизма в каждом отдельном человеке: больше патриот региона или организации, чем патриот страны.

То, что патриотизм в своём содержании чаще является не всеобъемлющим, а получающим конкретное выражение, можно показать на историческом примере. В конце 19-го века получило свое развитие идеологическое движение «малой родины», которое, как считается, зародилось в 1870-х годах. Лица, объединенные данным движением, исходили из посыла, что в стране такого размера и этнического разнообразия, как Россия, чувство принадлежности и лояльности ко всему отечеству в целом может быть основано лишь на сильно развитой местной идентичности. Известный ученый того времени Н.Мартр, рассматривая основу, на которой можно развивать и укреплять просвещенную любовь и уважение к Родине, писал: «Едва ли кто будет оспаривать положение, для меня аксиому, что кто безучастен к судьбе родного края, тот не может глубоко воспринять более отвлеченное, более сложное чувство к отечеству» [152, с. 76]. Данная истина в то время особо коснулась сибиряков, и этот факт важен для проблематики диссертации. Данные мо-

менты более широко мы проанализируем в эмпирической части работы.

Патриотизм как явление и в позитивном и в негативном плане сегодня нередко сопоставляют с национализмом. Пытаясь разобраться в данной проблеме, кратко остановимся на некоторых позициях. Так, исследователи заметили разницу в том, как люди отождествляют себя с группами. Психолог Мина Сикара, руководящая междисциплинарной нейробиологической лабораторией Гарвардского университета, говорит о том, что есть важное различие между патриотизмом и национализмом. Патриотизм, отмечает она, это «любовь к ин-группе». Мы идем на жертвы ради любви к великому благу. А национализм это «ненависть к аут-группе». Мы караем тех, кто отличается от нас. «Национализм пользуется лозунгом «Мы лучше всех остальных», в отличие от патриотизма, который говорит: «Мы великие», – пишет Сикара. – Одни гордятся принадлежностью к своей группе, а другие нацелены конкретно на превосходство над остальными группами. Поэтому люди считают национализм непристойным и обычно ассоциируют его с нацистской Германией. В то же время, патриотизм это добродетель, которая должна быть присуща каждому» [см.180]. Н.Ярощук уточняет, что национализм связан с гипертрофической оценкой своей нации со следующими признаками: а) национальная исключительность, признание и проповедь национального превосходства; б) признание неполноценности других народов, противопоставление «мы» - «они»; поиски виновных в жизненных трудностях, неурядицах среди представителей других народов, конструирование «образа врага» [см. 178].

Анализируя негативную трансформацию национального самосознания от патриотизма к национализму, целесообразно, на наш взгляд, вспомнить психологические закономерности, когда не критическое восприятие значения группы и соответствующая идентификация с ней приводит к «феномену

группового мышления», который интерпретируется в мировой социальной психологии как стремление группы к консенсусу и сохранению «лица» группы вопреки необходимости изменения позиций в связи с динамикой обстоятельств. Как считает Л.Верт: «Групповое мышление: - много голов – одно мнение; - поддержание сплоченности и солидарности в группе важнее, чем реальность и факты» [26, с. 312].

Типичными симптомами группового мышления, которые так или иначе отражаются на этническом самосознании индивида и в чем-то характерны для национализма, можно назвать:

- превознесение индивидом моральных норм своей группы перед всеми «чужими» нормами, оценка их в качестве безукоризненных и идеальных;
- иллюзия неуязвимости от причастности группе, вызывающая необоснованный оптимизм;
- рационализация человеком суждений, касающихся групповых действий и решений, когда противоречащие аргументы отметаются вне какого-либо анализа,
- навешивание всевозможных «ярлыков» на членов других группы, придерживающихся не схожих мнений, предвзятое отношение к ним,
- самоцензура, когда каждый член группы подавляют в себе все сомнения в отношении действий и решений своего сообщества,
- появление отдельных людей, олицетворяющих «совесть группы», готовых судить и осуждать всех колеблющихся и сомневающихся при молчаливом согласии большинства членов группы

Таким образом, национальное самосознание в форме национализма может являться естественным следствием неадекватных реакций по отношению к представителям «других» у каждого члена группы, когда установки

национальной исключительности и превосходства, конструирование «образа врага, становятся повседневными и привычными. Только позитивная этническая идентичность и естественный патриотизм могут преодолеть этот негативный настрой этнического самосознания.

Рассматривая разнообразие форм национального самосознания и иерархические уровни идентичности и/или патриотизма по отношению к конкретным субъектам окружающего мира («малая родина», родной край, конкретный регион и т. д.) нередко дополняются более «приземленными» позициями. В связи с последним обстоятельством отметим, что особого внимания и дискуссии в междисциплинарном плане заслуживает «конъюнктурный» патриотизм (как говорили в прошлом – негативный космополитизм) с его девизом «где хорошо, там и Родина». В данном случае в основу идентичности ложатся не высшие чувства, а достаточно меркантильные интересы, ради которых человек может «мигрировать» по разным территориям. Соответствующие установки целесообразно проанализировать в эмпирической части работы.

Уровневый характер патриотической идентификации, предполагает еще и наличие феноменов, являющихся проявлениями глобального отношения человека к нашей планете. Данные идеи получили свое современное развитие у адептов синергетики. Э.Морен, французский философ и социолог, директор центра трансдисциплинарных исследований считает, что у всех людей Земли должно быть развито чувство взаимной принадлежности, сознание планетарного единения. Он утверждает, что если представление об отчизне несет в себе общую идентичность, отношение эмоционального присоединения к субстанции, являющейся одновременно и материнской, и отеческой, то можно предложить понятие Земли – Отчизны (Terra-Patrie) [97, с.

290]. Данное выражение хорошо иллюстрирует перспективы динамики этнической идентичности.

Рассмотренные выше ценностно-ориентационные ресурсы раскрывают две стороны этнического самосознания: «что человек хочет, к чему стремится». Но есть ещё два не менее, если не более важные вопросы: через какие ресурсы и в какой степени успешно человек проявляет себя в разных сферах практической деятельности и в социальных контактах, в какой степени он раскрывает свои уникальные качества. Причем ответы в конкретных странах демонстрируют степень реализации этнической идентичности, и в этом их особая ценность. Во многих европейских странах в силу специфики их идеологии понятия идентичность и самовыражение часто совмещаются. В международной монографии «Психология и культура» отмечается: «Западные индивидуалистические общества делают акцент на индивидуальной уникальности и стремлении обрести свою собственную неповторимую идентичность, Истину и достичь самоактуализации» [119, с. 119]. Вряд ли в восточно-азиатских странах люди не стремятся к самовыражению, но здесь также сильна коллективистская взаимопомощь.

Одной из психологических проблем является то, что этническая идентичность включает в себя не только оценку того, что человек хочет, но и того, что он может делать и реально делает. В любом этносе для каждого человека значимо то, какую роль он выполняет в сообществе, какой статус занимает в его официальной (формальной) и неофициальной (неформальной) структуре. Значимым вопросом в организации процесса формирования позитивной этнической идентичности, ориентированной на разные страны, является поиск (подбор) тех сфер жизнедеятельности, которые могут «вовлечь» в себя субъектов позитивной этнической идентичности в качестве значимых и перспективных. То есть должны быть найдены не теоретические, а практиче-

ские области, приносящие человеку удовлетворенность от реализации своей роли, удовлетворяющие его нужды, способствующие его развитию, или же (и) отличающиеся высокой социальной значимостью. Например, для любой этнической семьи простейший и значимый момент заключен в понятии «гендерные роли», которые, особенно в прошлом, были достаточно однозначно закреплены за членами семьи. Причем, даже дети с самого раннего периода своего развития имели свои установленные обязанности, выполнение которых позволяло отождествлять себя с семьёй, а через неё с более высокими уровнями сообществ. Два следствия были особо значимы. Во-первых, реализация ролей формировала определенные особенности национального самосознания, проявляющихся в социальных и профессиональных сферах. Во-вторых, при реализации этнических ролей люди убеждались, насколько важным являлось для каждого человека нахождение видов деятельности, поручений, заданий, функций, которые бы в наибольшей степени соответствовали его склонностям, способностям, помогали выстраивать благоприятные отношения с членами группы.

В последнее время роль таких этнических ресурсов самовыражения в ряде традиционных деятельностей заметно сокращается и даже сходит на нет. Но всё же роль экономических факторов в самоактуализации современного человека нельзя игнорировать. Поиск «единиц», которые бы в психологии могли отразить реальные «измеримые» ресурсы индивидуального «роста» и вклада человека в значимость сообщества, не прекращается, а даже, на наш взгляд усиливается. Об этом говорит интересный пример. В своём «Интервью о будущем психологии» журналу ИП РАН СЭП в 2018 г. профессор МГУ А.Г.Асмолов отметил, что данная наука часто строилась по образу и подобию других наук – физики, нейрокогнитивистики и т. п. Он высказывает другую парадигму: «новый этап психофизики и психологии – это психология

по образу и подобию экономики». Вместе с тем, он не исключает в данной парадигме некоторого «подвоха»: «когда мы радуемся как дети, что экономисты используют конструкт или дискурс «человеческий капитал», мы невероятно проигрываем, потому что берём и навязываем категории, с помощью которых экономисты пытались года с 1961-го дотянуться до психологов» [6, с. 162]. В целом справедливое утверждение.

Но надо вспомнить, что в связи с «партийным присмотром» в СССР и России с 30-х по 80-е годы 20-го века экономическая тематика в исследованиях психологов не одобрялась. А в западной науке такой подход был уже обычным и, например, понятие «человеческий капитал» было широко распространено. М.Фуко приводит одно из известных в западной науке пояснений феномена: «Отличительная черта человеческого капитала заключается в том, что он является частью человека. Он *человеческий*, потому что воплощен в человеке, и *капитал*, потому что это источник будущего удовлетворения или будущего дохода, или обоих». Здесь же можно найти ответ экономистов на вопрос о том, из чего состоит человеческий капитал: «из элементов, которые являются врожденными и из других, которые являются элементами приобретенными» [158, с. 299, 286]. Сделанные пояснения, особенно последнее, показывают резонность предположения А.Асмолова о «подвохе», поскольку категории врожденного и приобретенного в первую очередь психологические.

Врожденные и приобретенные элементы личности – это задатки, способности, навыки, умения и т. п. Все они в их позитивном значении составляют суть ресурсов самовыражения, в основе которых лежат способности и компетенции личности, часто выступающие основой её оценки и самооценки. А.Ауэрбах, автор статьи в американской «Психологической энциклопедии» констатирует: «Многие люди посвящают работе больше времени бодр-

ствования, чем какому-либо другому занятию, и обретают самоуважение и социальный престиж в основном через профессиональную идентификацию. Если их работа идет успешно, то они, скорее всего, будут довольны жизнью; неудовлетворенность работой может сделать их несчастливыми людьми» [118, с. 647]. Учитывая выше изложенную позицию А.Асмолова о психологическом происхождении понятия «человеческий капитал», стоит обратиться в данном вопросе и к этническим аспектам. Тем более, что Нобелевский лауреат по экономике А.Акерлоф утверждает, что самомотивация и идентификация с компанией важны для работников на всех уровнях. Роль идентичности в повседневной жизни людей, является самым центральным открытием в этнографии. «Мы возражаем против чисто денежных методов и заявляем, что идентичность занимает центральное место среди того, что заставляет организацию работать. Сотрудники должны быть поставлены на те должности, на которых они находят свою идентичность, а компании должны способствовать этому» [1, с.52]. В таких случаях понятно, что задача менеджеров и специалистов по кадрам - помочь человеку выявить наиболее «перспективные» для него задатки и потенциалы, которые могут стать фундаментом, так сказать, персонифицированной деятельности. В результате реализации своих функций человек не только увеличивает свой вклад в дела организации, но и добивается своего личностного роста. Не случайно, В.А.Толочек в своей монографии рассматривает распределение функций и ролей в совместной деятельности «как ресурсы социальной успешности» [151, с. 74 - 86].

Рассмотрение становления идентичности в процессе деятельности и понимание ее временных аспектов позволяет видеть ее динамическим образованием: с модификацией сути дел человека меняется и его представление о взаимосвязях с окружающим миром и выделяются все более новые, возможности презентации себя через них. Данные параметры позволяют выходить сразу на

несколько психологических закономерностей. Во-первых, успешное развитие своей трудовой и (или) иной оцениваемой обществом деятельности позволяет индивиду презентовать ее (их) итоги в качестве инновационных атрибутов идентичности. Сегодня мы становимся свидетелями, как разного вида хобби становятся объектами презентаций в СМИ. Во-вторых, названные успехи нередко сопровождаются повышением социально-экономического статуса индивида (сообщества), и это опять-таки динамичная реальность идентичности.

В настоящее время два процесса часто делают проблематичными рассмотренные факты. Во-первых, многие традиционные этнические деятельности устаревают и исчезают и уже не могут влиять на становление этнических характеристик. Во-вторых, даже в имеющихся производительных деятельности в огромном количестве людей заменяют автоматы, и говорить о влиянии таких производств на национальное самосознание и этническую идентичность становится неактуальным. В то же время современная жизнь предоставляет для человека множество возможностей для самоактуализации в других сферах жизнедеятельности кроме профессиональной, и эти сферы могут быть этнически ориентированными. Их влияние на становление этнической идентичности совершенно не изучено.

Именно поэтому поиск способностей и склонностей важно делать не только и порой не столько в профессиональных сферах жизнедеятельности, но и для того, чтобы помогать человеку разворачивать свои дарования через «веер» различных хобби и гражданских (волонтерских) функций, поддерживаемых социальными и общественными институтами. Хобби и инициативная деятельность связаны с природой разными способами. Это, во-первых, самые разнообразные занятия: фотоохота, дайвинг, рыбалка и т.д. Во-вторых, свободное время человек может отдавать защите флоры и фауны, разным аспектам социальной работы. Личностные ресурсы индивида, таким образом, в двух послед-

них случаях разворачиваются во благо природы, гражданского общества и здоровья.

При этом не стоит забывать, что природным, по сути, выступает и формирование профессиональных и деловых привычек, которое осуществляется посредством как обучения, так и непосредственной деятельности. Значение привычек настолько высоко, что исследователи поясняют с их помощью некоторые современные феномены. Нейробиолог М.Льюис в книге «Биология желаний. Зависимость - не болезнь» задается вопросом: что же такое зависимость? И отвечает на него. «Это привычка, которая развивается и довольно быстро начинает поддерживать сама себя, когда мы регулярно достигаем одной и той же цели, обладающей для нас привлекательностью. Или, одним предложением, *мотивированное повторение, которое влечет за собой глубокое научение*» [90, с. 240; курсив автора цитаты]. Вне всякого сомнения, при тщательном анализе ресурсов этнического самовыражения у многих людей можно найти много таких зависимостей.

Успешная или, наоборот, неуспешная реализация ресурсов этнического самовыражения приводит к интересному «суммарному» эффекту, который не может быть не связан с самосознанием личности. С одной стороны, человек, оригинальным образом раскрывший себя в формальных и неформальных отношениях, начинает высоко цениться другими членами сообщества в своем индивидуальном своеобразии, неповторимости, нужности. С другой стороны, возможность самовыражения и высокое внутригрупповое признание его усилий служит положительной «обратной связью» и рождает в человеке осознание своей самоценности.

2.3. Рефлексивные и коммуникативные ресурсы личности в их влиянии на становление этнического самосознания и отношения к «другим»

Динамику возможной взаимосвязи самосознания с уровнем идентификации человека с сообществом на первых её этапах, особенно в древности, можно хорошо проиллюстрировать, используя одно из размышлений А. Бергсона. «Если допустить, пусть только теоретически, существование «первобытного мышления», то мы увидим, что в нем самоуважение совпадает с чувством такой солидарности между индивидом и группой, что группа постоянно присутствует при отдельном индивиде, надзирает над ним, поддерживает или угрожает ему, наконец, требует, чтобы он с ней советовался и ей повиновался» [13, с. 70]. Таким образом, в прошлом солидарность личности с группой и самооценка личности были *принудительно* взаимосвязанными феноменами. Сегодня подобные механизмы уже мало срабатывают, поскольку приоритет в идентификации принадлежит единству ценностей индивида с группой и предоставляемым индивиду сообществом возможностям эффективного самовыражения. На двух этих основаниях строится позитивная самооценка.

На формирование самооценки личности ощутимо влияют этнические, стратовые и групповые особенности ее окружения. Причем некоторые группы специально подчеркивают свою элитарность, престижность принадлежности к ней индивида по национальным, этническим и иным признакам. Это общая закономерность, которую Ф.Фукуяма охарактеризовал следующим образом: «человек постоянно требует от других признания своего достоинства либо как личности, либо как члена религиозной, этнической, расовой или иной группы. Борьба за признание не экономическая: мы жаждем не денег, но уважения других людей, которого, как мы считаем, мы заслужили. Сего-

дня люди стремятся к утверждению своего равного статуса как члены ранее недостаточно уважаемых или униженных групп – женщин, геев, украинцев, инвалидов, американских индейцев и т.д.» [159, с.212].

Приведенные исследования в этническом плане дополнил и уточнил Ари Круглански – уже упоминаемый нами психолог, профессор из США – который, изучал людей с разными уровнями самооценки. А.Круглански проводил свои исследования в Пакистане, Индии и Индонезии, а также в других странах, и нашел связь между ощущением неудачи у человека, занимающегося своим делом, и той мерой, в какой он отождествляет себя со своей нацией или религией. Он утверждает, что тенденция ориентирования на группу и отождествления с группой усиливается, когда мы «не в состоянии добиться успехов как личности». Ученый добавляет: «Чувство слабости и тревоги заставляет нас полагаться на группу, искать у группы защиты — точно так же, как опасность заставляет маленьких детей бежать к матери и отцу за защитой».

Отсюда, механизм изменения самооценки связан не только с идентичностью с «ин-группой», но и с противоположными тенденциями. В психоаналитической теории есть интересные выводы о взаимовлиянии отношения к «аут-группе» и самооценки человека. Согласно им «генерализированные чувства неприязни и недоверия к «аут-группам», - например предубеждения против расовых и религиозных меньшинств – вытекают из проекции подавленных враждебных чувств, имеющих своим источником ранний детский опыт воздействия родительской власти. С этой точки зрения, умаление достоинств «аут-групп» в сравнении с «ин-группами» выполняет функцию сохранения индивидуального Эго или поддержки самооценки» [118, с. 243].

Нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что представители социальных наук «возлагают» на идентификацию значительное число функций, среди ко-

торых и такая: приписывание себе индивидом, сознательно или неосознанно, характеристик другого человека или группы. Этот «приём» может использоваться и для интернализации индивидом характеристик какого-то человека, группы взятых за образец и поднимающих самооценку, и в качестве «защитного механизма», когда идентификация с опасным или угрожающим индивидуумом создает у человека видимость собственной силы, снижая чувство ранимости и самоуничиженности [118, с.259,217].

В результате непротиворечивого процесса идентификации с социальными, профессиональными и этническими группами у человека устанавливаются адекватная самооценка и самоуважение. Адекватная самооценка с её уровневыми особенностями становится базой *рефлексивных ресурсов*, т. е. ресурсов, обеспечивающих правильное отражение результатов собственной деятельности и психологического климата в этнической группе. По большому счету, сущность рефлексивных ресурсов проявляется через самоуважение и самооценку, которые «берут на себя» реализацию следующих функций в деятельности:

- выявление перспектив и ценностей, которые могут лечь в основу стратегии собственного развития;
- определение социально приемлемых и индивидуально подходящих критериев эффективности собственных усилий;
- сличение на этой основе целей и результатов деятельности;
- оценка уровня своих способностей;
- контроль за адекватностью используемых средств и способов;

А.Л. Свенцицкий в «Кратком психологическом словаре» увязывает самооценку с рефлексией в двух её вариантах: 1) размышление индивида над собственным жизненным опытом и 2) анализ собственного психического состояния на основе самонаблюдения [131, с. 372]. Несомненно, правильно ор-

ганизованное самонаблюдение приводит к осознанию собственных ресурсов и потенциалов референтного сообщества. С данной точки зрения необходимо признать, что любому сообществу также необходима социальная рефлексия, которая даёт возможность оценить как общие успехи (неудачи), так и действия лидеров и всех членов группы.

В этнической самооценке сочетаются оценка личностью своих возможностей и качеств, своей роли в данной этнической группе с оценкой значимости этноса в целом среди прочих этнических групп. И если базисом личностной самооценки является самоуважение, то этнической самооценки – национальное достоинство. В психологическом плане чувство национального достоинства у конкретного индивида взаимосвязано с уровнем его самооценки и самоуважения. Причем, по-видимому, в прямо пропорциональном отношении. Так, чем выше человек принимает и ценит в себе значимость собственной личности, чем больше ощущает он единство со своим народом, каким бы малым и незначительным этот народ не казался представителям других этносов, тем выше становится для него значимость этноса и выше уровень его национального достоинства. С другой стороны, чем более развито в нации в целом чувство собственного достоинства, тем чаще индивид переносит эту значимость на уровень своего самоуважения, на свое национальное самосознание.

Сделаем попытку рассмотреть взаимосвязь и взаимовлияние определенных уровней самооценки личности и характера её идентификации. Причем надо сделать это таким образом, чтобы связь можно было проверить на исследовательских материалах.

Первоначально остановимся на заниженной самооценке, при которой, как считается, человек не знает возможностей и достоинств себя и своего этноса, не раскрыл свои и его потенциалы, тяготится мнимой ущербностью

своих соплеменников и поэтому по возможности открещивается от них. В данном случае проявляются такие состояния человека, как самоуничтожение, униженность, подавленность, угнетенность, смирение и т.п., которые нередко трансформируются на состояние этноса в целом. Личность может вести себя инертно, пассивно, не стремясь изменить создавшееся положение, и тем самым может стать орудием в руках других людей. К.Левин еще в 1930-е годы видел фундаментальную специфику групп меньшинств и их слабость в униженности, в слабой вере в собственные силы. Именно такие позиции часто подогревали возникающие конфликты. «Межгрупповые конфликты не могут быть разрешены без изменения определенных аспектов поведения и чувств меньшинства. Одно из самых значительных препятствий на пути улучшения – это, по-видимому, пресловутый недостаток уверенности и низкая самооценка большей части меньшинств» [81, с.383].

При адекватно-низкой самооценке человек видит слабости и недостатки своей этнической группы, ее пока что незначительный или не до конца оцененный вклад в межэтническое сотрудничество, но не удручается этим, верит в перспективы “сородичей”, хотя и не выставляет напоказ эту убежденность. Вместе с группой принимает он на себя все тяготы от существующей (реальной или мнимой) “неполноценности” этноса.

Адекватно-высокая самооценка означает, что человек убежден в значимости и ценности этноса, знает его исторический и современный вклад в межнациональное и мировое содружество, гордится известными представителями своего этноса, боготворит их и стремится следовать их путем. Гордость, чувство национального достоинства, уважение себя и уважение своего этноса - вот чувства, которые испытывает такой человек;

При завышенной самооценке возникает утрата адекватности рефлексивных ресурсов. Отдельный индивид по каким-то причинам переоценивает

вес собственной этнической группы в системе других этносов, намеренно подчеркивает ее исключительность, постоянно выпячивает ее известные и малоизвестные достоинства, неадекватно завышает значение ее представителей, при этом идентифицируя себя с ними: «Посмотрите, какие мы все». Заносчивость, амбиции, высокомерие, гордыня - эти и другие слова хорошо иллюстрируют несоразмерные притязания человека с завышенной самооценкой. Если «критическая масса» такого рода индивидов становится высокой, соответствующий негатив завышенной самооценки становится «достоянием» всей группы, верящей в непогрешимость своего народа. Такая самооценка вызывает у них снисходительное, высокомерное поведение по отношению к другим людям и этносам.

Не случайно авторитетные ученые, занимающиеся вопросами межэтнического общения и понимания, искали и предлагали конкретные меры, влияющие на снижение данных параметров у одних групп до адекватного уровня и, соответственно, его повышения у других. К.Левин писал по этому поводу: «Я думаю, что решение может быть найдено только тогда, когда мы обеспечим такой общий уровень групповой оценки и групповой лояльности (которые сами по себе совершенно естественны и необходимы), который соответствовал бы уровню, присущему всем без исключения группам общества. Мой опыт говорит о том, что повышение самооценки меньшинств является одним из самых важных стратегических средств для улучшения межгрупповых отношений» [81, с.384-385].

Обращаясь к самооценке «малых» народов и этнических групп азиатского региона, уверенно можно говорить, что в ее влиянии на национальное самосознание и этническую идентичность могут действовать как минимум две тенденции. Одна из них может в качестве основных критериев этнической самооценки брать во внимание реальные успехи этноса в различных ви-

дах жизнедеятельности: чем больше вклад, тем весомей самооценка.

Другая тенденция может совершенно не учитывать вышеназванный момент, ориентируясь, прежде всего, на оригинальность, самобытность, на возможности исчезновения этноса из числа сообществ мира. В данном случае этническая группа склонна оценивать себя по известному принципу «мал золотник, да дорог». Такая тенденция порой чревата ослаблением чувства гражданской идентичности из-за обид на непризнание другими «нашей уникальности». Некоторые соответствующие тенденции мы покажем в эмпирической части диссертации.

Высокоразвитые коммуникативные качества способствуют более эффективному общению с членами социума и зачастую выступают в качестве определенных слагаемых самосознания и идентификации личности с группой. П.Кропоткин в заочном споре с дарвинистами говорил о недооценке ими роли коммуникации в развитии человека и моральных основ его жизни. «Общительность была и есть необходимая и основная форма борьбы за существование, и именно этот закон природы проглядело большинство дарвинистов, вероятно потому, что сам Дарвин недостаточно обратил на него внимание в своем первом труде «Происхождение видов» и заговорил о нем только во втором своем основном труде – «Происхождение человека». Между тем в этом инстинкте мы имеем первое начало нравственности, из которого впоследствии развились у человека все его самые высокие чувства и порывы» [74, с.271].

Роль коммуникативных ресурсов личности в становлении её этнической Я-концепции обусловлена, прежде всего, простым фактом. Т.Стефаненко пишет: «На осознание людьми своей этнической принадлежности значительное влияние оказывает тот факт, живут ли они в полиэтнической или моноэтнической среде. Ситуация межэтнического общения дает ин-

дивиду больше возможностей для приобретения знания об особенностях своей и других этнических групп, способствует развитию межэтнического понимания и формированию коммуникативных навыков» [147, с. 221]. Интересно, что своей работе Н.М.Лебедева соглашается с Т.Г.Стефаненко в том, что этническая идентичность шире понятия этническое самосознание, поскольку этническая идентичность всегда имплицитно включает в себя отраженное отношение со стороны этноконтактных групп [78, с.286]. Развитие межэтнического понимания и отраженное отношение этноконтактных групп предполагает необходимость включения в этническую идентичность межкультурной компетентности.

Не менее значим другой факт, когда истинную идентичность для русскоязычных аборигенов увязывают с возможностью «думать на родном языке». Об этом говорит интересный пример, нередко встречающийся у малых народов Сибири. В радикальных кругах таких общностей часто звучат мысли о непризнании принадлежности к этносу людей, имеющих даже устойчивые генетические связи, но не знающих языка своего народа. Языковая принадлежность во многих случаях считается основным показателем этнической принадлежности в целом. Между тем, в данном феномене существуют проблемы, как минимум, двух видов. Во-первых, насколько этнически обусловлено формирование коммуникативных ресурсов личности, и какие механизмы ложатся в основу данного процесса. Во-вторых, в ряде случаев важно находить компенсации языковой «безграмотности» лиц, страстно желающих быть членами сообщества или членство которых в интересах этнической общности. О значимости коммуникативных аспектов процесса идентификации личности говорит тот факт, что А.Серый и Е.Вечканова включают в идентификационные характеристики личности наряду с физическим Я, рефлексивным Я, так же идентификационные характеристики коммуникативного

Я» [135, с. 242].

Коммуникативные ресурсы - это чаще всего не какие-то уникальные исключительные параметры личности, а многие обычные ее проявления, ориентированные на других людей. Последнее означает, что истинно коммуникабельный индивид стремится предстать перед другими в своем лучшем «варианте», в наиболее приемлемом для других виде, в то время как личность со слабыми коммуникативными качествами не имеет таких стремлений и склонностей. Коммуникативные качества как проявление общительности и самопрезентации человека в целом в их содержании можно было бы отнести к уже показанному выше специфическому виду способностей человека, но здесь есть определенные нюансы. Поскольку в коммуникативных потенциалах у человека опредмечиваются и конкретизируются и другие личностные особенности, а не только способности и ЗУН. Например, стиль коммуникативного взаимодействия, как это показали Е.А.Климов, В.С.Мерлин, Е.П.Ильин и др., выступая часто сугубо индивидуальным образованием, не может быть оторван от социальных детерминант, от особенностей групп, в которые человек входит (входил).

В целом же коммуникативные качества всегда имеют минимум три аспекта: во-первых, способность правильно воспринять и понять других людей; во-вторых, сформированную готовность к приему чувств и влияний партнеров по общению; в-третьих, умение так выразить свои мысли и переживания, так "подать себя", чтобы это вызвало адекватные внутренние и внешние реакции общающихся с ним людей. Высокоразвитые коммуникативные ресурсы способствуют налаживанию диалога и понимания с другими людьми и зачастую выступают в качестве определенных слагаемых успеха личности в ее деятельности и общении.

В психологической основе коммуникативных ресурсов нетрудно найти наследственную составляющую. Так, ряд американских исследователей подтвердил вывод, что социальная экстраверсия/интроверсия является основным измерением способности реагирования на окружающую среду. Авторы «Психологической энциклопедии», популярной в США и Канаде, приводят работы, в которых выявилась, к примеру, возрастная устойчивость рассматриваемой характеристики. Более того, они утверждают, что есть ряд других исследований, «позволяющих предположить существование наследственной составляющей интроверсии – экстраверсии, как главного измерения личности» [118, с. 436, 437].

Многие исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что коммуникативные ресурсы личности в их проявлениях можно и нужно рассматривать в качестве системного феномена. Во-первых, в коммуникативных потенциалах у человека опредмечиваются и конкретизируются и другие личностные особенности, а не только способности и навыки общения. Например, манера общения – это весьма сложное личностное образование. В то же время конкретные манеры часто рождаются в условиях реального общения с другими людьми и несут на себе специфику групповой принадлежности. Манеры (умение держать себя, произношение и т.д.) могут быть включены в социальный капитал (совокупность ресурсов), поскольку, «указывая на способ своего приобретения и стратегии использования, они свидетельствуют об изначальном членстве человека в более или менее престижной/непрестижной группе» [56, с. 306].

Во-вторых, в коммуникативных качествах человек в наибольшей степени «вариативен», т.е. он часто меняет свои способы и приемы общения с разными людьми в зависимости от их значимости (в том числе этнической) для него.

В-третьих, по сравнению со сформировавшимися отличиями в разных сферах жизни и способностями в конкретных деятельности, коммуникативные качества в большей степени подвержены влиянию не только своей природной основы, но и мотивации, и самооценки личности. Например, возникшая у индивида неприязнь к представителю какой-либо национальности может существенно повлиять на проявление собственных коммуникативных потенциалов; даже общительный человек может становиться в таких ситуациях замкнутым и малоразговорчивым.

Авторитетные специалисты по психологии межнациональных отношений из МГУ, Г.У.Солдатова и А.В.Макарчук, в своих работах рассматривают феномен «социокультурная компетентность». Ее оптимальный уровень определяется ими как «наличие у человека специальной системы мотивов, знаний, умений и навыков, позволяющих успешно строить позитивные отношения с различными людьми, в том числе и с непохожими по самым разным параметрам: этнокультурным, религиозным, расовым, социальным и мировоззренческим» [139,с.40]. Несмотря на то, что данное определение звучит в работе, суть которой в профилактике ксенофобии, нам импонирует факт установления более широкого содержания социо-культурной компетентности по сравнению с ее узкими межэтническими аспектами: этнокультурными и расовыми. Такой подход более рационален, и об этом мы еще скажем ниже.

Педагоги и психологи из Санкт-Петербурга, связанные в своей деятельности с образованием школьников, по-видимому, чтобы избежать расплывчатости термина, вводят понятия «этнокультурная компетентность личности» и «этнокультурная компетентность школьников». Под первой понимается «интегральное свойство личности, выражающееся в совокупности представлений и знаний о родной, а также о неродной этнокультурах, их месте в мировой культуре, опыте овладения этнокультурными ценностями и

проявляющееся в умениях, навыках, моделях поведения в моноэтнической и полиэтнической среде. Второе понятие определяется как «свойство личности, выражающееся в наличии совокупности объективных представлений и знаний о той или иной культуре, реализующейся через умения, навыки и модели поведения, способствующие эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию» [173, с.300, 302].

Межкультурная компетентность, являясь «плоть от плоти» коммуникативной компетентности в целом, ее своеобразной частью, имеет, как известное животное, меняющее свою окраску – хамелеон, весьма изменчивые характеристики. Человек с высоким уровнем межкультурной компетентности обязан в ситуациях общения с людьми конкретных национальностей соответствующим образом менять свое поведение, реакции, подходы и т.п., не меняя в то же время своей идентичности.

Для эффективного межкультурного общения, особо важны качества, обеспечивающие успешность контактов. И здесь можно выделить две их значимых интерпретации. Во-первых, межкультурно-коммуникативная компетентность (МКК) поясняется, как способность осуществлять эффективную коммуникацию в межкультурном контексте. Во-вторых, понятие межкультурной компетентности (МК) более приближено к практике и трактуется как «общая способность жить, работать и отдыхать в условиях межкультурных и кросс - культурных различий, существующих в повседневной жизни» [93, с.308-310].

МКК является инструментом для эффективного общения людей разных национальностей. Межкультурное общение проявляет себя как процесс и результат изменения идентичных характеристик этнических групп и их представителей при непосредственном или опосредованном влиянии друг на друга. Немало исследователей утверждает, что межэтническое взаимодействие

предопределяет то, как «чужое» трансформируется в «наше», а «наше» превращается в «свое» для «чужих». Феномен межкультурной компетентности в данном случае «вызревает» как способность человека и этнической группы: во-первых, увидеть общие элементы «своего» и «чужого», их идентичность в каких-то деталях; во-вторых, понять и принять различия между «чужим» и «нашим» в качестве естественных и неизбежных и поэтому заслуживающих внимания и в некоторой степени заимствования; в-третьих, найти конкретные способы и приемы, с помощью которых это можно осуществить (как вербального, так и невербального характера) [см. 93; 118; 139; 173 и др.].

Межкультурная компетентность, по мнению не малого числа специалистов, может и должна быть «вплетена» в структуру более емких параметров личности. Так, рассматривая модель межкультурно-коммуникативной компетентности, Гудинст предложил три основных ее компонента. Во-первых, это мотивационные факторы, которые включают в себя потребности участников интеракции, их взаимное притяжение, представление о самих себе и открытость для новой информации. Второй компонент составляют факторы знаний, которые включают в себя ожидания, общие информационные сети, представление о более чем одной точке зрения, знание альтернативных интерпретаций и знание сходств и различий. Третий компонент касается навыков, к которым относится способность проявлять эмпатию, быть толерантным к многозначности, адаптировать коммуникацию, создавать новые категории, видоизменять поведение и собирать нужную информацию [93, с.308]. Как видно, все три компонента, так или иначе, включают личностные образования, или строятся на них.

Эффективность МКК можно оценить только тогда, когда она становится достоянием личности и реализуется в её конкретных поступках и действиях. Д.Мацумото, и Н.Лебедева в своих работах говорят о пятифакторной модели

личности (экстраверсия, нейротизм, социальное соответствие, добросовестность или сознательность, открытость), стремясь определенным образом увязать данные факторы с успешностью человека в межкультурном общении [см. 78, с.146-147; 93, с.325 и др.]. Многие авторы стремятся показать в этнической и кросскультурной психологии не только конкретные и *измеряемые* черты личности, но и проявление ее особенностей в сфере межкультурного общения. Тот же, Д.Мацумото на примере зарубежных исследований демонстрирует связь межкультурной компетентности с тремя основными компонентами личности (мотивационные факторы, факторы знаний и факторы навыков) или в «наборе» из 62 факторов, установленных эмпирическим путем [см. 93, с.307, 308]. Правда, когда анализируешь приведенные факторы, то обнаруживаешь, что свыше 80% из них говорят не столько о МК, сколько о способностях, качествах, требованиях, необходимых для эффективного общения на любом даже внутрикультурном, внутринациональном уровне. К собственно межкультурным факторам можно отнести лишь 8-10 из них, и непосредственно:

- способность приспосабливаться к разным культурам;
- способность действовать в различных общественных системах;
- осознание значимости культурных различий;
- культурная эмпатия;
- отсутствие этноцентризма;
- способность завязывать межличностные отношения;
- способность облегчать коммуникацию;
- социальная приспособленность.

Данное обстоятельство, на наш взгляд, закономерно подчеркивает тот факт, что межкультурная компетентность «вызревает» из многих других коммуникативных особенностей человека и самым теснейшим образом с те-

ми взаимосвязана. Это означает, что чем более коммуникабелен и контактен в своей ближайшей мононациональной среде человек, тем больше у него шансов в дальнейшем быстрее и эффективнее развить специфические качества, необходимые для МК. И еще один значимый момент состоит в том, что даже нерегулярные, но протекающие в течение длительного времени встречи с людьми других национальностей и спонтанная оценка их готовности общаться с представителями других народов, будут впоследствии положительно влиять на формирование МК конкретной личности.

Человек не может одинаково относиться к представителям десятков стран, представляющих собой несколько сотен национальностей. Для каждого человека есть более или менее значимые из них, а к большинству люди в основном индифферентны, поскольку заинтересованность в информации о них отсутствует. Стремление и настойчивость к овладению реальными навыками МК к конкретной национальности будет во многом зависеть от её «рейтинга» - ранга, оценок по личностной и эмоциональной шкале. С другой стороны личность этнофора (представитель конкретной национальности) имеет свою этническую самооценку, которая может варьироваться в пределах между завышенной, адекватной и заниженной. Причем здесь могут наблюдаться весьма интересные зависимости. Например, представитель страны с завышенной личностной и этнической самооценкой может весьма пренебрежительно отнестись к любым призывам овладения МК по отношению к лицам из числа (как он их называет) «полудиких» народов. Или человек с заниженной личностной и этнической самооценкой может считать, что культура его народа не заслуживает уважения и понимания. Он может на основе данного мнения пренебрегать достоинством своего этноса, и это соответственно отразится на отношении со стороны представителей других народов.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Формирование этнической идентичности личности определяется уровнем развития всех ее личностных ресурсов. Под ресурсами в работе понимаются те психологические и этнокультурные феномены личности и социума, которые могут использоваться в качестве источников, средств и способов повышения эффективности различных процессов и деятельностей, в нашем случае становления этнического самосознания.

Используя в качестве исследовательского инструментария логический изоморфизм на основе структуры деятельности (цель и задачи, средства и способы, результат и его оценка) в структуре взаимодействующих личности и сообщества, нами выделены формально и содержательно соотносимые друг с другом параметры, в личностном преломлении являющиеся ресурсами реализации этнической идентичности. В разработанной нами модели ресурсы личности, связанные с её идентичностью и самосознанием, в то же время зависят от конкретных параметров этнических сообществ и рассматриваются через призму пяти взаимозависимых и взаимопроникающих подструктур:

1) осознание и/или признание биопсихических свойств, являющихся генетическим признаком этноса и включающих в себя кроме физических и физиологических особенностей элементы индивидуального и коллективного бессознательного (биопсихические ресурсы);

2) осознание единения (близости) с этнической группой через систему убеждений, целей, мотивов и ценностей (ценностно-ориентационные ресурсы);

3) понимание возможностей своего самовыражения и вклада в общую деятельность этноса через реализацию специфических способностей, интегрированных компетенций, ЗУНов (ресурсы этнического самовыраже-

ния);

4) уровень самооценки и самоуважения, национального достоинства личности, зачастую определяющие уровень и характер активности человека, а также позволяющие ему обеспечивать эффективную обратную связь в деятельности и общении с другими (рефлексивные ресурсы);

5) высокий уровень общительности, развитие речевых навыков, умение использовать информационные технологии для творчества и координации внутриэтнического и межэтнического общения (коммуникативные ресурсы).

В самооценке «малых» народов и этнических групп сибирского региона, и ее влиянии на национальное самосознание и этническую идентичность могут действовать как минимум две тенденции. Одна из них может в качестве основных критериев этнической самооценки брать во внимание реальные успехи этноса в различных видах жизнедеятельности: чем больше вклад, тем весомей самооценка, что способствует интеграции позитивной самооценки личности с национальной идентичностью в целом. Другая тенденция ориентируется, прежде всего, на оригинальность, самобытность или возможную угрозу исчезновения этноса из числа мировых сообществ. В данном случае этническая группа склонна оценивать себя по известному принципу: «мал золотник, да дорог». Такая тенденция порою чревата ослаблением чувства гражданской идентичности из-за обид на непризнание другими народами «нашей уникальности».

В теоретической части диссертационной работы удалось рассмотреть множество параметров, от которых зависит эффективность идентификации личности, прежде всего, в ее этническом варианте. Из этого множества необходимо выделить наиболее значимые для их эмпирической проверки. Анализ, проведенный в первой и второй главе, позволяет выделить для прикладного исследования ресурсы личности, взаимосвязанные с характеристиками

сообществ: патриотизм как проявление уровневой идентичности личности с этнической группой, сочетание в ней общественных и индивидуальных интересов; самооценка личности и сообщества; этническая смешанность/не смешанность и её влияние на этническую идентичность; особенности межкультурной коммуникативной компетентности.

Патриотизм как форма национального самосознания означает преданность своей нации, стремление стать активным субъектом национального развития, со-творцом духовных ценностей и национальной культуры. В патриотизме проявляется феномен отождествления личности себя с группой и признание ею групповой идеологии через ценностно-ориентационные установки групповых позиций.

ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ И ЭТНИЧЕ- СКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПОНДЕН- ТОВ ИЗ СИБИРСКОГО РЕГИОНА)

3.1. Методология и основы организации исследования

Анализ, проведенный в теоретической главе, позволил выделить для прикладного исследования в диссертационной работе ресурсы личности, взаимоувязанные с такими характеристиками сообществ, как самобытность группы и уровни идентичности индивида с ней, этническая смешанность/не смешанность, а также самооценка контактирующих лиц и коммуникативная компетентность субъектов общения.

Выбор необходимого комплекса методов и методик, используемых в этнопсихологии, определяется целью, задачами исследования, научным направлением и возможностями конкретных методик. Этнопсихологические исследования могут быть трех основных вариантов: во-первых, рассматривать и диагностировать особенности конкретного народа и создавать соответствующие «портреты» - делать обобщения по полученной информации; во-вторых, сравнивать, сопоставлять психологические особенности представителей нескольких национальностей, принадлежащих к разным культурам, т.е. делать акцент на личностных характеристиках; в-третьих, изучать возможности повышения эффективности межнациональных контактов. Причем психологам здесь важно находить не столько общие тенденции, сколько изучать процесс общения представителей конкретных народов. В последнем случае задача подбора методического инструментария значительно усложняется.

Е.Резников в книге «Методологические проблемы этнической психологии» отмечал, что особенность применения методик в этнопсихологических исследованиях заключается в их адаптации к менталитету того народа, который изучается [125, с. 21]. К сожалению, 99% методик в изучении российских народов вынуждены оставаться русскоязычными, значит, о полной реализации названного требования не может идти речи. Но всё же большинство народов России получает среднее и высшее образование на русском языке, и соответствующая адаптация анкет и опросников к психологии респондента имеется.

Особую значимость сегодня представляет изучение этнического самосознания молодежи в таких регионах России, где проживают русские и другие народы со своей традиционной культурой, не совпадающей и в вероисповедании. Эмпирическое исследование в нашей диссертации ориентировано на особенности этнического самосознания молодежи конкретно в сибирском регионе и ее учета в коррекционных мероприятиях. При этом важно отметить, что у аборигенных народов Сибири и Прибайкалья имеются не только общие психогенетические связи с населением ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), но и наличествуют близкие традиции и ценности в социальных и религиозных сферах. Интересным моментом исследования стало то, что с осени 2018 года Дальневосточный регион «пришел» на берега Байкала, и теперь наши выборки отчасти презентуют и данную часть российских сообществ.

Как мы определились в теоретической части исследования, «моно» и «биэтническая» идентичность могут рассматриваться как определенные индикаторы этнических самосознания и идентичности. Проблему смешанности в регионах Сибири принято представлять самыми разными точками зрения. С одной стороны, смешанность среди аборигенов, скорее всего, была обыч-

ным явлением. Генетическое взаимодействие дополнялось другими соответствующими реалиями. Есть множество свидетельств о том, что у представителей монгольских (буряты), тюрских (якуты) и тунгусо-маньчжурских (эвенки) народов находились не только общие слова и выражения в языке, но и отдаленные родственные связи. Скорее всего, были подключены к этому процессу и механизмы ассимиляции.

Следует отметить, что многие из тех респондентов, что по национальному признаку отнесли себя к «другим» национальностям, на самом деле являются представителями смешанных семей. В своих комментариях-расшифровках они часто так и указывали: «метис» (чаще всего), «украинка-татарка», «армянка-молдованка», «русский-китаец», «русская татарка», «русская украинка», «не могу знать точно» и т.п. В теоретической главе мы описывали данную ситуацию, когда говорили об особенностях этнического самосознания представителей этнически «смешанных» и «несмешанных» семей.

Приступая к эмпирическому изучению проявлений этнической идентичности у молодежи, нельзя не остановиться на некоторых особенностях данной категории. Конечно, в первую очередь речь должна идти о возрастных характеристиках молодых людей. Чаще всего в их интерпретации ученые и практики опираются на биопсихические параметры развития человека. Уникальность современных молодых людей признается всеми. Сегодня всё чаще идет речь о патриотической идентичности молодежи. Но в целом нельзя не учитывать следующие нюансы:

а) жизнь многих молодых людей, по крайней мере, до женитьбы, проходит в родительской семье, конкретные характеристики которой оказывают непосредственное влияние на формирование этнического самосознания личности;

б) современная молодежь весьма мобильна. Данная особенность позволяет ей сравнивать уровень и качество жизни в своей стране и в зарубежных странах на личном опыте. Соответствующими впечатлениями невозможно пренебрегать в формировании этнического самосознания молодежи;

в) введение различных экономических санкций и анти-санкций усугубило возможности трудоустройства и самостоятельных доходов. И это не может не затронуть молодежь в плане определения ею собственной гражданской позиции по отношению к своей стране, ее партнерам и недругам.

Базой нашего исследования является не только городская, но и сельская молодежь, и некоторую специфику данных категорий также стоит показать. В отличие от городской молодежи у сельчан есть ряд особенностей, в связи с которыми надо рассматривать их позиции и участие в конкретных делах. К особенностям психологического «портрета» представителя сельской молодежи, влияющим непосредственно на национальное самосознание и идентичность, при этом имеющих как позитивный, так и порой, негативный характер, можно отнести:

- Высокий уровень самостоятельности, связанный с выполнением с ранних лет конкретных домашних обязанностей, которые тесно связаны со специфическими этническими видами деятельности.
- Более тесная связь с природой, связанная с частым общением с флорой и фауной, домашними животными, участием в организуемых школой и муниципальными органами акциях в защиту родного края, окружающей среды.
- Склонность к широким неформальным контактам в связи с особенностями родственных и соседских отношений в деревне, в том числе с представителями других национальностей.
- Появление в юношеском возрасте мотивации, не связанной с жиз-

нию в селе: поступление в ВУЗы и ССУЗы, служба в армии, работа на престижных предприятиях в городах.

- Меньшая вовлеченность в интернет и IT-технологии в связи с загруженностью хозяйственными функциями и более слабой материальной базой информационных средств в сельской местности.

Принципы, процедуры и методики исследования. Е.Н.Резниковым сформулированы основные требования к выборке этнопсихологического исследования [125, 126]. Автор акцентирует внимание на известном требовании репрезентативности: состав опрашиваемых должен приближаться к соответствующим пропорциям в генеральной совокупности. Вместе с тем он признает необходимость использования в ряде случаев и целевой выборки. Указывает, что объем выборки зависит от изучаемых феноменов: если исследуются личностные особенности, тогда количество испытуемых должно составлять не менее 30–50 человек по каждой сравниваемой группе; если изучаются малые или большие этнические группы или межэтнические отношения, то объем не должен быть менее 100-150 по каждой сравниваемой группе. Кроме того, в выборку необходимо включать респондентов из тех слоев этноса, представители которых выражают этнопсихологические особенности» [125, с. 21-29]. В данном диссертационном исследовании в полной мере соблюдены все указанные требования.

В диссертации используются материалы, полученные лично автором при участии в нескольких исследованиях (в том числе по грантам РГНФ и РФФИ) в качестве исполнителя:

- в исследованиях 2015-2016 годов, выполненных при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект «Факторы и особенности формирования патриотизма и межнационального согласия у молодежи азиатской России»;

- в исследованиях 2018-2019 годов, выполненных при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Экономический патриотизм как объект междисциплинарного исследования в психологии и ресурсы его формирования у городской и сельской молодежи (на примере народов Восточной Сибири)»;

- а также результаты собственного исследования, проведенного в 2016-2018 годах.

В диссертационной работе использовался методический комплекс, включающий в себя следующие методики:

1. Методика «Изучение самооценки с помощью процедуры ранжирования» Будасси С.А. [69, с.71-73]. Данная методика позволяет проводить количественное исследование самооценки личности. В основе данной методики лежит способ ранжирования. В ней испытуемым предлагается на бланке 20 различных качеств личности. Данные качества сначала испытуемый ранжирует по тому, в какой мере они ему импонируют, соответствуют образу идеального, успешного человека. Затем эти же качества испытуемый ранжирует по отношению к себе, то есть, в какой степени эти качества присущи ему самому. Цель обработки результатов в нашем исследовании - определение связи между ранговыми оценками качеств личности, входящих в представления «Я-идеальное» и «Я-реальное» у представителей разных национальностей. Мера связи устанавливается с помощью коэффициента ранговой корреляции (см. приложение 2).

2. Методика «Кто я», позволяющая выявить приоритет общих идентичностей, включая и их этнические аспекты.

3. Методика «Типы этнической идентичности» Г.У.Солдатовой [137] направлена на определение типов идентичности различного качества и степени выраженности этнической толерантности. Испытуемым предъявляются

суждения, отражающие отношение к собственной и к другим этническим группам в разных ситуациях межэтнического общения. Им необходимо определить степень своего согласия или несогласия с данными высказываниями. По результатам ответов респондентов в зависимости от суммы баллов, набранных испытуемым по той или иной шкале (возможный диапазон – от 0 до 20 баллов), можно судить о выраженности соответствующего типа этнической идентичности, а сравнение результатов по всем шкалам между собой позволяет выделить один или несколько доминирующих типов: этнонигилизм, этническая индифферентность, норма (позитивная этническая идентичность), этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм (см. приложение 1).

4. Методика оценки «объектов» патриотической идентичности (ранжирование).

5. Экспресс-опросник «Проблемы этнической идентичности личности. Методика оценки альтернативных суждений» (МОАС). В предложенном опроснике респондентам предлагается оценить предложенные альтернативные суждения с соответствующим смыслом по пятибалльной шкале: где низкая оценка – 1 балл, а самая высокая – 5 баллов. Все суждения разбиты на подгруппы (ориентации). По каждой ориентации предлагается два суждения. Разница в средних баллах по двум суждениям отражает приоритет конкретной ориентации (см. приложение 3).

5. На разных этапах исследования использовались анкеты для изучения мнения респондентов по вопросам межэтнического общения, проблеме патриотизма, изучению факторов, оказывающих влияние на межнациональную ситуацию и др.

6. Анализ сочинений старшеклассников.

3.2. Эмпирический анализ проблем национального самосознания и становления позитивной этнической идентичности у сибирской молодежи

В эмпирической части диссертации проиллюстрируем некоторые показанные выше теоретические положения, получившие аргументы «за» и «против» в ходе нашего исследования.

3.2.1. Изучение особенностей типов этнической идентичности на примерах «моноэтнических» и «биэтнических» респондентов

В практическом плане хорошие примеры традиционной дифференциации феноменов этнической идентичности приносят методики соответствующей направленности. Рассмотрим результаты исследования бурят, русских и представителей других национальностей в диссертации по методике Г.У.Солдатовой (n=407) (см. рис.3).

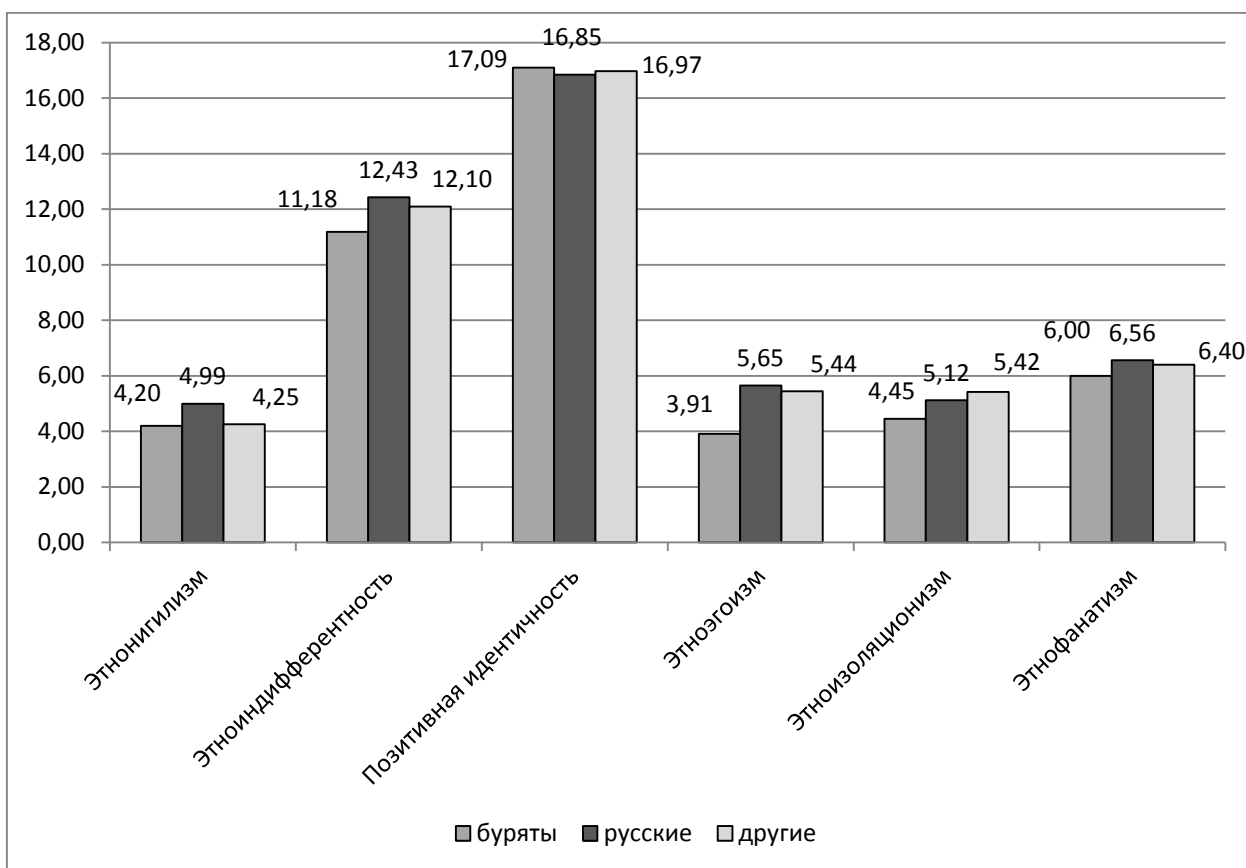


Рисунок 3. Самооценка шести типов этнической идентичности у представителей разных национальностей.

На диаграмме мы видим, что наиболее значимое отличие по типу этноэгоизм характерно, по сравнению с русскими и «другими», для представителей бурятской национальности. Этноэгоизм как один из типов идентичности личности может выражаться в безобидной форме на вербальном уровне как результат восприятия через призму конструкта «мой народ», но может предполагать, например, напряженность и раздражение в общении с представителями других этнических групп или признание за своим народом права решать проблемы за «чужой» счет.

У бурят так же менее представлены шкалы этноизоляции и этнофанатизм. Хотя стоит отметить, что они по выборке в целом не превышают средних показателей. Напомним, что этноизоляция представляет собой убежденность человека в превосходстве своего народа, признание необходи-

мости «очищения» национальной культуры от вредных «примесей» чужой культуры, негативное отношение к межэтническим брачным союзам. Существуют значимые различия в средней оценке по этнической индифферентности: у русских и представителей других национальностей она повышенная (более 12 баллов), а у бурятских респондентов она на среднем уровне. Данная шкала характеризует ситуацию размывания этнической идентичности, выраженного в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности. Она подразумевает концепцию этнического взаимодействия, основанного на незначительности и принижении роли этнических особенностей в процессе межличностной и межгрупповой коммуникации. В отличие от концепции толерантности, индифферентность нацелена на создание общих этнических маркеров, а не на разделение на этнические группы и терпение друг друга.

Вполне объяснимо, что данный тип этнической идентичности характерен в большей степени для личностей в группах «русских» в силу многолетнего «смешения» в них разных кровей. И для представителей «других национальностей» тоже данная позиция объяснима, они часто находились в ситуации необходимости мигрировать и постоянно приспосабливаться к разным местностям и тем самым они утрачивали (размывали) собственную этничность.

Мы уже говорили в теоретической части работы, что некоторые особенности этнического самосознания целесообразно изучать на сравнении ответов респондентов, представляющих моно- и биэтническую идентичность. В связи с данными и другими обстоятельствами нас интересовали особенности типов этнической идентичности у индивидов, которые имеют родственников других национальностей (биэтничные) и не имеют таковых (моноэтничные) (см. рис. 4).

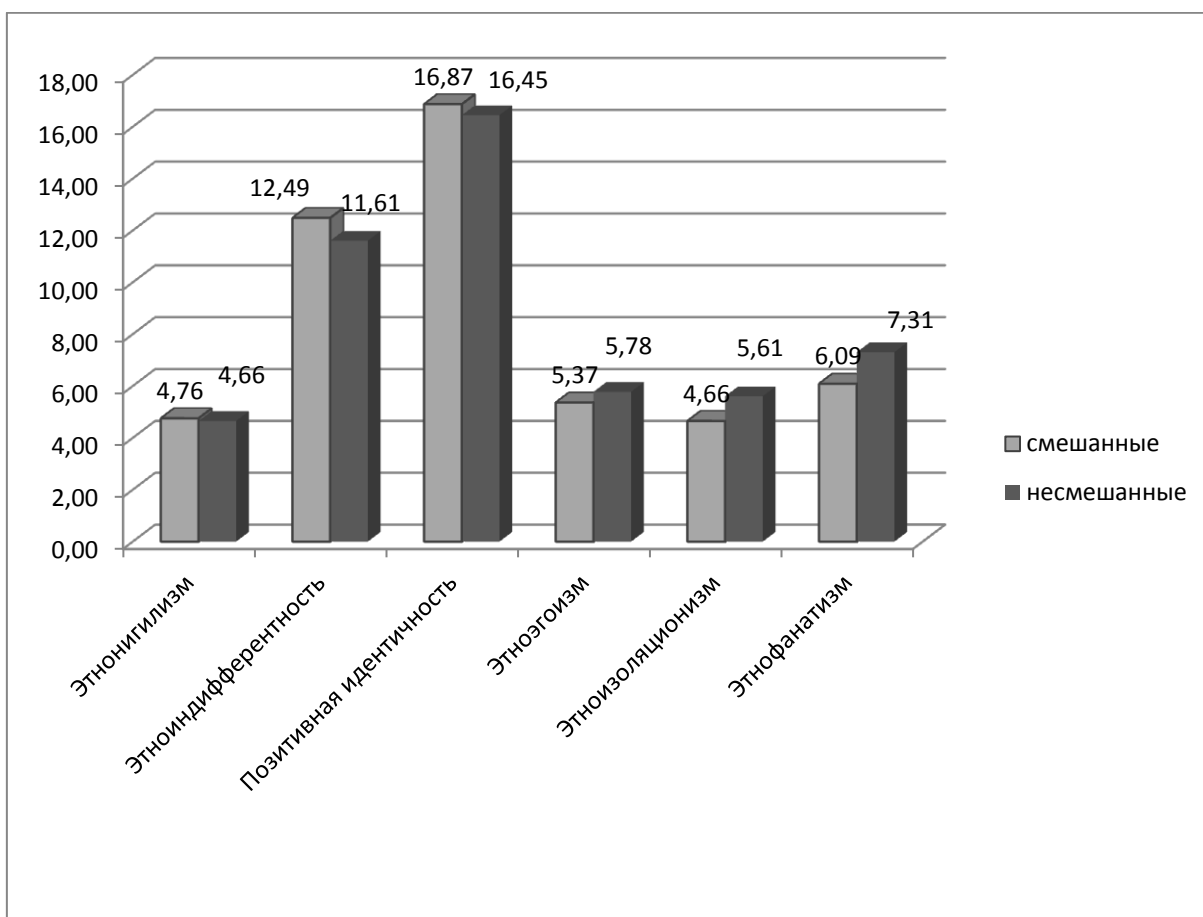


Рисунок 4. Самооценка типов этнической идентичности у индивидов, имеющих (смешанные) и не имеющих (несмешанные) родственников других национальностей.

Из всей нашей выборки в 407 человек смешанных индивидов было 181 человек, а несмешанных всего 72. Это вполне характеризует особенности нашего региона, где одновременно соседствуют представители 156 национальностей (согласно данным переписи 2010 года). При этом значительная группа респондентов не смогла однозначно ответить на вопрос о наличии у себя смешанности-несмешанности и выбирала ответ «возможно, есть родственники других национальностей, но я об этом не знаю» (таких было 140 человек). Для чистоты анализа полученных данных мы учитывали результаты диагностики только тех испытуемых, кто уверенно отвечал на вопрос о наличии в своей семье представителей разных национальностей.

В целом как наглядно показывает рисунок 2, в нашей выборке преобладает позитивная этническая идентичность. При этом если сравнивать результаты у смешанных и несмешанных индивидов, то можно отметить определенное превалирование у смешанных по сравнению с несмешанными, этнической индифферентности. Данная ситуация вполне объяснима. Для смешанных, в силу смешения в них «результатов» воздействия двух и/или более культур вполне может быть характерно размывание этнической идентичности, которое может выражаться в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности.

У представителей моноэтнических семей в нашем исследовании статистически значимо чаще проявлялись такие типы как этноизоляционизм и этнофанатизм, которые у респондентов их смешанных, этнически разнородных семей выражены заметно меньше. Хотя стоит напомнить, что данные типы не выходят по значениям рамок пониженного показателя. И все же эти результаты вполне объяснимы. Особенность этих типов этнической идентичности состоит в том, что они представляют собой ступени гиперболизации этнической идентичности. И могут означать появление дискриминационных форм межэтнических отношений. Гиперидентичность, проявляющаяся в межэтническом общении может принимать различные формы этнической нетерпимости: начиная от недовольства, возникающего как реакция на присутствие членов других групп, заканчивая политикой ограничения их прав и возможностей, агрессивными и насильственными действиями против другой группы и даже геноцида. Для представителей одного народа данная склонность к гиперболизации собственной этнической отнесенности вполне объяснима. Здесь главное отслеживать возможные риски данного процесса.

В диссертации уже приводилось мнение о том, что разработанная Г.У.Солдатовой дифференциация видов идентичности перекликается с из-

вестной типологией по идеологическим формам национального самосознания: националист, шовинист, интернационалист, космополит и т. п. Но преимущество методики заключается в том, что в руки ученых и практиков дан «инструмент», который, с одной стороны, так или иначе, подтверждает наличие крайних (например, по кривой Гаусса) точек зрения, с другой стороны, позволяет измерить соответствующие характеристики.

В теоретической части работы мы приводили рассуждение, что этноэгоизм (по тесту Солдатовой) можно в чем-то соотносить с этнической самооценкой по отношению к своему народу. В нашем опросном листе данные обстоятельства диагностировались на основе двух пар оценок по пятибалльной шкале (1-самая низкая, 5-самая высокая оценки). Опрос проводился среди аборигенов и русских в ряде регионов Сибири. Респондентами были русские (n=412), буряты (n=103), хакасы (n=75), тывинцы (n=40), якуты (n=74), представители других национальностей (n=74). Всего выборка составила 778 человек. Результаты анализа по уже охарактеризованной методике МОАС отражены в таблице 1 (см.)

Таблица 1

**Оценки представителей разных национальностей
связи национального достоинства и самооценки с успехами страны /
конкретного народа**

№ во пр о с а	Суждение	Оценка у респондентов разных национальностей					
		Буряты	Русские	Тывинцы	Хакасы	Якуты	Другие
		N=103	N=412	N=40	N=75	N=74	N=74
Связь национального достоинства и самооценки с успехами страны, а не народа							
2	Чувство национального достоинства связано,	3.29	3.60	3.70	3.39	3.16	3.55

	скорее, с успехами всей страны, чем конкретного народа						
16	Если в чем-то обвиняют представителей моего народа, то я не воспринимаю это близко к сердцу	2.45	2.90	2.30	2.49	2.64	2.82
Итог по 1-му показателю		5.74	6.50	6.00	5.88	5.80	6.37
Связь национального достоинства и самооценки с успехами своего конкретного народа							
9	Чувство национального достоинства зависит, прежде всего, от успехов своего народа, а не от общих успехов	3.31	3.02	3.38	3.68	3.31	3.34
23	Если в чем-то обвиняют представителей моего народа, я воспринимаю это очень болезненно, близко к сердцу	3.03	2.83	3.80	3.84	3.04	2.99
Итог по 2-му показателю		6.34	5.85	7.18	7.52	6.35	6.33
Соотношение причастности к стране и к народу (-)		-0,60*	+0,65	- 1,18**	- 1,64**	-0,55*	+0,04

Примечание: $p < 0,05^*$; $p < 0,01^{**}$

Таблица 1 демонстрирует некоторое преобладание влияния успехов страны на самооценку и национальное достоинство только у русских респондентов и их почти равнозначное соотношение у представителей других национальностей (чаще украинцы, белорусы, евреи). В иных сибирских этнических группах молодежи (особенно у хакасов и тывинцев) национальное са-

моуважение и эмоциональное состояние связано в первую очередь с успехами своего народа. Данное обстоятельство вполне естественно, если только не становится стимулом для формирования идеологическими институтами исключительности представителей данной национальности.

При определении особенностей национального самосознания и этнической идентификации важно проследить влияние «смешанности/не смешанности» на суждения об ориентациях по отношению к родной земле. Мы задали респондентам вопрос о конкретных таких ориентациях (см.табл.2).

Таблица 2

Оценка значимости генетической и глобалистической ориентации по отношению к родной земле у респондентов с моноэтнической и биэтнической идентичностью

№ п\п	Суждение	Оценка в баллах		
		Все (n=778)	«биэтнические»	«моноэтнические»
<i>Генетическая ориентация</i>				
1	Людам полезно для сохранения традиций и психологического здоровья жить преимущественно на земле, где родились и выросли	3,20	2,94	3,35
15	Любовь к родной земле приходит к нам от предков и сохраняется на генетическом уровне	3,57	3,45	3,65
	Сумма по показателю	6,77	6,39	7,00
<i>Глобалистическая ориентация</i>				
8	Люди могут и должны жить на любой территории, не считаясь со своей национальной принадлежностью	3,78	3,79	3,77
22	Человек привыкает к любым местам, поэтому говорить о генетической привязанности к	2,86	2,90	2,79

	земле «предков» вряд ли правильно			
	Сумма по показателю	6,64	6,69	6,56
	Разница между 1 и 2 показателями	+0,13*	+0,20*	-0,44*

Примечание: $p < 0,05^$*

Таблица показывает, что, во-первых, генетическая ориентация у «моноэтнических» индивидов больше смещена в «националистическую» сторону. Можно проиллюстрировать это примерами из сочинений и записей в анкетах: *«Мама мне говорила, что моей женой должна быть только бурятка»;* *«Я с детства понимала, что для бабушки и для моих родителей очень важным был вопрос о чистоте крови, нашей бурятской крови. Мысли не допускалось о том, чтобы жениться или выйти замуж за человека другой национальности. Бабушка говорила: «Никогда бурятская девушка не может выйти замуж за тувинца или русского».* При этом она не объясняла нам, почему нельзя. Это её внушение засело в нас на каком-то биологическом уровне» Такие установки вряд ли можно назвать националистическими, это оберегающие этнос позиции, которые особенно в свете событий в Европе, могут получать реальную поддержку у многих представителей малых народов.

Во-вторых, у «смешанных» генетическая ориентация меньше выражена, чем в целом по выборке и, особенно, у «несмешанных». Данный факт, по крайней мере, заставляет задуматься о том, что смешанные уже в силу своей генетической и, отчасти, культурной интеграции меньше ориентированы на ценность самобытности земли, на которой живут, поскольку более высокое развитие «всечеловеческой индивидуальности» ориентирует их на повышение глобалистической ориентации.

В наших частных гипотезах было предположение, что оценка значимости интересов того народа, среди которого живут, по сравнению соответствующей оценки государственных интересов, будет меньше у «биэтнических» чем у «моноэтнических». Это в определенной мере было подтверждено нашим

исследованием (см.таблицу 3).

Таблица 3

Оценка значимости интересов государства и своего народа респондентами разных категорий

№ п\п	Суждение	Оценка в баллах		
		Все (n=778)	«биэтнические»	«моноэтнические»
<i>Значимость государственных ориентаций</i>				
5	Интересы государства приоритетнее любых этнических интересов.	2,84	2,75	2,87
19	Общероссийским успехам (достижениям) я радуюсь больше, чем успехам своего народа.	2,99	3,09	2,95
Сумма по первому показателю		5,83	5,84	5,82
<i>Значимость этнических ориентаций</i>				
12	Интересы конкретных народов и этнических групп в России должны учитываться в первую очередь.	3,03	2,98	3,06
26	Успехам своего народа я радуюсь больше, чем общероссийским.	2,99	2,75	3,15
Сумма по второму показателю		6,02	5,73	6,21
Разница по двум показателям		-0,19	+0,11*	-0,39*

Примечание: $p < 0,05^$*

В таблице зафиксирован приоритет этнических ориентаций у «моноэтнических» индивидов, и это явление характерно для многих представителей сибирских этносов. Дело в том, что этническая идентичность гораздо «взрослее» чем государственная: в этнических группах индивиды жили в течение многих столетий. В связи с этим сформировались «фиксированные формы

поведения» [91], которые влияют и на многие современные установки. Особенности «смешанности» проявляются, прежде всего, в нарушении давних ригидных схем этнических стереотипов и оценок, и в генетическом и в культурном плане. Но данный феномен, особенно в свете приведенных в статье позиций зарубежных исследователей нуждается в более детальном исследовании. Но нет сомнения в том, что индивидуальные и социокультурные особенности оценки различных ресурсов личности, семьи и этноса необходимо учитывать в социальной практике.

3.2.2. Изучение уровней и содержания патриотических ориентаций как особенностей проявления национального самосознания

В теоретической части диссертации был отмечен уровневый характер установок национального самосознания и этнической идентичности, возникающий в иерархическом социальном взаимодействии личности, и наличие феноменов, являющихся проявлениями разного отношения человека к социальным реалиям. Как говорилось выше, варианты идентичности в совокупности с нередко сопровождающими их патриотическими установками и чувствами могут условно располагаться на шкале от любви к небольшому, но «родному пепелищу», до эмоционального присоединения ко всей Земле-Отчизне. Именно эти аспекты мы имели в виду в исследовании молодежи, проведенном в одном из сельских районов Иркутской области осенью 2016 года. Молодые респонденты по известной методике «Кто Я» должны были из 12 предложенных вариантов идентификации выбрать и поставить по рангу пять наиболее значимых для каждого из них. В таблице 4 на основе выборов приоритетных идентичностей всеми респондентами отражена полученная

иерархия мест.

Таблица 4

**Иерархия собственной идентификации молодых респондентов из
села (в %)**

№ п/п	Степень самоотнесения себя к различным по- ложениям и статусам.	В целом по вы- борке (n=280)
1	Член моей семьи	66,8
2	Женщина/мужчина	60,6
3	Гражданин своей страны	50,0
4	Студент	47,6
5	Патриот своей родины	41,3
6	Сибиряк	34,6
7	Любимый человек	30,3
8	Работающий человек	28,8
9	Представитель своего народа	25,0
10	Городской житель	23,1
11	Гражданин мира	22,6
12	Сельский житель	3,4

По табл. 4 четко прослеживается приоритет идентификации молодежи с семьей, и это значимый и позитивный факт. Несмотря на все изменения и потрясения, происходящие в обществе, семья продолжает играть важную роль в жизни человека и является ценнейшим социальным институтом формирования подрастающей личности. Еще один значимый момент состоит в том, что в первой пятерке идентификации находятся две идентификации: «гражданин страны» и «патриот своей родины», которые превалируют над идентификацией по сравнению с «гражданином» мира, важность чего была отмечена в теоретической части работы.

Мы в своём исследовании респондентов из города и села поставили за-

дачу детализировать некоторые аспекты патриотической идентичности в их уровне содержания. Уровневость отношения к внешним «объектам» идентификации, как мы говорили в теоретической части работы, имеет и психологическую дифференциацию: - лояльность, приверженность – преданность – патриотизм. В одном из заданий респонденты по десятибалльной шкале (1 – минимум, 10 - максимум) оценивали её на основе ряда территориальных и социальных сообществ. В русле нашей работы мы предполагали, что вариативность патриотической идентификации (её расположенность на шкале индифферентность – патриотизм) будет носить особые оттенки не только территориального город - село, но и национального своеобразия (русские, буряты, другие национальности). Детализация в данном направлении показателей таблицы 4 подтвердила наличие иерархических уровней «патриотической идентификации» или отсутствие таковой (n=778) (см. табл. 5).

Таблица 5

Самооценка молодежью патриотической идентичности в зависимости от национальности и места жительства респондентов

№ п/п	Варианты идентификации	Дифференциация респондентов по категориям					
		Городские			Сельские		
		Русские	Буряты	Другие	Русские	Буряты	Другие
1	Патриот страны	7,68	7,49	6,73*	8,07*	7,49	7,47
2	Патриот малой родины	7,27	8,04*	6,57*	7,72	8,24*	7,83
3	Патриот родного края	7,14	7,56	6,12*	8,03	8,10	7,33*
4	Патриот байкальского края	6,70	6,95	5,10**	6,79	6,65	6,56
5	Патриот организации	5,36*	5,31*	5,32*	6,38	6,77	6,00
6	Патриот Земли в це-	4,74*	4,51*	5,60	5,95	5,52	5,67

	ЛОМ						
7	Патриот материка	4,01	4,84	4,78	4,78	5,56*	3,56*
8	Девиз: «Где хорошо, там и родина»	3,26	3,23	4,04*	3,25	3,85	4,76*
9	Не признаю слова «патриот»	2,00	2,08	2,29	2,24	2,33	2,67*

Примечание: $p \leq 0,05^$; $p \leq 0,01^{**}$*

Данная таблица показывает дифференциацию не только на основе национальных, организационных, космополитических и т.д. характеристик, но и в зависимости от места проживания респондента.

В целом наибольшие различия регистрируются не между представителями разных национальностей, а между представителями города и села.

Во-первых, представители аборигенного населения – и городские, и, особенно, сельские буряты – оценивают свой патриотизм по отношению к малой родине заметно выше, чем русские и представители других национальностей. Так же у них значительно выше оценки «патриот материка». Учитывая, что их предки проживали в Восточной Сибири с давних времён, этот нюанс вполне объясним. У русских респондентов (особенно из сёл) заметно выше патриотизм по отношению к стране в целом. Проблемной также является соответствующая оценка со стороны представителей других национальностей в городской местности, но, учитывая то, что в большинстве эта категория представлена детьми мигрантов, ситуация вполне объяснима. Сельские «другие» обычно много лет проживают на своей новой родине и их результаты отражают это: например, у городских «других» средняя оценка патриот малой родины 6,57, а у сельских «других» - 7,83.

Во-вторых, в самооценке некоторых вариантов идентификации у сельской молодежи есть заметные отличия от городской. В частности, наиболее значимое различие касается отношения к организации. Если брать экономи-

ческую реальность, понятно, что в условиях дефицита рабочих мест во многих сельских поселениях значение организаций-работодателей закономерно возрастает, поэтому цифры, представленные в таблице, закономерны. Да и в целом в деревенском менталитете более высока роль первичных групп, коллективизма.

В-третьих, по коэффициентам достоверности различий прослеживается, что русские респонденты выделяются более высоким уровнем идентичности со страной в целом.

В-четвертых, выше оценки девиза «где хорошо, там и Родина» у представителей других национальностей, и данную, в основном «мигрантскую», закономерность мы кратко проанализировали в теоретической главе. Нельзя не отметить, что городские представители данной категории по сравнению с другими значительно меньше идентифицировали себя с патриотами байкальского края, малой родины, родного края, страны. При этом у них значительно выше оценки себя как патриота земли в целом. Это еще раз подчеркивает их некую оторванность, отсутствие корней, и привязанности к конкретным местам.

В-пятых, «патриотами материка» в большей мере считают себя буряты. И, как у жителей азиатского континента, это вполне объяснимая закономерность. Соответствующим образом можно объяснить все отмеченные достоверные различия, но это не входит в задачи диссертационной работы. Можно отмечать, что патриотизм не в целом, а в его уровнях является особенностью национального самосознания.

Выявляя особенности патриотической идентичности молодых людей, мы посчитали целесообразным сопоставить их патриотические установки с позициями других поколений (n=1463) (см. табл. 6).

**Позиции представителей трех поколений
о сущности патриотизма (%)**

№ п/п	Патриотизм – это...	Позиции представителей разных поколений (n=1463)		
		«Дети» 17-25 лет	«Отцы» 36-45 лет	«Деды»: старше 66 лет
1	Одно из обязательных составляемых полноценной жизни в обществе, чувство единения с родной землёй и её жителями	51,0**	65,5**	71,3**
2	Понятие значимое для людей, но не конкретное	25,6**	12,1**	10,2**
3	Придерживаюсь принципа «Где хорошо, там и родина»	17,3	13,2	14,6
4	Другое и затрудняюсь ответить	6,1	9,2	3,9

*Примечание: $p < 0,01$ ***

Наиболее значимые различия в таблице представлены у поколений «дедов» и «детей» (Критерий Фишера $\phi=4,509$, $p < 0,01$ **). И эти различия могут найти свои объяснения в связи с тем, что самое старшее поколение россиян («деды») сформировалось в советское время, когда патриотизм был государственной идеологией. Сегодня же целесообразней выявлять индивидуалистические и коллективистические аспекты патриотизма. Для прикладного изучения данных аспектов в 2018 г. нами была использована анкета, в которой ряд вопросов касался непосредственно рассматриваемых особенностей

патриотизма в их связи с мотивационными ресурсами личности. В частности, один из них был сформулирован так: «Некоторые ученые говорят, что патриотическая идентичность предполагает сочетание общественных и личных интересов человека. В какой пропорции Вы представляете это сочетание? (выберите один вариант ответа)». Результаты опроса в Иркутской области были подсчитаны не только в целом, но и варьировались в зависимости от возрастных особенностей респондентов. Как уже говорилось, одной из задач данной процедуры было выявить особенности мотивации молодых респондентов разных национальностей на «фоне» старших поколений: «отцы» и «деды» (n=1463) (см. табл. 7)

Таблица 7

Соотношение личных и общественных интересов в патриотической идентичности в оценке представителей разных поколений (%)

№ п/п	Позиции по соотношению общественных и личных интересов в патриотизме	Позиции представителей поколений (n=1463)		
		«Дети»: 17-25 л.	«Отцы»: 36-45 лет	«Деды»: старше 66 л.
1	Приоритет надо отдавать интересам личности	32,6**	30,2**	19,2**
2	Приоритет принадлежит общественным интересам	24,6*	27,5	32,7*
3	Противопоставлять общественное и личное в патриотизме неправильно	36,8	38,9	40,4
4	Другое и затруднились ответить	6,0	3,4	7,7

Примечание: p<0,05; p<0,01***

В первую очередь важно констатировать, что, согласно приведенным данным, в целом наблюдается как бы баланс интересов личности и общества в содержании патриотизма: особого перевеса в сумме позиций 1 и 3, а также 2 и 3 не наблюдается. Это подтверждает, что при отсутствии экстремальных обстоятельств (войны, экономические и политические коллизии) личность проявляет преданность сообществу и идентифицирует себя с ним в зависимости от интеграции тех и других интересов. Экстремальность ситуации, как и некоторые особенности индивидов, могут изменять это соотношение.

Вместе с тем, по таблице в глаза бросается более незначительная поддержка старшим поколением интересов личности в патриотической идентичности в пользу приоритета роли общественных интересов (Критерий Фишера $\varphi=3,325$, $p<0,01^{**}$). Это закономерное следствие формирования у «дедов» в советское время позиции: «Раньше думай о родине, а потом о себе». Именно данная позиция обеспечила, на наш взгляд, приоритет чувства патриотизма у «дедов», показанный в таблице 3.

Не приводя всех результатов, отметим, что в этническом отношении в данном опросе значимыми отличиями выделялся всего лишь один ответ: вариант «противопоставлять общественное и личное в патриотизме неправильно» заметно меньше выбирали буряты и «другие», чем русские респонденты (33,1 и 32,3 против 40,5%). Одновременно стоит отметить, что прослеживается некоторое преобладание «крайних» точек зрения у аборигенов и представителей других национальностей по первым двум вариантам позиций. Возможно, это отголоски позднего периода «советского» воспитания, когда в стране больше стали говорить об учете интересов личности во всех общественных делах. Специфическим, но реальным становился момент, когда представители других национальностей принимали такую позицию несколько быстрее, чем русские.

В первой главе диссертации была охарактеризована бикультурность смешанных индивидов, и её позитивные и негативные последствия. Не трудно было предположить, что двойственность представителей ИРДН будет отражаться более высоким стремлением к познанию других. В прикладном исследовании эффект ИРДН позитивно отразился у молодежи в ответах на вопрос «Знакомы ли вы с особенностями, традициями и обрядами других народов, долгое время проживающих в вашем регионе?»

3.2.3. Повышение самооценки личности и развитие ее межкультурной компетентности как основа реализации модели позитивной этнической идентичности

Одной из не только научных, но и практических задач исследования этнического самосознания и идентичности молодежи Сибири был поиск личностно значимых ресурсов становления позитивной этнической идентичности (ПЭИ). За теоретическую основу формирования позитивной этнической идентичности избрана обоснованная нами «Модель ресурсов этнических самосознания и идентичности личности», которая связана со структурой личности (см. рисунок 2).

Представленная модель необходима, прежде всего, для формулирования конкретных взаимосвязанных личностных параметров, которые должны входить в содержание позитивной этнической идентичности. Не менее важна и задача разработки инструментария, который можно и нужно использовать при диагностике и оценке уровня позитивной этнической идентичности у разных категорий субъектов межэтнического общения.

Формирование позитивной этнической идентичности целесообразно

начинать с выявления конкретных особенностей тех людей, на которых оно направлено в первую очередь. Для нас это - этносы Восточной Сибири и Дальнего Востока, если брать во внимание переход с осени 2018 г. республики Бурятия в ДВФО. Ведь субъектом этнической идентичности, ее «носителем», во всех случаях выступает отдельная личность со всеми своими особенностями. Позитивная этническая идентичность, ориентированная на учет своеобразия человека в житейских, религиозных, социальных действиях и поступках, позволяет найти «ключик» к разным по национальности людям. Различия становятся как бы компасом для корректировки своего поведения и определенного заимствования оригинальных особенностей.

Важно иметь в виду, что у аборигенных народов Сибири и Дальнего Востока имеются не только общие психогенетические особенности, но и наличествуют близкие традиции и ценности в социальных и религиозных сферах. Нарботаны механизмы эффективного общения и у русского населения данных территорий, которые необходимо расширять. Опираясь на нашу теоретическую и эмпирическую базу, постараемся в заключительном параграфе диссертации кратко охарактеризовать некоторые возможности и проблемы данной работы.

Сразу стоит подчеркнуть возрастающую сложность внедрения любой модели в условиях современных информационных технологий и интернета. То, что основным источником информированности людей выступает интернет, сегодня может вызвать только неоднозначную реакцию. С одной стороны, в интернете действительно представлена подробная информация о многих народах, причем информация эта бывает самого высокого качества – можно не выходя из дома узнать природу, флору, фауну данного края, посмотреть фотографии и фильмы, рассказывающие об особенностях быта народа, скачать книги о его истории, обычаях и пр. Но, с другой стороны, ин-

тернет сегодня является и средством распространения националистических взглядов – множество сайтов предоставляют искаженную информацию о людях разных национальностей, преуменьшая их положительные характеристики и преувеличивая любые, часто несвойственные всему этому народу, а присущие только отдельным лицам, негативные проявления. Поэтому сегодня применительно к интернету мы не можем уверенно говорить о его высокой значимости в деле формирования позитивной этнической идентичности, скорее он должен стать инструментом в других руках – людей критичных и ответственных, управляющих процессом формирования и развития этнического самосознания и идентичности у детей и молодежи.

В теоретической части диссертации уже были приведены мысли о том, что невозможно выстроить позитивную идентичность личности, как и настроить её на эффективные контакты с окружающими людьми, если не поднять уровень самоуважения личности. Суммарно должно происходить повышение самооценки малых этнических сообществ, что является одним из самых важных стратегических средств для улучшения межгрупповых отношений.

Корреляционный анализ позволил нам в нашем исследовании доказать наличие прямой корреляционной связи между самооценкой личности и уровнем ее позитивной этнической идентичности (см.табл. 8).

Таблица 8

Определение наличия корреляционной связи между самооценкой и позитивной этнической идентичностью личности

Корреляции				
			Позитивная идентичность	Самооценка
Ро Спирмена	Позитивная идентичность	Коэффициент корреляции	1,000	,136*
		Знач. (двухсторонняя)	.	,036

	N	249	238
Самооценка	Коэффициент корреляции	,136*	1,000
	Знач. (двухсторонняя)	,036	.
	N	238	238

*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Результаты методики Будасси позволили нам в общем плане детализировать проблемные вопросы становления самооценки и её соотнесенности с качествами личности. Проиллюстрируем это на примере обобщенных результатов тестирования респондентов с заниженной самооценкой, поскольку у респондентов с другими уровнями самооценки таких резких «перепадов» не было заметно (см. рис.5).

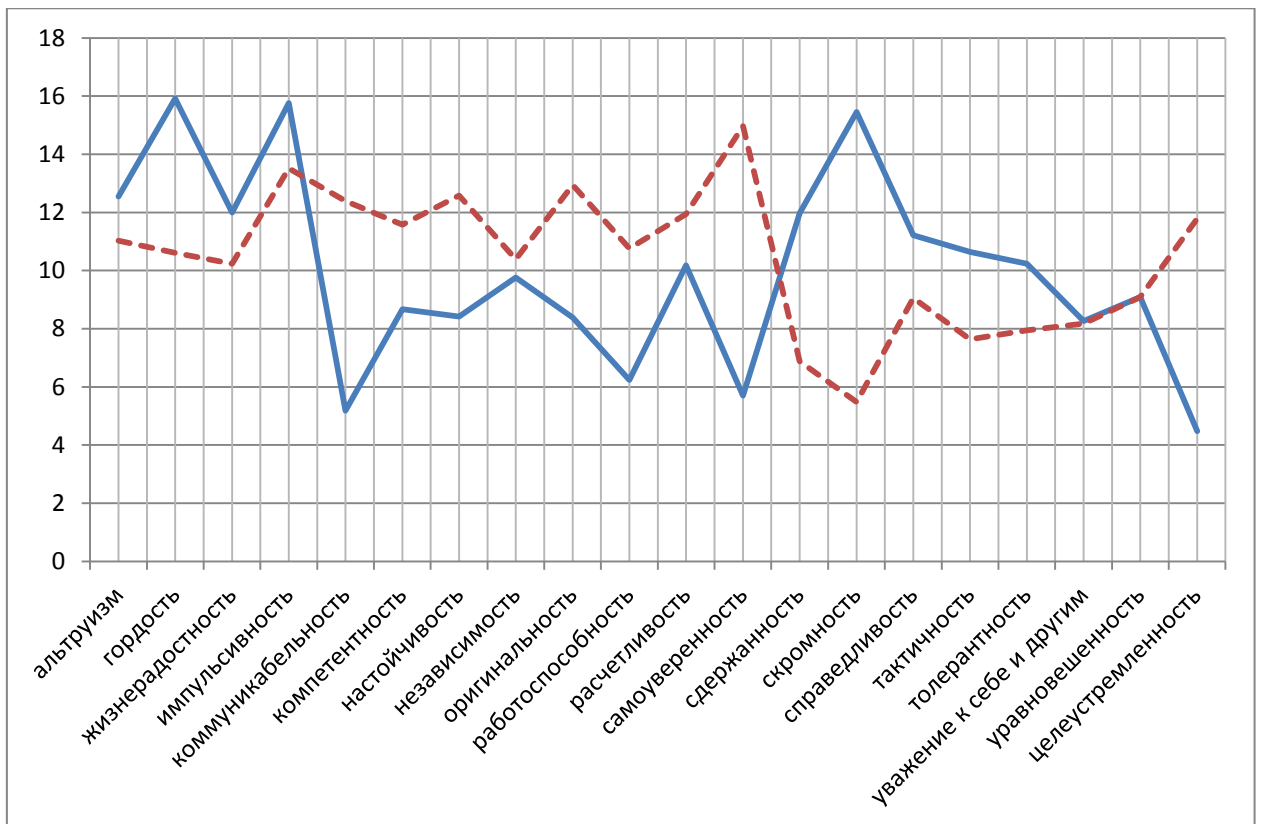


Рисунок 5. Ранжирование личностных качеств респондентами с заниженной самооценкой (сплошная линия – идеальный образ, пунктирная – реальный образ)

На рисунке наглядно видно наличие большого числа расхождений у лиц с заниженной самооценкой между профилем, представленным реальными качествами и идеальным профилем. У респондентов с заниженной самооценкой значительно преобладают по сравнению с идеальным образом такие качества как скромность и сдержанность, и при этом отмечается явный недостаток в сравнении с идеалом самоуверенности, целеустремленности и коммуникабельности. Без представления соответствующего графика надо сказать, что в противовес лицам с заниженной самооценкой, у лиц с завышенным уровнем самооценки данные расхождения минимальны и касаются в первую очередь таких качеств как альтруизм, импульсивность, коммуникабельность, справедливость. Идеальный человек, по мнению респондентов с завышенной самооценкой, должен быть более альтруистичен и коммуникабелен, чем они оценивают себя на текущий момент. При этом у себя в реальности они отмечают более ярко выраженные такие личностные качества как справедливость и импульсивность.

Важно понимать, что заниженная самооценка сказывается не только на самоощущении самого человека, но и на его отношениях с другими людьми. Такой человек менее уверенно чувствует себя в ситуации межличностного общения, часто даже склонен вообще от них отказываться или очень сильно ограничивает свой круг общения. Так, в нашем исследовании, молодые респонденты с низкой самооценкой гораздо чаще на вопрос о степени своей готовности общаться с представителями других народов говорили о том, что у них мало опыта и желания общаться с представителями других национальностей, и что они предпочитают общаться только с представителями своего народа. А ведь именно отсутствие опыта общения и взаимодействия может порождать проблемы в формировании образа представителей других нацио-

нальностей, приводить к формированию негативных стереотипов, когда человек за чистую монету принимает жалобы других на представителя какой-то нации и сам начинает относиться к нему с опаской, перенося конкретный единичный негативный случай, на весь народ. Все это неминуемо приводит к повышению тревожности, напряженности, страхе контактов с другими людьми, что приводит к нарушениям в сфере межэтнического общения.

Значимость представленных на предыдущем рисунке данных и их анализ заметно актуализируется, когда мы сопоставляем индивидуальную самооценку с её аналогами в этнических вариантах. Это можно продемонстрировать на результатах нашего исследования, проведенного в 2016 году среди студентов различных иркутских вузов. В частности, в данном исследовании было выявлено, что половина респондентов с высокой самооценкой «открыто гордятся своей национальностью, и культурой», а значит обладают и довольно высоким уровнем этнической самооценки. При этом среди ребят с низкой самооценкой такие результаты показала только треть из всех опрашиваемых (n=778) (см. таблицу 9).

Таблица 9

Оценка соотношения этнической и личностной самооценок (%)

Вопрос	Ответы	Уровни самооценки респондента (n=778)		
		Высокая	Средняя	Низкая
В какой мере принадлежность к этнической группе соотносится с уровнем ва-	Открыто горжусь своей национальностью и культурой	49,7*	40,6	33,3*
	Гордиться есть чем, но есть немало поводов и для критики	30,1*	36,5	46,7*
	Трудно сказать однозначно	15,0	13,5	13,3
	Больше поводов для негатив-	4,6	5,9	6,7

Вопрос	Ответы	Уровни самооценки респондента (n=778)		
		Высокая	Средняя	Низкая
шего достоинства	ной оценки и самооценки			
	Однозначно приходится ощущать негативную оценку своей национальности	0,7	3,5*	0,0

*Примечание: $p < 0,05$ **

При этом респонденты с низкой самооценкой чаще выражали более критическое отношение к своему этносу, оно выражалось во фразе: «гордиться есть чем, но немало при этом присутствует и поводов для критики». Данные наглядно показывают соотношенность у респондентов уровня собственной самооценки с уровнем национальной гордости.

Если рассматривать отнесенность респондентов по национальному признаку, то стоит отметить, что значительно чаще говорят о гордости за свою национальность и культуру респонденты нерусских национальностей (у нас они представлены категориями: «буряты» и «другие»). Среди русских ребят чаще встречаются ответы - «гордиться есть чем, но есть немало поводов и для критики».

Эти данные, как ни печально, отражают тенденцию последнего времени, когда уровень гордости за свой народ у русских студентов постепенно снижается. В настоящий момент можно с уверенностью говорить, что уровень национального достоинства у бурят выше, чем у русских. И, возможно, поэтому среди русских ребят значительно больше, чем среди представителей бурятской и других национальностей тех, кто имеет среднюю или низкую самооценку.

При анализе ответов респондентов по другим вопросам было выявлено, что более половины респондентов с высокой самооценкой положительно оценивают роль для личности общения с представителями разных культур. При этом среди респондентов с низкой самооценкой подобное мнение встречается в два раза реже. В свою очередь мы понимаем, что человек с высокой самооценкой, самоуважением, тоже не всегда способен адекватно оценить представителей других наций, и может несколько свысока смотреть на них. Но при этом высокое самоуважение и гордость помогают ему быть активным в различных контактах, вступать во взаимоотношения с разными народами, тем самым расширяя его опыт и приводя к формированию более адекватного образа представителей другого этноса, снятию межличностной, межэтнической тревожности, повышению готовности к подобным контактам.

Самооценка естественно не может не отразиться на стремлении искать возможности сотрудничества с представителями других национальностей. На вопрос о связи самооценки и характера этнических контактов мы получили следующие ответы (см. табл.10).

Таблица 10

**Соотношение уровня самооценки респондентов и характера их
включенности в межэтнические отношения**

Вопрос	Ответы	Самооценка		
		Высо- кая	Сред- няя	Низ- кая
Как Вы относитесь к возможности общения с представителями других	Положительно, у меня много друзей, знакомых других национальностей	52,3**	45,9	26,7**
	Я не против таких контактов, но мне сложно общаться с людьми других национальностей	24,2	26,5	26,7

культур	У меня мало опыта и нет желания общаться с представителями других национальностей	11,8*	14,7	20,0*
	Предпочитаю общаться с людьми своей национальности и культуры	8,5	11,2	13,3

Примечание: $p < 0,05^$; $p < 0,01^{**}$*

Стоит отметить, что у лиц с высокой самооценкой сфера контактов намного шире, чем у респондентов с низкой самооценкой. К тому же она включает в себя и представителей других национальностей. В то же время среди лиц с низкой самооценкой гораздо больше тех, что говорят об отсутствии опыта и желания общаться с представителями других национальностей, а то и вообще подчеркивают в своих ответах, что предпочитают общаться только с лицами своей национальности. Это еще раз доказывает влияние уровня самооценки личности на готовность человека к разного рода социальным контактам.

Можно дополнительно привести полученные в наших исследованиях данные. Среди респондентов, хорошо знакомых с традициями, обрядами других народов своего региона в качестве источников информации в ответах также указываются российская пресса, мнение родственников и друзей, и научные книги. По степени распространенности они довольно близки друг к другу. Полученные данные показывают важность и значимость влияния непосредственного общения на обмен информацией и формирование мировоззрения молодежи.

Молодые люди, которые признались, что совсем не знают традиции, обычаи других народов, долгое время проживающих в их регионе, упор делают на средства массовой информации (местные газеты, интернет, россий-

ские газеты) и уже потом на мнение родственников. Причем доля первого из перечисленных источников у них значительно преобладает над другими вариантами (практически в три раза). Что еще раз подчеркивает значимость и степень влияния современных средств массовой информации на процесс формирования отношения к другим нациям и народностям.

Из молодежи, которой интересна информация, раскрывающая этнические особенности, традиции, обычаи людей других национальностей и заметивших, что они всегда стремятся к такой информации, в качестве источников этой информации чаще всего звучат художественная литература, научные книги и российские газеты. Среди респондентов, которым такая информация не интересна, на первых местах в качестве источников указаны российские и местные газеты, российское ТВ. По сравнению с первой категорией, научные книги и родственников как источники информации, они поставили на последнее место.

Во-вторых, в нашем исследовании данный вопрос выяснялся на примере взаимозависимости уровня самооценки респондента и мотивов его межэтнического общения. При анализе ответов для задач нашей диссертационной работы важны два принципиальных момента. Во-первых, у лиц с низкой самооценкой заметно меньше выражен активный практический аспект контактов: варианты ответов по мотивам: «Жизненные обстоятельства, необходимость общения в процессе учебы, работы и т.д.» (53% против 64% у других категорий) и «Необходимость в связи с профессиональными обязанностями» (13,3% против более чем 20% у других категорий). В то же время стремление к умозрительным, пассивным формам взаимодействия (варианты ответов по мотивам «Интерес к людям иных взглядов и позиций», «Знакомство через таких людей с другой культурой», «Возможность заимствовать новые умения

и навыки») у них выражено сильнее, чем у опрошенных с другими уровнями самооценок.

Во-вторых, лица с низкой самооценкой как бы сторонятся форм проявления своей конкурентоспособности и активной помощи людям других национальностей. Ни один (!) из опрошенных с низкой самооценкой не указал на такие варианты ответов, как «Возможность посоревноваться в разных деятельности» и «Возможность проявить свои гуманистические качества, помогая людям других национальностей». Закономерно и то, что такие люди гораздо реже проявляют стремление раскрыть перед новыми людьми свои потенциалы. Таким образом, низкая самооценка становится значимым барьером для реального межэтнического общения, и в таких случаях достаточно сложно формировать позитивные стороны своего национального самосознания и этнической идентичности. «Действие» низкой самооценки связано с неверием человека в себя и боязнью контактов с другими. На самом деле взаимоотношения на равных, в которых человек может выразить себя, раскрыться, проявить свои уникальные внутренние потенциалы, наконец, если нужно, показать другим или самому надеяться на сочувствие, сопереживание – это глубинная потребность каждого человека. Без паритета, без согласия нет сотрудничества, нет истинного общения, они возникают лишь при признании достоинства, уникальности другого (других), особенно, если последние отличаются по своему цвету кожи, менталитету, верованиям и т.п.

Респонденты, имеющие родственников другой национальности, отмечают свой более высокий уровень знаний в этом вопросе (ответы «знаком хорошо» или «в целом неплохо») в сумме 41,6% против 28,2% у тех, кто не имеет таких родственников. Тех, кто совершенно незнаком с особенностями «других» было 8,9% среди «моноэтнических» и 4,8% среди «биэтнических». Важным оказалось и то, что имеющие родственников других национально-

стей, несколько чаще обсуждают в кругу сверстников и знакомых информацию о традициях, особенностях, интересных обрядах представителей других национальностей. Определяя источники подобной информации о других народах, такие респонденты единодушно отдают первенство рассказам родных и близких.

Интересными для нашего исследования оказались ответы представителей «моно-» и «биэтнической» идентичности на вопрос о факторах, препятствующих эффективному межэтническому общению (см. рис.6).

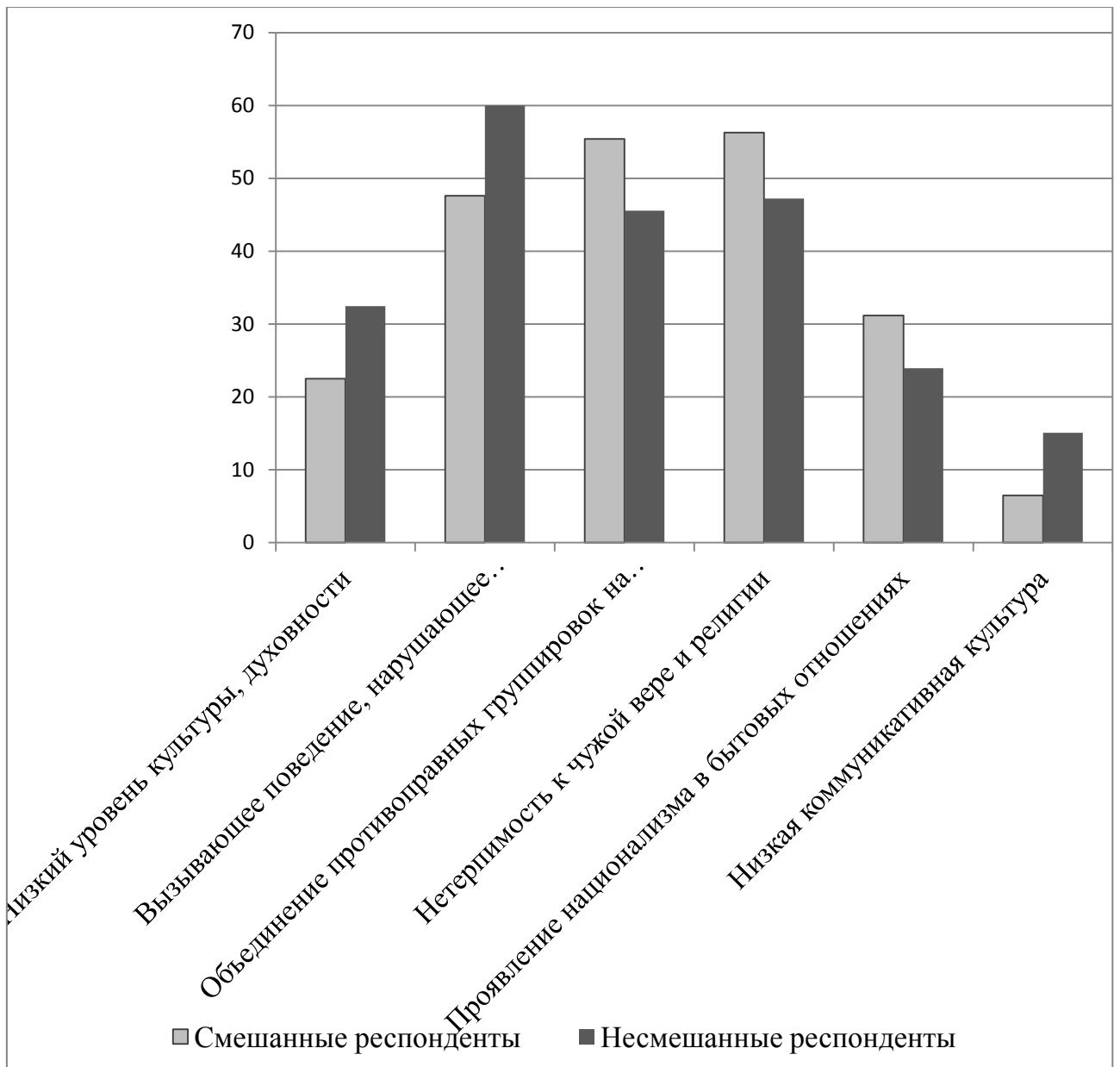


Рисунок 6. Диаграмма оценок индивидами из смешанных и несмешанных семей факторов, препятствующих эффективному межкультурному взаимодействию.

Стоит обратить внимание на тот момент, что респонденты из «смешанных» семей в первую очередь отмечают влияние нетерпимости к чужой вере и религии, в то время как респонденты из «несмешанных» семей большее негативное влияние признают за вызывающим поведением, нарушающим общественные нормы, а так же за низкой коммуникативной культурой собеседника.

Судя по нашим данным, респонденты, не имеющие близких родственников другой национальности, по сравнению с лицами, имеющими таких родственников, больший акцент делают на внешние проявления, такие как агрессивность, вызывающее поведение, низкая коммуникативная культура партнера по общению. Респонденты из смешанных семей акцентируют внимание на тех аспектах, которые больше касаются внутренних, побудительных факторов: нетерпимость к чужой вере и религии, объединение в противоправные группировки на национальной почве, проявление национализма в бытовых отношениях. Это именно те аспекты, которые непосредственно связаны с формированием межэтнических установок в детском возрасте, о чем мы говорили в теоретической части работы.

У американских психологов существует такой вид деятельности, как межкультурное консультирование, которое основывается на признании культуроспецифичных характеристик, которые объединяют профессионалов такого рода. Специалистов по межкультурному консультированию подвергают серьезнейшей аттестации на основе конкретных критериев. Члены Комитета по обучению и тренингу 17 отделения (Консультирование) Американской психологической ассоциации разработали меморандум о компетентности в

области межкультурного консультирования, выделив три вида компетентности, придающих значение сознанию, знанию и умению. Данная концепция нам импонирует по меньшей мере по трём причинам. Во-первых, приоритетное для концепции понятие сознание можно уверенно соотнести с понятием этническое самосознание, поскольку последнее в своем содержании не может не обращаться к конкретным реалиям культуроспецифичных характеристик. Во-вторых, аналогичная деятельность в российской практике только начинается, отсюда элементы подражания или даже заимствования вполне приемлемы. В-третьих, составляющие всех трех видов компетенций вполне могут использоваться для корректировки содержания параметров нашей модели ресурсов национального самосознания и позитивной этнической идентичности. В связи с этим обратимся непосредственно к слагаемым межкультурного консультирования, которые явно ориентированы на особенности личности. Компетентность, предполагающая сознание, требует от консультанта:

a) сознавать свое собственное культурное наследие, ценя и уважая культурные различия между людьми;

b) сознавать, как свои собственные культурные ценности могут влиять на клиентов из других культур;

c) сознавать и спокойно признавать расовые и мировоззренческие различия между клиентами и консультантом;

d) знать и сознавать, когда клиента, принадлежащего к определенному меньшинству, следует направить к другим специалистам.

Четыре компонента компетентности, связанных со знанием, требуют от консультанта:

a) хорошего понимания социально-политических сил, влияющих на отношения между культурами меньшинства и большинства;

- b) конкретных знаний о культуре клиента;
- c) полных и ясных знаний общей теории и традиционной практики консультирования;
- d) осведомленности об экономико-правовых барьерах, мешающих членам меньшинств пользоваться услугами, предоставляемыми в сфере психического здоровья.

Наконец, три вида умений, входящих в структуру компетентности в области мультикультурного консультирования, предполагают, что:

- a) все квалифицированные консультанты должны владеть широким (соответствующим уровню мастерства) арсеналом вербальных и невербальных способов реагирования, адекватных конкретному культурному контексту;
- b) консультанты должны уметь точно и вовремя посылать и принимать вербальные и невербальные сообщения в различных культурных контекстах;
- c) консультанты должны уметь вести защиту или (в случае необходимости) добиваться изменения системы или института, действуя от имени своих клиентов, принадлежащих к иной культуре (118, с.423-424).

Формирование позитивной этнической идентичности личности, как оптимального уровня национального самосознания отличается сложностью не только в плане содержания, но и в подготовке технологий ее реального воплощения. Комплекс мероприятий по ее развитию и формированию может включать в себя следующие действия:

- Использование краеведческого и этнопсихологического материала в процессе преподавания на уроках в школе (прежде всего на уроках иностранного языка, истории, географии, литературы и др.); включение информации по этнопсихологии в содержание учебных дисциплин в качестве дополнительного материала, а также соответствующих примеров и иллюстра-

ций в виде заданий для самостоятельной работы.

- Проведение факультативов «Уроки эффективного межэтнического общения» и уроков развития коммуникативных ресурсов личности по следующим темам:

- История развития культур и этносов данного региона,
- Этнические особенности общения,
- Этнические конфликты, их виды и причины,
- Стили поведения в конфликтной ситуации,
- Этническая толерантность/интолерантность в межэтническом общении и др.

- Проведение олимпиад для учащейся молодежи. Цель олимпиад – привлечь внимание школьников к проблемам психологии общения, к применению психологических знаний в разных сферах жизнедеятельности и т.д.

- Проведение деловых игр, тренингов, ориентированных на становление позитивной этнической идентичности личности, на повышение уровня личностной самооценки, разработка спецкурсов по развитию ресурсов межкультурной коммуникации для разных уровней и ступеней образования (учащихся и студенческой молодежи).

- Использование системы вне учебной деятельности в формировании личностных ролевых и творческих ресурсов, способствующих формированию позитивного образа себя и своего этноса (такие формы как спорт, искусство, музыка, фольклор).

- Создание общественных организаций с целью развития позитивной этнической идентичности. Например, создание землячеств для семей мигрантов, которые могут помочь как в сохранении идентификации со своей родной культурой, так и в процессе идентификации себя с нормами культуры принимающей стороны.

Уже сейчас, с целью оптимизации показателей национального самосознания и позитивной этнической идентичности, необходимо активно внедрять мультикультурный подход в образовательный процесс. Современным старшеклассникам и студенческой молодежи уже недостаточно той информации, которую они получают о своем этносе и традициях других народов на отдельных занятиях. Необходим комплексный подход, в частности, необходимы занятия, на которых этнографический материал будет дополняться этнопсихологическим, этнопедагогическим, этнополитическим и даже этноэкономическим. Следует повышать уровень этнической грамотности и школьников, и их родителей, и учителей, обучать их навыкам межэтнического общения. Осуществление межкультурного обучения позволит не только предотвратить конфликты на межнациональной почве, но и создать потенциальную базу для проявления толерантности и гостеприимства, подготовить молодёжь к эффективному межкультурному общению, в том числе и с представителями ближнего и дальнего зарубежья.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Проведенное исследование подтвердило результаты теоретического анализа в том, что основными факторами специфики межэтнического общения личности на примере этнических сообществ выступают уровень идентичности личности с этническими сообществами, характер соотнесенности индивидуальных и общественных интересов, самобытность групп и/или этническая смешанность её представителей, уровень самооценки личности, коммуникативная компетентность взаимодействующих лиц. Особое значение необходимо придавать уровню идентичности личности с сообществами, поскольку это определяет качество любого этнопсихологического контакта.

Если сравнивать результаты у представителей моно- и биэтнической идентичности, то можно отметить определенное превалирование у смешанных по сравнению с несмешанными, этнической индифферентности. Данная ситуация вполне объяснима. Для смешанных, в силу смешения в них «результатов» воздействия двух и/или более культур вполне может быть характерно размывание этнической идентичности, которое может выражаться в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности. Смешанные уже в силу своей культурной и, отчасти, генетической интеграции меньше ориентированы на ценность самобытности земли, на которой живут, поскольку более высокое развитие «всечеловеческой индивидуальности» повышает у них значение глобалистической ориентации. Возможно, это будет способствовать тому, что данные испытуемые склонны проявлять толерантное отношение по отношению к иноэтническому окружению.

В теоретической части работы было подчеркнуто, что в самооценке малых народов могут действовать, как минимум, две тенденции: опора на реальные успехи ориентации на уникальность этноса и его сохранение. Иссле-

дую отношение субъектов с позитивной этнической идентичностью к первичным этническим сообществам и стране в целом, удалось выявить ряд проблем, связанных с сибирскими аборигенами:

- респонденты из числа некоторых аборигенных этносов показали не только более высокий уровень идентификации с предками и родной землей, но и продемонстрировали связь проживания на ней со своим позитивным психологическим состоянием;

- оценка значимости своего народа, восприятие его успехов, неудач, связь собственного достоинства со своим этносом у таких респондентов зачастую сильнее и эмоциональнее, чем у представителей русского народа и «других» национальностей;

- представители аборигенных этнических групп ставят интересы своего народа в число более приоритетных, чем общероссийские интересы, болезненнее воспринимают обвинения и негативные оценки в его адрес.

Обращение к уровням патриотических ориентаций продемонстрировало специфические результаты по национальным выборкам. Так, в бурятских выборках: и городские, и, особенно, сельские буряты – оценивают свой патриотизм по отношению к малой родине заметно выше, чем русские и представители других национальностей. Учитывая, что их предки проживали в Восточной Сибири с давних времён, этот нюанс вполне объясним. У русских респондентов (особенно из сёл) заметно выше патриотизм по отношению к стране в целом. Проблемной также является соответствующая оценка со стороны представителей других национальностей, но, учитывая то, что в большинстве – это представители мигрантов, ситуация вполне объяснима: у них выше оценки девиза «где хорошо, там и Родина».

Удалось подтвердить предположения из теоретической части работы о том, что потенциалы анализа направленности личности на патриотические

установки среди прочих могут варьировать в пределах альтернативы «индивидуальные интересы – общественные интересы». Приоритет («перевес») какой-то направленности определяет особенности идентификации личности с группой и, в какой-то мере специфику патриотизма человека. Так, в исследовании выявлена более незначительная поддержка старшим поколением интересов личности в пользу поддержки роли общественных интересов. Это закономерное следствие формирования у «дедов» в советское время позиции: «Раньше думай о родине, а потом о себе».

Выявлено, что половина опрошенных с высокой самооценкой, открыто гордится своей национальностью и культурой, что весьма существенно для этнической идентичности. При этом среди молодых людей с низкой самооценкой таких только треть. Результаты исследования показали нюансы связи самооценки и уровня этнической идентичности. В частности, обнаружена некоторая соотнесенность успехов страны с самооценкой и национальным достоинством только у русских респондентов и их почти равнозначное соотношение у представителей «других» неаборигенных национальностей (чаще украинцы, белорусы, евреи). В аборигенных этнических группах молодежи национальное самоуважение и эмоциональное состояние отдельных представителей связано в первую очередь с успехами своего народа. Данное обстоятельство вполне естественно, если только не становится стимулом для формирования у личности этнической гиперидентичности, представлений о собственной национальной исключительности.

Важным является обстоятельство, что у лиц с высокой самооценкой сфера контактов намного шире, чем у респондентов с низкой самооценкой. К тому же она включает в себя не только представителей своей, но и представителей другой национальности. В то же время среди лиц с низкой самооценкой гораздо больше тех, что говорят об отсутствии опыта и желания об-

щаться с другими этносами, а то и вообще подчеркивают в своих ответах, что предпочитают общаться и взаимодействовать только с лицами своей национальности. В анализе ответов респондентов по другим вопросам было выявлено, что более половины респондентов с высокой самооценкой положительно относятся к возможности общения с представителями разных культур. При этом среди респондентов с низкой самооценкой, стремящихся к межнациональным связям в два раза меньше. В то же время примерно в два раза чаще студенты с низкой самооценкой отмечают, что у них мало опыта и желания общаться с представителями других национальностей.

Исследование на конкретных примерах показало особенности этнической идентичности индивидов из «смешанных» и «несмешанных» семей. Так, среди факторов, препятствующих продуктивному межэтническому общению респонденты и имеющие, и не имеющие родственников других национальностей выделили качества, которые мешают не только межэтническому общению, но и вообще любому контакту с другими людьми – грубость и агрессивность на первом месте, и национальное высокомерие, и чванство – на втором. Респонденты, не имеющие близких родственников другой национальности по сравнению с имеющими таких родственников, больший акцент делают на внешние проявления, такие как вызывающее поведение, низкая коммуникативная культура партнера по общению. В отличие от них, молодые люди из смешанных семей акцентируют внимание на тех аспектах, которые больше касаются внутренних, побудительных факторов общения и взаимодействия: нетерпимость к чужой вере и религии, объединение в противоправные группировки на национальной почве, проявление национализма в бытовых отношениях. Интересным фактом надо признать то, что молодые респонденты, имеющие родственников других национальностей чаще, чем не имеющие таковых, черпают информацию об особенностях, культуре разных

народов в непосредственном общении со своими ближайшими родственниками, прежде всего родителями, дедушками и бабушками.

Проделанный во второй главе анализ показал, что патриотические ориентации, адекватно-высокий уровень самооценки и ресурсы межкультурной компетентности личности можно рассматривать в качестве основы реализации модели национального самосознания и позитивной этнической идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные ориентиры диссертационного исследования были изложены в задачах и гипотезах работы, и можно говорить об их адекватном достижении посредством теоретического и эмпирического анализа. В диссертации удалось охарактеризовать особенности и изоморфные ресурсы личности и сообществ как основу позитивной этнической идентичности, рассмотреть варианты и уровни идентичности личности с этнокультурными и региональными сообществами, проанализировать основные особенности этнической идентичности личности на примерах самобытности, смешанности и взаимовлияния этнической группы и личности.

Идентификация выступает способом осознания и классифицирования сходств и различий между двумя взаимодействующими системами, и в этом смысле выступает как результат межэтнических контактов. При взаимодействии с социумом любого уровня личность не может обойтись без таких «операций», и результатом классификации выступает определенный уровень ее идентичности с конкретным сообществом. Уровневый характер идентичности показан в диссертации на примерах идентификации личности со страной, малой родиной, этнической группой и т. п. Уровни идентификации с территориальными, региональными и, порою, локальными сообществами во многих случаях связаны с феноменами «приверженности», «преданности» и «патриотизма», в которых пропорционально сочетаются интересы личностей и сообществ. Особый вид идентичности свойственен людям, живущим по принципу «Где хорошо, там и родина». Ценностный центр этнической идентичности у них смещен на меркантильные интересы.

В диссертационном исследовании обоснована ресурсная модель национального самосознания и позитивной этнической идентичности, которая вы-

строена на основе изоморфных параметров личности и этноса, и отчасти, семьи, и подкорректирована с учетом проведенных исследований. В работе обозначены и частично описаны следующие группы ресурсов личности и общества: природные (биопсихические), ценностно-ориентационные, исполнительские и творческие, рефлексивные, коммуникативные. Зависимость проявления ресурсов от генетических и средовых факторов, «рельефней» удалось показать не столько на моноэтническом фоне, сколько на примере смешанных индивидов. Логику разработанной модели составляют взаимопроникающие и взаимодополняющие характеристики:

- генетическая память этноса – генетические потенциалы семьи – наследственные ресурсы личности;
- менталитет этноса – мировоззренческие установки семьи – направленность личности;
- деятельностная структура этноса – ролевая структура семьи – роли личности и ее способности для реализации закрепленных функций;
- оценочные авто- и гетеростереотипы этноса – гордость семейной династией и родословной – самооценка и национальное достоинство личности;
- вербальные и невербальные средства общения в этносе – речевые особенности общения в семье – коммуникативные ресурсы личности.

Каждый из названных параметров оказывает, хотя и увязанное с другими, но специфическое влияние на процессы этнической идентификации, и их особенности необходимо хорошо понимать.

Специфической проблемой в формировании позитивной этнической идентичности в поликультурном обществе выступает самобытность групп и/или этническая смешанность её представителей. Причем смешанность, как особая детерминанта этнической идентичности и её последствий, может вес-

ти как к утрате идентичности (маргинализм), так и к появлению её новых специфичных видов.

Особую роль и в модели позитивной этнической идентичности, и в возникающих по её логике отношениях, имеет самооценка. Результаты исследования приводят к обобщению, что адекватно высокая самооценка в своих функциях «диагноста» продвижения к позитивной этнической идентичности, «определителя достоинства» и эффективности обратной связи в межэтнических контактах проявляется следующими своими ресурсами:

- чувство естественного равенства с представителями разных национальностей;
- неприятие доказательств проповедников концепций национального превосходства и радикального этноцентризма;
- отсутствие заносчивости и кичливости по отношению к другим;
- принятие достоинства людей независимо от их этнической, конфессиональной и социальной принадлежности;
- стремление поднимать уровень самооценки «чужих», если в этом ощущается необходимость;
- внимание в повседневных контактах к тем нюансам, которые затрагивают или могут затронуть собеседников и оппонентов других национальностей и т.д.

В многонациональной стране чрезвычайно важным является формирование личности, способной к активной и эффективной жизнедеятельности в полиэтнической среде, обладающей развитым чувством понимания и уважения других культур, умением жить в мире и согласии с людьми разных национальностей, рас, верований. Как показало диссертационное исследование, реализация данной цели предполагает, как минимум, решение следующих задач:

- овладение молодежью культурой своего собственного народа;
- формирование представлений о многообразии и непреходящей ценности специфики национальных культур в России и мире;
- воспитание позитивного отношения к культурным различиям;
- создание предпосылок для интеграции молодежи в поликультурную среду;
- овладение иноязычной функциональной грамотностью;
- развитие умений и навыков продуктивного общения с носителями других культур;
- воспитание молодежи в духе взаимоуважения, терпимости, гуманного межнационального общения.

Формирование позитивной этнической идентичности целесообразно начинать именно с выявления конкретных особенностей тех людей, на межнациональное сотрудничество с которыми личность ориентирована в первую очередь. Правильное (адекватное) отражение структуры этнорегиональных ценностей позволяет избирать наиболее оптимальные инструменты позитивного влияния на разные категории молодежи. Но при этом в анализе приоритет должен отдаваться личностному аспекту. Ведь субъектом ПЭИ, ее носителем, во всех случаях выступает отдельная личность со всеми своими особенностями.

Автор диссертации в тексте предлагает некоторые процедуры и методы, с одной стороны, способствующие выявлению у респондентов собственной позитивной национальной идентичности, а, с другой – обеспечивающих оптимизацию их межэтнических контактов. Любое исследование психологии личности должно иметь своей целью поиск и нахождение тех резервов и ресурсов, которые помогут становлению их позитивной этнической идентичности, позволят лучше понимать себя и других, развивать этническую толеран-

рантность, преодолевать ксенофобию и этноцентризм. Вместе с тем эмпирические данные, полученные автором работы, выступают, прежде всего, в качестве примера, а не догмы. Это обусловлено тем, что при изучении представителей разных национальностей в России неизбежны многочисленность вариантов взаимосвязи национального самосознания и этнической идентичности, поскольку всякий раз будут затрагиваться и самобытность конкретных народов, и специфические варианты их смешанности, и своеобразие их контактов в многонациональных сообществах.

Конкретная представленность вариантов позитивной этнической идентичности в разных регионах требует, наряду с общими, и конкретных мер воздействия, особенно на молодежь, для формирования у нее патриотизма и навыков межнационального согласия. В этой связи научно-практическими ориентирами дальнейших исследований могут выступить:

- анализ своеобразия поведения и привычек людей конкретных национальностей при управлении различными этническими сообществами и объединениями;
- привитие подрастающему поколению разных народов лучших этнических традиций, навыков и умений эффективной ресурсо- и природосберегающей деятельности;
- устранение или хотя бы нейтрализация психологических причин и факторов, способствующих возникновению ксенофобии, межэтнической агрессии и внедрение идей альтруизма, этнической и конфессиональной терпимости;
- обеспечение эффективности межэтнических контактов: как между этническими группами в целом, так и между их отдельными представителями, что весьма актуально в условиях интеграции мирового сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акерлоф Д., Крэнтон Р. Экономика идентичности. – М.: Карьера Пресс, 2011. – 224 с.
2. Ананьев Б.Г. Личность, субъект деятельности, индивидуальность. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. - 134 с.
3. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: МГУ, 2009. – 376 с.
4. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 517 с.
5. Асмолов А.Г. Интервью о будущем психологии. // Электронный журнал ИП РАН СЭП. – 2018. – Т. 3., № 1 (9). – С. 148 – 170.
6. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека [Текст] / А.Г. Асмолов. — М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2010. – 448 с.
7. Баксанский О.Е., Лавринова Д.Г. Этнокультурная идентичность в условиях глобализации. // Феномен глобализации в контексте диалога культур. – М.: «Канон+», 2010. – С. 47-75.
8. Балибар Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности [Текст] / Э. Балибар, И. Валлерстайн. Пер с фр. под ред. О. Никифорова и П. Хицкого. — М.: Логос — Альтера; Esse Homo, 2003. – 288 с.
9. Баронин А.С. Этническая психология. - Киев: Таедем, 2000. - 264 с.
10. Барретт М. Развитие национальной идентичности: концептуальный анализ и некоторые итоги Западноевропейского исследования. // Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. - М.: Ин-т психологии РАН, 2001. - С. 16–58.
11. Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г. Этническая социализация подростка. - М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж, 2000. – 208 с.
12. Белицкая Г.Э. Социальная компетентность личности. // Субъект и социальная компетентность личности. Под ред. А.В. Брушлинского. - М.: Ин-т Психологии РАН, 1995. – С. 24-109.

13. Бергсон А. Два источника морали и религии. – М.: Канон, 1994. – 384 с.
14. Берри Дж. и др. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. [Текст] / Дж. Берри, А.Х. Пуртинга, М.Х. Сигал, П.Р. Дасен. — Харьков: Гуманитарный центр, 2007. – 560 с.
15. Берри Дж. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы [Электронный ресурс] / Дж. Берри; пер. с англ. И. Шолохова // Развитие личности. — 2002. — № 1. — URL: <http://rlonline.ru>.
16. Бехтерев В.М. Проблемы развития и воспитания человека. – М.: МПСИ, 2010. – 416 с.
17. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. - М.: Наука, 1973. – 271 с.
18. Богомолова М.И. Межнациональное воспитание детей. / М.И.Богомолова, Л.М.Захарова. – М.: ФЛИНТА: НОУ ВПО «МПСИ», 2011. – 176 с.
19. Бодалев А. А. О коммуникативном ядре личности. // Советская Педагогика. - 1990. - № 5. – С.77-81.
20. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. - М.: Просвещение, 1995. - 352 с.
21. Бороноев О.А., Павленко В.И. Этническая психология. – СПб.: изд-во СПбГУ, 1994. - 168 с.
22. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. - М.: Наука, 1983. - 412 с.
23. Бурдьё П. Формы капитала. // Классика новой экономической социологии [Текст]. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 381 с.
24. Вааль де Ф. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015. – 376 с.
25. Вебер М. Наука как призвание и профессия. // Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Политиздат, 1991. – С.130-153.
26. Верт Л. Экономическая психология. Теоретические основы и практическое применение. – Х.: Гуманитарный центр, 2013. – 432 с.

27. Вундт В. Задачи и методы психологии народов. // Социальная психология. Хрестоматия. / сост.Белинская Е., Тихомандрицкая О. - М: Аспект Пресс, 2003.— С.37-42.
28. Вундт В. Проблемы психологии народов [Текст] / В. Вундт. – Москва: Академический Проект, 2011. – 136 с.
29. Выготский Л.С. Психология. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1008 с.
30. Вяткин Б.А, Хотинец В.Ю. Интегральная индивидуальность и этнические особенности человека. / Б. А. Вяткин, В. Ю. Хотинец; Перм. гос. пед. ун-т, Перм. отд-ние РПО. – Пермь, 1997. - 60 с.
31. Гапанович-Кайдалова Е.В. Исследование межкультурной компетентности слушателей ИПК и ПК психолого-педагогических специальностей. / Е. В. Гапанович-Кайдалова. - С.166-170.
32. Дагбаева С.Б. Психология этнической толерантности. - М.: Буки ве-ди, 2013. – 192 с.
33. Дагбаева С.Б. Этническая социализация личности: психологические эффекты и закономерности / Психология в экономике и управлении. – 2015. - №2, Том 7. – С.121-129.
34. Димаджио П. Дж., Пауэлл У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях. // Классика новой экономической социологии [Текст]. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 164 – 191.
35. Дойдж Н. Пластичность мозга. – М.: Издательство «Э», 2018. – 544 с.
36. Дробижева Д.М. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России [Электронный ресурс] / Л.М. Дробижева, С.В. Рыжова // Политические исследования. — 2015. — № 5. — С. 9-24. - URL: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2015.05.03>
37. Дружинин В.Н. Психология семьи. – СПб.: Питер, 2006. - 176 с.

38. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
39. Ермаков В.А. Этнопсихология. / В.А. Ермаков. — М.: Евразийский открытый институт, 2011. — 392 с. — URL: <http://www.iprbookshop.ru/11139>
40. Жмуров В.А. Большой толковый словарь терминов психиатрии. – Элиста: «Джангар», 2010. – 864 с.
41. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Патриотизм как объект изучения психологической науки. // Психологический журнал, 2016. - Т. 37, № 3. - С. 88–98.
42. Журавлев А.Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии. // Теория и методология психологии: Поснеклассическая перспектива. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. - С. 15-32.
43. Залевский Г.В. и др. Гендерные особенности этнических стереотипов студенческой молодежи. // Сибирский психологический журнал. – 2005. - № 21. – С. 65-70.
44. Залевский Г.В. Избранные труды. Том 1- 6. – Томск: ТГУ, 2013.
45. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения на уровне индивидуальных и групповых систем. // Залевский Г.В. Избранные труды. – Том 2. - 326 с.
46. Залевский Г.В. Целостно-ценностная парадигма и биопсихосоциально-нэтическая модель природы человека и его здоровья в контексте позитивной антропологической психологии. // Сибирский психологический журнал. - № 58, 2015. – С.100-107.
47. Измененные состояния сознания и культура: Хрестоматия / Автор-составитель О.В.Гордеева. – СПб.: Питер, 2009. – 336 с.
48. Ильин И.А. Что сулит миру расчленение России. - М.: «Пересвет», 1992. – 63 с.
49. Кабрин В.И. Антропоцентрическая или нэтическая эмерджентия сознания 3.0. // Сибирский психолог. журнал. – 2013. - № 50. - С.17-37.

50. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 653 с.

51. Карнышев А.Д. Изоморфизм и эмерджентность как феномены нейрофизиологии и организационной психологии. // Организационная психология. - Том 5, № 3, 2015. - С.26-48.

52. Карнышев А.Д. Молодежь азиатской России: особенности гражданской и этнической психологии. Монография. / А.Д. Карнышев, О.А. Карнышева, Е.А.Иванова. – Иркутск: Изд-во ИГУ. - 2016. - 400 с.

53. Карнышев А.Д., Винокуров М. А. Этнокультурные традиции и инновации в экономической психологии. - М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2010. - 480 с.

54. Карнышев А.Д., Винокуров М.А., Трофимова Е.Л. Межэтническое взаимодействие и межкультурная компетентность. - Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – 310 с.

55. Карнышев А.Д., Иванова Е.А., Карнышева О.А. Образование как путь к межнациональному согласию. // Социология образования, 2014. - № 9. – С.38-56

56. Карнышев А.Д., Иванова Е.А., Карнышева О.А. Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологический экскурс. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – 480 с.

57. Карнышев А.Д., Карнышева О.А. Психогенетические истоки изоморфных ресурсов личности и социума и особенности их проявления в разных этнокультурных установках. // Сибирский психологический журнал. - 2017.- № 63. – с.61-74.

58. Карнышева О.А. Влияние семьи и ее особенностей на подготовку детей к эффективному межэтническому взаимодействию. // Сибирский психологический журнал, 2012. - № 46. – С. 93-98.

59. Карнышева О. А. Особенности этнической идентичности у представителей из этнически смешанных и несмешанных семей. / Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной

идентичности и позитивного образа «малой родины». - Иркутск: Изд-во ИГУ. - 2019. – С.182-191.

60. Карнышева О.А. Этническая смешанность-несмешанность семей как фактор межнационального согласия и патриотизма. // Вестник КемГУ. – Кемерово. - № 3 (63), Т.3 - 2015. – С.143-148.

61. Карнышева О.А. Этнокультурные и психологические особенности смешанности // Комплексные исследования человека: Психология: Материалы VII Сибирского психологического форума. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. – Ч.1. - С.97-101

62. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Инновационный потенциал личности: системно-антропологический контекст. // Вестник ТГУ. – Выпуск 325, 2009. – Электронный ресурс: [htt: // cyberleninka.ru/ article/n](http://cyberleninka.ru/article/n).- С.1-7.

63. Ключко В.Е. Развитие одаренности в разных социокультурных и образовательных средах: проблема организации кросс-культурного исследования. // Сибирский психологический журнал. – № 50, 2013. – С.100-110.

64. Ключко В.Е., Лукьянов О.В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // Вестник Томского государственного университета. – 2009. - № 324. – С.333-337.

65. Ключко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза [Текст] / В.Е. Ключко // Сибирский психологический журнал. — 1998. — Выпуск № 8—9. — С. 7—15.

66. Козлов В.И. О понятии этнической общности // Советская этнография. – 1967. – №2. – С. 109-111.

67. Кондаков И. М. Психология. Иллюстрированный словарь. / И. М. Кондаков. - СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 783 с.

68. Кордуэлл М. Психология А-Я. Словарь-справочник. / Пер. с англ. К. С. Ткаченко. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. - 448 с.

69. Корчуганова И.П. Профессиональное развитие и поддержка педагогов, работающих с детьми группы риска. / Под науч. ред. профессора С.А. Лисицына, С.В. Тарасова. - СПб.: ЛОИРО, 2006. – 172 с.

70. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. — Москва: «Когито-Центр», Издательство «Институт психологии РАН», 1997. — 432 с.

71. Крамник В.В. Россия – поиск идентичности // Россия. Планетарные процессы. – СПб.: СПбГУ, 2002. – с.194-234.

72. Краснорядцева О. М. Готовность к инициативному поведению студенческой молодежи. // Сибирский психологический журнал. – № 46, 2012. – С. 76 – 83.

73. Кросс-культурная психология. Исследования и применение [Текст]: пер. с англ. — Харьков: Гуманитарный центр, 2007. – 560 с.

74. Кропоткин П.А. Этика: Избранные труды. – М.: Политиздат, 1991. – 496 с.

75. Крысько В. Г. Этнопсихологический словарь. / Под Ред. В.Г. Крысько. - М.: Москов. психолого-социальный ин-т, 1999. – 343 с.

76. Крысько В.Г. Психология межнациональных отношений [Текст] / В.Г. Крысько. — 2-е изд., доп. и дораб. — М.: ИНФРА-М, 2017. - 228 с.

77. Купер К. Индивидуальные различия. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 527 с.

78. Лебедева Н.М. Этническая и кросс-культурная психология. - М.: МАКС Пресс, 2011. - 424 с.

79. Лебедева Н.М. Этнопсихология. / Н.М. Лебедева. - Люберцы: Юрайт, 2016. - 491 с.

80. Левин К. Теория поля в социальных науках. – СПб.: «Сенсор», 2000. – 368 с.

81. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. – СПб.: Речь, 2001. – 408 с.

82. Левкович В.П., Панкова Н.Г. Социально-психологические аспекты

проблемы этнического сознания // Этническая психология: хрестоматия; под ред. А.И. Егоровой. – СПб. Речь, 2003. – 320 с.

83. Левонтин Р. Человеческая индивидуальность: наследственность и среда. - М.: Прогресс-Универс, 1993. - 208 с.

84. Леонтович О. Введение в межкультурную коммуникацию [Текст] / О. Леонтович. — М.: Гнозис, 2007. — 368 с.

85. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Смысл, Академия, 2005. - 352 с.

86. Линн Ричард. Расовые различия в интеллекте. Эволюционный анализ. – М.: Профит Стайл, 2010. – 304 с.

87. Логинова И.О., Живаева Ю.В. Особенности социокультурной идентичности студентов малого города и мегаполиса. // Вестник КемГУ, № 3 (63), Т.3, 2015. – С.167-172.

88. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Изд-во «Наука», 1999. – 350 с.

89. Лопухова О.Г. Психология этнического самосознания и межкультурного общения. - Казань: Издательство «Бриг», 2015. – 124 с.

90. Лукьянов О. В. Проблема аутентификации. Необходимость психологической подлинности. // Новые психологические контексты становления личности в меняющемся мире. – Томск: Изд. дом ТГУ, 2017. – С. 96 -114.

91. Мандель Б.Р. Этнопсихология. / Б.Р Мандель. - М.: Флинта, 2014. - 320 с.

92. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 1999. – 478 с.

93. Мацумото Д. Психология и культура: современные исследования. – М.: Олма-Пресс, 2002. – 416 с.

94. Мацумото Д. Человек. Культура. Психология [Текст] / Д. Мацумото. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. — 668 с.

95. Межкультурная компетентность в реалиях жизни азиатских народов. / Карнышев А.Д., Терехова Т.А., Трофимова Е.Л., Иванова Е.А., Карнышева О.А., Ефимова А.В. – Иркутск.: Изд-во Репроцентр А1, 2013. – 502 с.

96. Многоликая глобализация. / Под. ред. П. Бергера и С.Хантингтона. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 396 с.
97. Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач. // Синергетика. Антология. – М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – С.247-322.
98. Мухина В.С. Личность: мифы и реальность. – Екатеринбург: ИнтелФлай, 2007. – 1072 с.
99. Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности [Текст] / В.С. Мухина. — М.: Воронеж, 1999. — 640 с.
100. Налчаджан А.А. Этнопсихология. - Ереван, Изд-во «Огебан», 2006. – 436 с.
101. Настольный энциклопедический словарь: в 8-ми тт. - М.: Товарищество А. Гранат и К°. - 1899 - 1900 гг.
102. Обухова Л. Ф., Дворникова И. Н. Ритуалы как психологическое средство формирования сплоченности семьи. // Психологическая наука и образование. - № 4, 2008. – С. 24-34.
103. Общая психология. / Под ред. А. В. Петровского. – М: Издательский центр Академия, 1998. – 512 с.
104. Олпорт Г. Становление личности: избранные труды. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.
105. Ольшанский Д.В. Психология масс [Текст] / Д.В. Ольшанский. — СПб.: Питер, 2002. — 368 с.
106. Панеш Э. Х. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействия и особенности эволюции. – СПб.: Европ.дом, 1996. – 303 с.
107. Парыгин Б.Д. Социальная психология. – СПб.: ИГУП, 1999. – 592 с.
108. Пенн М.Дж., Залесн К.Э. Микротенденции: маленькие изменения, приводящие к большим переменам. – М.: АСТ, 2009. – 510 с.

109. Петров И.Г. Этнос и нация, национальность и этничность (предназначение и смысл) [Текст] / И.Г. Петров. // Мир психологии. - № 3 (59). — 2009. - С. 12-23.

110. Петрова К.А. Этническое самосознание как психологический феномен. // Омский научный вестник. - № 5 (72). – 2008. – с.146-149.

111. Платонов Ю.П. Психология национального характера: учеб.пособие для студ. высш. учеб. заведений. / Ю. П. Платонов. — М.: Издательский центр «Академия», 2007. — 240 с.

112. Платонов Ю.П. Этническая психология. – СПб. : Речь, 2001. – 320 с.

113. Порохнюк Е.В. Образовательные приоритеты в структуре семейных ценностей. // Социология образования. - № 6, 2014. – С.28-37.

114. Потемкин А.В. Национально-психологические особенности проявления патриотизма личности. / А.В.Потемкин. - автореф. Дисс...канд. психол. наук. – Новосибирск, 2009. – 103 с.

115. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология [Текст]: учебное пособие. / Л.Г. Почебут. — СПб.: Питер, 2012. — 336 с.

116. Проблемы и ресурсы психологии патриотизма и межнационального согласия. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – 480 с.

117. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности. / Под ред. Г.У. Солдатовой. - М.: Смысл, 2002. – 479 с.

118. Психологическая энциклопедия. - 2-е изд. / Под ред. Р.Корсини, А.Ауэрбаха. – СПб.: Питер, 2006. – 1096 с.

119. Психология и культура. / Под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – 720 с.

120. Психология межкультурной компетентности: сущность, региональная специфика, технологии формирования. / Карнышев А. Д., Терехова Т.А., Трофимова Е.Л., Скорова Л.В., Иванова Е.А., Карнышева О.А. – Иркутск: Изд-во «Репроцентр А1», 2012. – 438 с.

121. Психология. Полный энциклопедический справочник. / Сост. и общ. ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. – СПб.: Прайм, 2007. – 896 с.
122. Пьоре А. Почему мы патриоты. [Электронный ресурс] - <http://inosmi.ru/social/20151207/234705376.html>
123. Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. // Отв. ред.: М. Барретт, Т. Рязанова, М. Валовикова. - М.: Издательство Института психологии РАН, 2001. - 196 с.
124. Реан А.А. Психология личности. Социализация, поведение, общение. - М., СПб.: АСТ, Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 407 с.
125. Резников Е.Н. Методологические проблемы этнической психологии. – М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2005. – 240 с.
126. Резников Е.Н. Этническая психология. // Социальная психология. – М.: ПЕРСЭ, 2001. – С.313-330.
127. Резников Е.Н. Психология этнического общения [Текст] / Е.Н. Резников. — М.: Институт психологии РАН, 2008. — 460 с.
128. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 429 с.
129. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии . – СПб. : Питер, 1998. – 721 с.
130. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. - М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. - 288 с.
131. Свенцицкий А.Л. Краткий психологический словарь. – М.: Проспект, 2008. – 512 с.
132. Семенов В. Е. Российская идентичность и патриотизм в полиментальном обществе. [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. - Том 2. № 3. - С. 116-142. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document374.pdf> (дата обращения 20.02.2018).
133. Семенов И.С. Россия XX- начала XI века. Культура и общество. – М.: Провещение, 2011. – 528 с.

134. Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. / А. В. Серый. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. - 272 с.
135. Серый А.В., Вечканова Е.М. Темпоральные аспекты актуализации смысловых граней субъективных образов переживания кризиса идентичности в период юности. // Вестник КемГУ, 2015. - № 3 (63), Т.3. – С. 238-247.
136. Синергетика. Антология. - М., СПб.: Центр гуманит. инициатив, 2013. - 408 с.
137. Солдатова Г.У. Диагностика типов этнической идентичности. // Психология общения. Энциклопедический словарь. / Под общ. ред. А. А. Бодалева. – М., Когито-центр, 2011. – 511 с.
138. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
139. Солдатова Г.У., Макаrchук А.В. Может ли другой стать другом. Тренинг по профилактике ксенофобии. – М.: Генезис, 2006. – 256с.
140. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
141. Социальная психология. 7-е изд. / Под ред. С. Московичи. – СПб.; Питер, 2007. – 592 с.
142. Социальная психология. Хрестоматия. // сост.Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.М. - М: Аспект Пресс, 2003.— 475 с.
143. Ставропольский Ю.В. Модели этнокультурной идентичности в современной американской психологии [Текст] / Ю.В. Ставропольский. // Вопросы психологии. — 2003. — № 6. — С. 112-118.
144. Стефаненко Т.Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения. / Социальная психология. Хрестоматия. - М., 1999. – 218 с.
145. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология [Текст]. / Т.Г. Стефаненко. — М.: Аспект Пресс, 2014. — 352 с.
146. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. Практикум. / 2-е изд., перераб. и доп. / Т.Г. Стефаненко. - М.: Аспект-Пресс, 2013. - 224 с.

147. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. / Т.Г. Стефаненко. — М.: ИП РАН, 1999. — 320 с.
148. Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Институт психологии РАН, 2008. — 576 с.
149. Теплов Б. М. Избранные труды. — М.: Педагогика, 1985. - 328 с.
150. Тинберген Н. Социальное поведение животных. — М.: Мир, 1993. — 152 с.
151. Толочек В. А. Стили деятельности: ресурсный подход. — М.: ИП РАН, 2015. — 366 с.
152. Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 336 с.
153. Тэйлор Дж. Белое самосознание: расовая идентичность в XXI веке. - М.: Икс-Истори; Кучково поле, 2014. - 496 с.
154. Уилсон Э. Хозяева земли. Социальное завоевание планеты человеком. — СПб.: Питер, 2014. - 352 с.
155. Ушаков Д.В., Карнышев А.Д. Компетенции, креативность и предприимчивость как основа инновационных потенциалов личности и группы. // Экономическая психология: актуальные исследования и инновационные тенденции / ред. А.Д.Карнышев. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. — С.378-392.
156. Фрейд З. Психоанализ, религия, культура. — М.: Ренессанс, 1992. — 313 с.
157. Фромм Э. Здоровое общество. — М.: АСТ, 2007. — 608 с.
158. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1978 – 1979 учебном году. — СПб. Наука, 2010. — 448 с.
159. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 349 с.
160. Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. - Екатеринбург: Изд-во УдГУ, 2002. - 153 с.

161. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание [Текст] / В.Ю. Хотинец. — СПб.: Алетейя, 2000. — 240 с.

162. Хотинец, В.Ю. К вопросу об основных подходах к изучению этничности в зарубежной и отечественной науке (позиция этнопсихолога) // Мир психологии. – 2001. – № 4. – С. 135-145.

163. Чебоксаров, Н.Н. Проблемы происхождения древних и современных народов. – М.: Наука, 1964. – 418 с.

164. Черняк Н.В. Межкультурная компетенция: история исследования, определение, модели и методы контроля. – М.: Флинта, 2016. – 264 с.

165. Шарден П.Т. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – 240 с.

166. Шибутани Т. Социальная психология. - Ростов н /Д: Феникс, 1999. - 539 с.

167. Шогенов А.А. Этническое самосознание горских евреев и осетин, проживающих в диаспорах в Кабардино-Балкарской Республике : дисс...канд.психол.наук. – М., 1999. – 189 с.

168. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. – СПб, 1996. – 155 с.

169. Шопенгауэр А. Избранные произведения. – М.: Просвещение, 1992. – 479 с.

170. Эриксон Э. Детство и общество. - М.: Питер, 2001. - 582 с.

171. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М. : Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. – 341 с.

172. Этнос. Нация. Ценности: Социально-философские исследования. – М.: «Канон+», 2015. – 440 с.

173. Этнотолерантность подростка: воспитание в семье и школе. Словарь. – СПб.: Речь, 2007. – 330 с.

174. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. – М.: Прогресс-Юниверс, 1994. – 336 с.

175. Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации [Текст] / К.Г. Юнг. - М.: Наука, 1996. – 269 с.

176. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В.А.Ядов // Мир России. Социология. Этнология.-М., № 3-4, 1995. - С. 158-181.

177. Яницкий М. С., Браун О. А. Этнокультурная специфика ценностной иерархии педагогов как агентов социализации. // Вестник КГУ. – 2015. - №.3 (63). – С. 262 – 267.

178. Ярощук Н. З. Глобализация и национально-конфессиональные особенности // Феномен глобализации в контексте диалога культур. – М.: «Канон+», 2010. – С. 286 – 301.

179. Crocetti E., Fermani A., Pojaghi B., Meeus W. Identity Formation in Adolescents from Italian, Mixed, and Migrant Families // Child Youth Care Forum. 2011. Vol. 40. P. 7–23.

180. Culture and Psychology (журнал). - Aalborg University. Denmark. URL: <https://us.sagepub.com/en-us/nam/journal/culture-psychology#description>. (дата обращения 24.03.2016)

181. Daseking M., Petermann F. Geschlechtsunterschiede im Zusammenhang zwischen Persönlichkeit und sozialer Kompetenz im Erwachsenenalter. // Zeitschrift for Psychiatrie, Psychologie und Psychotherapie, 2016, № 64(4). - P.287-297.

182. Francis Heylighen. Self-organization in Communicating Groups: the emergence of coordination, shared references and collective intelligence. «электронный ресурс» URL: <http://cogprints.org/7265/> (дата обращения 20.09.2018)

183. Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. L.-N.Y. 1986.

184. Kuhn M.H., McPartland T.S. The Empirical Investigation of Self-attitude // American Sociological Review. 1954. Vol. 19. P. 68–76.

185. Liane Gabora. Modeling Cultural Dynamics. // Proceedings of the Association for the Advancement of Artificial Intelligence (AAAI). Fall Symposium 1: Adaptive Agents in a Cultural Context, Nov 7-9, The Westin Arlington Gateway, Arlington VA - P. 18-25.

186. Meeus W. The Study of Adolescent Identity Formation 2000–2010: a Review of Longitudinal Research // *Journal of research on adolescence*. 2011. № 21 (1). P. 75–94.

187. Mishra R.C. Mental Health Problems in Culturally Changing Adivasi Communities. // *Psychology and Developing Societies* 27(2), p.214–230.

188. Pauen S., Roos J. Wie viel Krippe braucht das Kind? // *Psychologische Rundschau*. - 2013, № 64. - P.247-250.

189. Phinney J. Ethnic identity and acculturation // *Acculturation: Advances in theory, measurement, and applied research* / K. Chun, P. B. Organista, & G. Marin (Eds). Washington, DC, 2003.

190. Sanchez D. Racial identity attitudes and ego identity statuses in Dominican and Puerto Rican college students // *Journal of College Student Development*. 2013. № 54 (5). P. 497–510. DOI: 10.1353/csd.2013.0077.

191. Searle W. The prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions / W.Searle , C. Ward // *Intern. J. of Intercultural Relations*.-1990.-№14.-P.449-464.

192. Shweder R.A. Cultural psychology: What is it? *Cultural psychology: Essays on comparative human development* / R.A. Shweder. — Cambridge University Press, 1990. — P. 1—46.

193. Spitzberg B.H., Changnon G. Conceptualizing Intercultural Competence. In Darla K. Deardorff D.K. (Eds.) *The SAGE Handbook Of Intercultural Competence*, Chapter 1. - P. 6-15.

194. Tätigkeitstheoretische bzw. kultur-historisch orientierte Didaktik. // *Journal für tätigkeitstheoretische Forschung in Deutschland* herausgegeben von Georg Rückriem und Hartmut Giest, 2016, - Heft 14. - P.13-23.

195. Turner J.H. *Contemporary sociological theory*. Publications. Inc. 2013.

196. Wagoner Brady, Bresco de Luna Ignacio. Culture, history, and psychology: Some historical reflections and research directions. // *Culture & Psychology*, 2018, Vol. 24(3) – P.294–309.

Методика «Типы этнической идентичности личности» Г.У.Солдатовой

Разработана Г. У. Солдатовой (1998 г.), поставившей перед собой цель – определить тенденции трансформации этнического самосознания в условиях роста межэтнической напряженности. По ее мнению, одной из форм кризисных трансформаций этнической идентичности является рост этнической нетерпимости (интолерантности).

Толерантность-интолерантность – главная проблема межэтнических отношений. Степень этнической толерантности оценивается на основе следующих критериев: уровень негативизма в отношении к собственной и другим этническим группам; уровень порога эмоционального реагирования на иноэтническое окружение; степень выраженности агрессивных и враждебных реакций по отношению к другим группам.

Типы идентичности различного качества и степень выраженности этнической толерантности были выделены Солдатовой на основе широкого диапазона шкалы этноцентризма, при «отрицании» идентичности фиксируются негативизм и нетерпимость по отношению к собственной этнической группе. При национальном фанатизме – апофеоз нетерпимости и высшая степень негативизма по отношению к другим этническим группам.

В результате серии экспертных оценок и пилотажных исследований были отобраны 30 суждений, интерпретирующих конец фразы: «Я такой человек, который...». Данные суждения отражают отношение к собственной и другим этническим группам в разных ситуациях межэтнического взаимодействия.

Инструкция. Ниже приводятся высказывания различных людей по вопросам национальных отношений, национальной культуры. Подумайте, насколько Ваше собственное мнение совпадает с мнением этих людей. Определите свое согласие или несогласие с данными высказываниями.

«Я такой человек, который...» (поставьте галочки напротив каждого утверждения в таблице):

	Высказывания	Согла-сен	Скопее согласен	В чем-то согласен, в чем-то нет	Скопее не согласен
1	Предпочитает образ жизни своего народа, но с большим интересом относится к другим народам				
2	Считает, что межнациональные браки разрушают народ				
3	Часто ощущает превосходство людей другой национальности				
4	Считает, что права нации всегда выше прав человека				
5	Считает, что в повседневном общении национальность не имеет значения				
6	Предпочитает образ жизни только своего народа				
7	Обычно не скрывает своей национальности				
8	Считает, что настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности				
9	Часто испытывает стыд за людей своей национальности				
10	Считает, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа				
11	Не отдает предпочтение какой-либо национальной культуре, включая и свою собственную				
12	Нередко чувствует превосходство своего народа, над другими				
13	Любит свой народ, но уважает язык и культуру других народов				
14	Считает строго необходимым сохранять чистоту нации				
15	Трудно уживается с людьми своей национальности				
16	Считает, что взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей				
17	Безразлично относится к своей национальной принадлежности.				
18	Испытывает напряжение, когда слышит вокруг себя чужую речь				
19	Готов иметь дело с представителем любого народа, несмотря на национальные различия				
20	Считает, что его народ имеет право решать свои проблемы за счет других народов				

	Высказывания	Согла-сен	Скопее согласен	В чем-то согласен, в чем-то нет	Скопее не согласен
21	Часто чувствует неполноценность из-за своей национальной принадлежности				
22	Считает свой народ более одаренным и развитым по сравнению с другими народами				
23	Считает, что люди других национальностей должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории				
24	Раздражается при близком общении с людьми других национальностей				
25	Всегда находит возможность мирно договориться в межнациональном споре				
26	Считает необходимым «очищение» культуры своего народа от влияния других культур				
27	Не уважает свой народ				
28	Считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу				
29	Никогда серьезно не относился к национальным проблемам.				
30	Считает, что его народ не лучше и не хуже других народов.				

Математическая обработка. Типы этнической идентичности оцениваются по шести показателям, им соответствуют определенные номера вопросов.

Ключ

Типы этнической идентичности	Номера вопросов
Позитивная этническая идентичность – норма	1, 7, 13, 19, 25
Этническая индифферентность	5, 11, 17, 28, 30
Этнонигилизм	3, 9, 15, 21, 27
Этноэгоизм	6, 12, 16, 18, 24
Этноизоляционизм	2, 8, 20, 22, 26
Национальный фанатизм	1, 10, 14, 23, 29

Этническую идентичность по типу нормы характеризуют высокая толерантность и готовность к межэтническим контактам. Человеку с нормальной этнической идентичностью свойственно естественное предпочтение собственных этнокультурных ценностей. Позитивная этническая идентичность характерна для большинства людей и представляет собой такой баланс толе-

рантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее как условие самостоятельного и стабильного существования этнической группы и как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтническом мире. Остальные типы этнической идентичности – это отклонение от нормы.

Этническая индифферентность (космополитизм) – это идеология гражданина мира.

Этнонигилизм представляет собой форму гипoidентичности. Этнонигилистические тенденции отражают нежелание поддерживать собственные этнокультурные ценности, выражаются в ощущении этнической неполноценности, ущемленности, стыда за представителей своего этноса, иногда негативизма по отношению к ним, проявляются в трудностях общения.

Гиперидентичность существует в формах этноэгоизма, этноизоляционизма, национального фанатизма.

Этноэгоизм может выражаться в безобидной форме конструкта «мой народ», но способен вносить напряженность и раздражение в общение с представителями других этнических групп или признание за своим народом права решать проблемы за «чужой» счет.

Этноизоляционизм проявляется как убежденность в превосходстве своего народа, в признании необходимости «очищения» национальной культуры, негативном отношении к межнациональным брачным союзам, ксенофобии.

Национальный фанатизм – это готовность идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов, вплоть до этнических «чисток», отказа в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями другим народам, признания приоритета этнических прав народа над правами человека, оправдания любых жертв в борьбе за благополучие своего народа.

Методика «Изучение самооценки личности с помощью процедуры ранжирования» Будасси С.А.

Данная методика позволяет проводить количественное исследование самооценки личности. В основе данной методики лежит способ ранжирования. В ней испытуемым предлагается на бланке 20 различных качеств личности. Данные качества сначала испытуемый ранжирует по тому, в какой мере они ему импонируют, соответствуют образу идеального, успешного человека. Затем эти же качества испытуемые ранжируют по отношению к себе, то есть в какой степени эти качества присущи им самим. Цель обработки результатов - определение связи между ранговыми оценками качеств личности, входящими в представления «Я идеальное» и «Я реальное». Мера связи устанавливается с помощью коэффициента ранговой корреляции.

Процесс самооценивания может происходить двумя путями: 1) путем сопоставления уровня своих притязаний с объективными результатами своей деятельности и 2) путем сравнения себя с другими людьми. Однако независимо от того, лежат ли в основе самооценки собственные суждения человека о себе или интерпретации суждений других людей, индивидуальные идеалы или культурно-заданные стандарты, самооценка всегда носит субъективный характер; при этом ее показателями могут выступать адекватность и уровень.

Адекватность самооценивания выражает степень соответствия представлений человека о себе объективным основаниям этих представлений. Уровень самооценки выражает степень реальных и идеальных, или желаемых, представлений о себе. Адекватную самооценку (с тенденцией к завышению) можно приравнять к позитивному отношению к себе, к самоуважению, принятию себя, ощущению собственной полноценности. Низкая самооценка (с тенденцией к занижению), наоборот, может быть связана с негативным от-

ношением к себе, неприятием себя, ощущением собственной неполноценности.

В процессе формирования Самооценки важную роль играет сопоставление образов реального Я и Я идеального. Поэтому тот, кто достигает в реальности характеристик, соответствующих идеалу, будет иметь высокую самооценку. Если же человек «эффективно» рефлексировывает разрыв между этими характеристиками и реальностью своих достижений, его самооценка, по всей вероятности, будет низкой. Самооценка и отношение человека к себе тесно связаны с уровнем притязаний, мотиваций и эмоциональными особенностями личности. От самооценки зависит интерпретация приобретенного опыта и ожидания человека относительно самого себя и других людей.

Коэффициент ранговой корреляции может находиться в интервале от -1 до +1. Значение коэффициента корреляции от +0,38 до +1 - свидетельство наличия значимой положительной связи между Я идеальным и Я реальным. Это можно трактовать как проявление адекватной самооценки или, при r от +0,39 до +0,89, как тенденция к завышению. Значения же от +0,9 до +1 часто выражают неадекватно завышенное самооценивание. Значение коэффициента корреляции в интервале от -0,38 до -1 говорит о наличии значимой отрицательной связи между Я идеальным и Я реальным (отражает несоответствие или расхождение представлений человека о том, каким он хочет быть, и тем, какой он в реальности). Это несоответствие предлагается интерпретировать как заниженную самооценку. Чем ближе коэффициент к -1, тем больше степень несоответствия.

**Опросник МОАС (методика оценки альтернативных суждений)
«Проблемы этнической идентичности личности»**

Инструкция. Просим Вас провести оценку предложенных суждений по следующим вариантам и поставить галочку в соответствующей колонке:

- 1- Полностью не согласен с суждением;
- 2- Скорее не согласен, чем согласен;
- 3- Средняя, промежуточная оценка;
- 4- Скорее согласен, чем не согласен;
- 5- Согласен с суждением в полной мере.

При оценке просим быть максимально искренними и объективными.

№ п\п	Конкретное содержание суждения	Оценка в баллах				
		1	2	3	4	5
1	Людам полезно для сохранения традиций и психологического здоровья жить преимущественно на земле, где родились и выросли.					
2	Чувство национального достоинства связано, скорее, с успехами всей страны, чем конкретного народа.					
3	Знание русского языка – гарантия стабильных межнациональных контактов и согласия в стране.					
4	Многообразие этносов (народов) в стране – это преимущество Российской Федерации.					
5	Интересы государства приоритетнее любых этнических интересов.					
6	Известный тезис: «оборона важнее благосостояния людей» нужно считать важным и для сегодняшнего дня.					
7	Западная (европейская) ориентация России всегда была заметней, чем её самобытное развитие.					
8	Люди могут и должны жить на любой территории, не считаясь со своей национальной принадлежностью.					
9	Чувство национального достоинства зависит,					

	прежде всего, от успехов своего народа, а не от общих успехов.					
10	Роль русского языка в стабилизации международных отношений у нас необоснованно переоценивается.					
11	Многообразие народов в России – это слабость страны.					
12	Интересы конкретных народов и этнических групп в России должны учитываться в первую очередь.					
13	Оправдание тезиса «Оборона вместо благосостояния» из-за изменившихся обстоятельств нужно считать устаревшим.					
14	Восточная (азиатская) ориентация России всегда была заметней, чем её самобытное развитие.					
15	Любовь к родной земле приходит к нам от предков и сохраняется на генетическом уровне.					
16	Если в чем-то обвиняют представителей моего народа, то я не воспринимаю это близко к сердцу.					
17	Преподавание основных предметов в национальной школе лучше осуществлять на русском языке.					
18	Межнациональные отношения в России дают повод для гордости своей страной.					
19	Общероссийским успехам (достижениям) я радуюсь больше, чем успехам своего народа.					
20	Чтобы успешно формировать патриотизм, надо, прежде всего, укреплять частную собственность граждан.					
21	Самостоятельность, самобытность России важнее, чем следование западным ценностям.					
22	Человек привыкает к любым местам, поэтому говорить о генетической привязанности к земле «предков» вряд ли правильно.					
23	Если в чем-то обвиняют представителей моего народа, я воспринимаю это очень болезненно, близко к сердцу.					
24	Преподавание основных предметов в национальной школе лучше осуществлять на родном языке.					
25	Межнациональные отношения в России побуждают чувствовать себя ущемленным.					

26	Успехам своего народа я радуюсь больше, чем общероссийским.					
27	Наличие собственности на землю, недвижимость для формирования патриотизма, скорее всего, ничего не значит.					
28	Самостоятельность, самобытность России важнее, чем следование восточным ценностям.					
29	На все вопросы этого теста я ответил с предельной искренностью.					
30	Скорее всего, в ряде ответов на поставленные вопросы я не смог быть достаточно объективным.					

Большое спасибо за Ваше мнение!

